

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра философии

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей

Выпуск VIII

Бишкек 2021

УДК 1/14
ББК 87
О 28

Рецензент:

Ч.Т. Нусупов, д-р филос. наук, профессор КНУ
им. Ж. Баласагына

Редакционная коллегия:

А.Ч. Какеев, д-р филос. наук, академик НАН КР –
руководитель редакционной коллегии;
А.Х. Бугазов, д-р филос. наук, профессор – ответственный редактор;
А.А. Азимжанова, канд. филос. наук, доцент – чл. редколлегии;
Ю.В. Ли, канд. полит. наук, доцент – чл. редколлегии

Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Гуманитарного факультета КРСУ

О 28 ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ: сб. научных статей. Выпуск VIII. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2021. – 220 с.

ISBN 978-9967-19-811-1

Настоящее издание представляет собой уже восьмой выпуск сборника статей, выходящего под названием «Общечеловеческое и национальное в философии». По традиции, сборник состоит из двух частей. В первой части представлены работы преподавателей кафедры философии и сотрудников гуманитарного факультета КРСУ, во второй опубликованы статьи и тезисы выступлений студентов и магистрантов университета на научной конференции молодых ученых.

Как и во всех предыдущих выпусках, содержащиеся в сборнике материалы, следуя его тематике, отражают широкий спектр исследований – от социально-философских и социально-политических проблем современного постиндустриального, информационного общества до конкретных вопросов, связанных с образованием и функционированием «евразийской» модели гражданского общества в контексте соотношения национального и общечеловеческого.

Сборник представляет интерес для специалистов в социально-гуманитарной сфере, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех, кого интересуют мировоззренческие и гносеологические аспекты современного общества и методологическая роль философии в его жизнедеятельности.

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-9967-19-811-1

© ГОУВПО КРСУ, 2021

РАЗДЕЛ 1

А.А. Азимжанова

«СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ» КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Жизнь индивида невозможно представить без общественных отношений, связь которых осуществляется через память как отдельного человека, так и общества в целом. Сущность и существование индивида определяется его памятью, так как она участвует в процессе его становления, формирования и развития. Она придает некую завершенность, целостность его качествам, а также вырабатывает устойчивость в миропонимании, мировоззрении, ценностных ориентациях. Лишь благодаря памяти мы можем говорить о тождественности самому себе. Память играет важную роль в процессе интеллектуальной и производственной деятельности человека. Очень сложно представить, каких успехов человек добился бы на сегодняшний день, если бы память была кратковременной. Память представляет собой не только психологическую, но и социальную характеристику, чтобы субъект мог сопоставить свои воспоминания с другими, закрепить и быть уверенным в их достоверности, истинности, в определенной степени соответствующей социальной и природной действительности. Исследование «социальной памяти», ее понимание и проявление в обществе сегодня актуально, об этом свидетельствуют статьи, посвященные раскрытию различных аспектов социальной памяти, исследования, раскрывающие ее сущность, структуру и формы проявления. Тем не менее, нельзя сказать, что данный феномен полностью изучен.

Память характеризуется богатством содержания и многогранностью проявления по отношению к различным видам деятельности, отраслям знаний, например, в культуре. Не случайно некоторые исследователи в значении «» используют понятие «культурная память» [1, с. 199–201].

В культуре результат прошлой творческой деятельности обретает новую жизнь в развитии благодаря «встрече» с новой

творческой деятельностью, что, конечно, тоже предполагает определенную регламентацию. Преемственность культуры означает, что предыдущая деятельность и ее результаты определяют возможности и направленность развития, выступая в качестве его основания и условия. При этом развитие культуры – общественный процесс, предполагающий организацию людей, их совместные действия, а, следовательно, регулирование этих действий правилами. Также учитываем, что развитие культуры – закономерный процесс, а всякий закон есть определенного рода внутреннее ограничение [2, с. 219].

Следует также отметить то, что культура включается в общественно-исторический процесс многообразными способами и формами. Именно культура приобретает социальное влияние, прежде всего, в качестве необходимого аспекта деятельности общественного человека, и «в силу своего общественного характера предполагает организацию совместной деятельности людей, а, следовательно, регулирование ее определенными правилами, аккумулированными в традициях, нормах, знаковых и символических системах и т. п.» [3, с. 129].

Известный советский ученый А.Ф. Лосев видел в типе культуры систему взаимных отношений всех слоев исторического процесса (экономических, социально-политических, практико-технических, ремесленных, научных, художественных, моральных, философских, национально-народных, бытовых). «Эта система, – подчеркивал он, – образует неделимую целостность в качестве определенной структуры, которая наглядно и чувственно предметно выражает материальную и духовную специфику данного времени и места, являясь основным методом объяснения всех слоев исторического развития – как в их теоретическом противопоставлении, так и в их последовательном развитии» [4, с. 220].

Впервые мысль о памяти, присущей не только индивиду, но и обществу, оставляющей отпечатки прошлого в виде исторических событий, культурных и научных достижений, высказал Френсис Бэкон. Память рассматривается им как социальное явление, позволяющее расширить поле научной деятельности, необходимое для отдельных людей, занимающихся наукой, и недоступное для многих остальных.

В наше время одним из первых, кто обратил внимание на смысловое значение категории «социальная память», был советский и эстонский философ Я.К. Ребане [5]. Социальную память он характеризует как совокупность ненаследственных социально-культурных средств и систем информации, на основе которых формируются психика и сознание человека как исторически конкретного существа, выступающего в качестве субъекта познания, а также и как общественное познание. Автор выделяет три носителя социальной памяти: орудия производства и общественные орудия труда; объективные социальные отношения, базирующиеся на производственных отношениях; язык в широком смысле, ее различные технические видоизменения. Я.К. Ребане считает, что носители социальной памяти выполняют свою информационную функцию в человеческой деятельности и познании [5].

Действительно, познавательно-смысловое содержание социальной памяти имеет в себе: знание, логическую структуру мышления, социальные и моральные ценности, фиксируемые с помощью форм общественного сознания. Из этого следует, что социальная память является средством, используемым для фиксации, хранения, передачи и преобразования социальной информации, и при этом взаимодействует с культурой. Именно социальная память является моментом опыта, который представляет собой переход от одного мира к другому: от непосредственного прошлого – к непосредственному будущему.

Будучи вторичной по отношению к индивидуальной памяти, социальная память начинает заполнять пространство социума, активно влияя на сознание индивида. Это происходит в истории, этнографии и т. п. Например, Ю.А. Левада, ставя вопрос об изучении трансформации исторического сознания общества как одной из форм общественного сознания, подчеркивал, что любое общество обладает особым механизмом, с помощью которого фиксируются его прошлые состояния и воспроизводятся сложившиеся типы общественных отношений или определенных сторон этих отношений. Социальная память обладает динамикой, связанной с переоценкой ее предмета, перестройкой ее структуры и ее функций. Рассматривая формы исторического сознания общества, автор говорит, что оно развивалось от непосредственно-

практической памяти примитивного общества (через этапы мифологического и утопического) к подлинно научному историческому сознанию [6].

Более глубокое, расширенное исследование социальной памяти принадлежит французскому философу, социологу Морису Хальбваксу. Память раскрывается как проявление индивидуальное и коллективное, а также историческое, закладываются основы исследования категории «социальной памяти». В своих трудах философ обращает внимание на разновидности памяти, одна из которых присуща только субъекту, а вторая – коллективу, но первая проявляется в тесной связи со второй. Он отмечает: «В самом деле существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую личной, а вторую – социальной. Говоря еще точнее (с только что указанной точки зрения): автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории. Но вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращенной и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет гораздо более непрерывную и густую картину» [7, с. 2].

Продолжая мысли философа, можно отметить, что внешняя память охватывает всю социальную действительность, в ней фиксируются все значимые события, которым придается определенный статус в обществе. Внутренняя память связана с внешней, так как позволяет первой вспомнить, закрепить необходимую информацию. Память индивида складывается из повседневной жизни, из тех реалий, с которыми он сталкивается, ярких положительных и отрицательных моментов, которые он запечатлевает. Память позволяет закрепить целостную характеристику о себе, без нее мы обезличиваемся и теряемся не только в обществе, но и в пространстве и во времени. Память отдельного индивида спонтанна, избирательна и позволяет обращаться лишь к тем моментам, которые наиболее ярко впечатлили его, или если субъект многократно воспроизводил в сознании события или информацию, текст. В отношении этого социальная память представляет собой наиболее продуманную, системную, устойчивую структу-

ру, образующий культурный пласт, который в определенной степени защищен творчеством, признанием социокультурной среды, выраженном в устной или письменной форме. Социальная память – это результат деятельности творческого меньшинства.

В работе «Коллективная и историческая память» М. Хальб-вакс пытается раскрыть, как соприкасаются индивидуальная и историческая, коллективная память сквозь поколения, как отражается история в сознании каждого индивида. Ученый в работе «Коллективная и историческая память» больше оперирует понятием «коллективная память», понимая ее как «социальную память». Эти категории им отождествляются, и это можно объяснить уровнем развития общества, в котором сохранить информацию позволяли лишь письменные источники – книги, документы, архивные материалы [7].

Индивидуальная или коллективная деятельность была направлена на изучение действительности. Сегодняшний уровень технологического развития позволяет воспроизводить, передавать и сохранять огромный поток информации. С помощью коммуникационных технологий мега тексты распространяются в глобальных масштабах, сохраняются в сжатых формах, а также общедоступны. Поэтому, на наш взгляд, категория «социальная память» приобретает другие масштабы понимания, намного шире, так как в нее можно вкладывать весь социальный опыт и достижения человечества.

Если «коллективное» понимать как группу, которая фиксирует и передает какие-то отдельные моменты в жизни отдельного народа, то под «социальным» можно понимать память мирового сообщества. Она проникает и отражается в нас, в каждом человеке на современном этапе через средства массовой коммуникации, телевидение и, конечно, Интернет. О том, что она имеет огромные возможности сохранения и передачи, свидетельствует и тот факт, что в 1992 году Организация Объединенных Наций создала программу «Память мира», целью которой является защита всемирного духовного наследия, его сохранение, передача мировому сообществу и будущим потомкам. Открытость, доступность и обозначение значимости документального наследия позволяют обогащать и развивать историю и культуру человечества. К при-

меру, мы, в Кыргызстане, можем гордиться тем, что наша эпическая трилогия «Манас. Сейтек. Семетей» была внесена решением Межправительственного Комитета ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия в Репрезентативный Список ЮНЕСКО нематериального культурного наследия человечества 4 декабря 2013 года [8].

М. Хальбвакс понимает под «памятью» некую социальную конструкцию настоящего, зависящего от окружающих людей, которое воссоздается в соответствии с системой отношений, находящегося в них человека. Память приобретает социальную оболочку. Она соткана не только из личных воспоминаний, но и находится в тесной связи с обществом и событиями вокруг них, так как во взаимодействии с ними конструируется память настоящего и прошлого.

Вводя категорию «социальные рамки» в памяти, М. Хальбвакс придает им смысл не закрытого, стационарного восприятия мира, а динамичного взаимоотношения между временем. В понятие «социальные рамки» он вкладывает значение не только дат, имен, формул, т. е. загнанных в определенные параметры воспоминаний, а связь между поколениями в виде мыслей и опыта. Продолжая исследование философа, можно заметить, что в современном мире внутренняя память присуща не только самому индивиду, но и зависит от окружающего социума, дополняется также информационным пространством мирового сообщества. То есть мы помним не только какие-то субъективные, личные моменты о своем мире, о жизни нашего народа, но и события, происходящие в других странах, исторические факты, научные открытия, культурное развитие и творчество, знания мирового масштаба и многое другое.

Но память отдельного человека как «вещь в себе» не всегда является доступной для других, а после смерти индивида содержательная часть информации его жизни постепенно уходит в прошлое, стирается память о нем. Она остается и становится частью социального в том случае, если запечатлевается в тексте. Философские произведения, трактаты, дневники, творческое наследие, научные исследования, деятельность личностей, повлиявших на изменения в обществе, являются этому подтверждением.

Сегодня в моде современным актерам, певцам, политикам и другим писать мемуары и представлять их общественности, которая, в свою очередь, поддерживает эту деятельность, интересуясь их содержанием.

В своих исследованиях М. Хальбвакс также подчеркивал, что письменное отражение событий позволяет их сохранить: «Когда память о некой череде событий перестает поддерживаться какой-либо группой, которая в них участвовала или испытала на себе их последствия, которая была их свидетелем или услышала живой рассказ о них от первых участников или наблюдателей, когда эта память расплывается по нескольким индивидуальным сознаниям, затерянным в новых обществах, которые уже не интересуются этими событиями, потому что они для них определенно являются внешними, тогда спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связанного рассказа – ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» [7, с. 21].

Текст как элемент социальной памяти несет в себе большую нагрузку, в котором запечатлеваются необходимые для общества знания, ценности, информация, в целом то, что значимо для социума. Но тексты будут выполнять роль воспоминаний общества при условии, если к ним будет проявлен интерес, а также, если они понятны, выражены в знаковой системе, значимость и значение которой не утрачены. Тем не менее, именно текст позволяет нам многократно обращаться к интересующей информации, он статичен, оформлен, несет смысловую нагрузку, является связующим звеном в пространстве и во времени, а также является генератором мысли. Бесспорно, не только тексты могут являться частью социальной памяти, в современном мире огромную роль играет телевидение, интернет, радио.

Дело в том, что помимо сохранения и упорядочения информации о прошлом, механизмы социальной памяти осуществляют также ее воспроизведение, т. е. актуализацию. В целях актуализации ретроспективная информация тем или иным способом извлекается из долговременной памяти, преобразуется и воспроизводится в текущем общественном сознании. Каждый такой акт, – утверждает историк Б.С. Илизаров, – от непосредственного вос-

произведения документа в публикации, предмета в экспозиции музея, архитектурного памятника на улице современного города, трансляции «живых» мемуаров современными средствами массовой коммуникации до сложнейшей аналитической переработки ретроспективной информации в научном исследовании, можно рассматривать как обращение к «воспоминаниям» о важных для данного состояния общества исторических событиях [9, с. 60–69]. Как философская категория, «социальная память» вбирает в себя многогранность проявления во всех сферах деятельности людей. В сфере образования она позволила не только сохранить, передать и обогатить знания последующих поколений, но и пересмотреть, дополнить, критически осмыслить, увидеть недочеты с развитием науки и технологии, отметить заблуждения в научном мире.

Подводя итоги исследования, мы пришли к выводу, что если М. Хальбвакс рассматривает коллективную память как социальную, принадлежащую определенной группе людей, то мы понимаем под «социальной памятью» совокупность представлений, относящихся не только к конкретной группе, народу, но и ко всему человечеству. Можно вспомнить высказывание А.М. Пятигорского о философском мышлении, которое, по его мнению, акультурно, а себя он называл «Я – человек никакой культуры». То есть как творение человека принадлежит человечеству, так и социальная память, являясь частью определенного народа, является достоянием всего мира [10].

Таким образом, обращение к социальной памяти позволяет нам не только отнести себя к определенной общности, вспомнить о наследии предков, о традициях, обычаях, но и пересмотреть положительные и отрицательные стороны происходивших событий. Возродить то, что позволило бы развиваться в соответствии с новыми тенденциями мирового развития и отказаться, оставить в прошлом проявления культуры, не способствующие как индивидуальному росту, так и сообществу в целом.

Литература

1. *Хасанова Л.Р.* Социальная память как проявление культуры // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3. Ч. 2.

2. *Гончаренко Н.В.* Диалектика прогресса культуры. Киев: Наукова думка, 1987.

3. *Злобин Н.С.* Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980.

4. *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988.

5. *Ребане Я.К.* Информация и социальная память (к проблеме социальной детерминации познания) // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 44–54.

6. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Сборник трудов «Философские проблемы исторической науки». М., 1969. С. 203–213.

7. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>.

8. Киргизский эпос «Манас» включен в список ЮНЕСКО. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/12/05/1207730.html>.

9. *Илизаров Б.С.* Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.

10. *Пятигорский А.М.* Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. М.: Азбука-Аттикус, 2016.

А.К. Бектанова

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Основные идеи трактовки гражданского общества заложили античные мыслители Платон, Аристотель и Цицерон. Гражданское общество, или на греческом *politike koinonia*, у Аристотеля – это политическое общество, или государство. Греческое *politike*

koinonia с подачи римского мыслителя Цицерона на латинском стало звучать как *societas civilis* – гражданское общество. И хотя в понятие гражданского общества классики античности вкладывали собственное содержание, связанное с уровнем развития теории и практики своей исторической эпохи, и, в основном, отождествляли его с государством, в нем можно увидеть зачатки современных характеристик гражданского общества. В частности, идеи о частной собственности, верховенстве права и закона, количественном преобладании среднего класса, гражданской культуре как необходимых условий гражданского общества – это плод философской мысли античности – и ее значение для развития всей последующей философии невозможно переоценить.

Античная парадигма гражданского общества господствовала на протяжении нескольких столетий и послужила идейно-теоретической основой формирования последующих учений о нем. Особое внимание концепциям гражданского общества уделялось в эпоху Нового времени. В этот период зарождаются три основные теоретические позиции на гражданское общество: англо-американская, французская и немецкая. В основе англо-американской интерпретации гражданского общества лежала идеология либерализма, ориентированная на примат прав и свобод личности, господство закона и неприкосновенность частной собственности как важнейших условий политической и гражданской свободы. Ее основоположником считается английский философ Т. Гоббс.

Гражданское общество Т. Гоббса – это государство, возникшее на основе общественного договора и перехода из «естественного состояния», состояния «войны всех против всех», к «состоянию гражданскому» [1]. Соотечественник Т. Гоббса Дж. Локк тоже отождествлял понятия гражданского общества и государства. Но все же гражданское общество Дж. Локка в корне отличается от гражданского общества его предшественника. Дж. Локк уверен, что гражданское общество существует только там и тогда, где и когда существуют свободные граждане, обладающие собственностью. У него гражданское общество – это своеобразный третейский судья, обеспечивающий справедливость, порядок и защиту собственности [2]. Как один из основателей либерализма, Дж. Локк провозгласил свободу и права личности высшими гражданскими ценностями.

Либеральные традиции Дж. Локка в понимании гражданского общества продолжил шотландский философ А. Фергюсон. Гражданское общество для А. Фергюсона – категория скорее экономическая и этическая, чем политическая. Для него гражданское общество – это цивилизованное общество, возникшее вместе с законодательным закреплением частной собственности [3]. Существенным признаком такого общества является коммерциализация всех отношений и тесная связь с государством.

Идеи британских философов развил американский просветитель английского происхождения Т. Пейн. Он утверждал, что гражданское общество возникло до государства и являлось естественным социальным состоянием, в котором доминировали мирные отношения, основанные на взаимной зависимости и интересе граждан. В какой-то момент «чувства долга и привязанности начнут ослабевать» и с целью поддержания порядка и справедливости люди договариваются и создают государство [4]. Т. Пейн первым из философов резко противопоставил государство и гражданское общество. По мнению просветителя, государство может считаться законным только тогда, когда оно образовано вследствие явного консенсуса в обществе.

Одним из первых представителей французской традиции гражданского общества был Ш. Монтескье. Он рассматривал гражданское общество с позиции философии истории. Гражданское общество появляется в результате исторического развития после естественного состояния, семьи и исторического времени [5]. Гражданское общество у Монтескье – это совокупность взаимодействующих между собой свободных индивидов и их сообществ, деятельность которых направлена на удовлетворение их интересов и реализацию способностей, и не противоречит интересам государства и общества в целом.

Другой французский просветитель Ж.-Ж. Руссо возникновение гражданского общества связывал с появлением частной собственности и исчезновением эгалитаризма. Вслед за Ш. Монтескье Ж.-Ж. Руссо проводил грань между гражданским обществом и государством. Он считал, что, во-первых, гражданское общество исторически возникло раньше государства, а, во-вторых, субстанциональной основой гражданского общества яв-

ляется индивид, обладающий собственностью и озабоченный своими частными интересами, а главной составляющей государства становится гражданин, участвующий в управлении государством и подчинивший свою волю общей воле [6]. Подмеченное Ж.-Ж. Руссо различие между индивидом как гражданином и индивидом как членом гражданского общества легло впоследствии в основу концепции прав человека и гражданина.

Ключевое влияние на формирование современных концепций гражданского общества оказал известный французский мыслитель А. Токвиль. Его знаменитая работа «Демократия в Америке» была основана на эмпирических данных, полученных им в результате исследования становления демократии в США. А. Токвиль разделял государство и гражданское общество, но не противопоставлял их друг другу. Стержневым институтом гражданского общества, по его мнению, следует признать гражданские ассоциации, способные разрешать проблемы, с которыми не в силах справиться государственные институты. А. Токвиль был убежден, что среди основных факторов укрепления демократии и гражданского общества важное место занимает духовная составляющая, а именно – обычаи и нравы [7]. Автор «Демократии в Америке» заложил фундамент социокультурного подхода к пониманию гражданского общества, акцентируя внимание на моральном и социопсихологическом воздействии сети общественных ассоциаций, занятых решением повседневных, «малых» дел.

Немецкая традиция в понимании гражданского общества представлена именами И. Канта, В. фон Гумбольдта, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса. Первым из них был родоначальник немецкой классической философии и немецкого либерализма И. Кант. Понимая под гражданским обществом общество, основанное на свободе, равенстве и самостоятельности его членов, И. Кант рассматривал его в качестве правового идеала и впервые поставил вопрос о формировании универсального гражданского общества, единого для всего человечества [8]. Немецкий философ-просветитель В. фон Гумбольдт, как и большинство философов конца XVIII века, уже твердо разграничивая государство и гражданское общество, отдавал предпочтение последнему. В основе гражданского общества, с его точки зрения, лежат система национальных, обществен-

ных учреждений, формируемых «снизу» самими индивидами, «естественное и общее право» и личность.

Одной из самых сложных и серьезных концепций гражданского общества является парадигма классика немецкой философии Г. Гегеля. Она представляет собой синтез естественно-правовых воззрений на индивида как субъекта нравственного сознания и носителя естественных и гражданских прав, линии эпохи Просвещения, направленной на противопоставление и в то же время взаимопроникновение государства и гражданского общества, и, наконец, идей английских политэкономов об экономической основе гражданского общества. Гражданское общество, по Гегелю, – это во-первых, выросшая из семьи общность индивидов, обладающих частной собственностью и связанных между собой с целью удовлетворения своих многообразных интересов и потребностей; во-вторых, момент в движении Абсолютной идеи к всеобщей свободе; в-третьих, социальная организация, возникшая вместе с буржуазными отношениями и отстаивающая права своих членов при условии соблюдения ими прав гражданского общества; в-четвертых, социальный организм, раздираемый множеством противоречий, и прежде всего, между нищетой и разрухой, с одной стороны, и богатством и роскошью, с другой [9].

Преодолеть эту антиномичность гражданского общества, по мнению Гегеля, может только государство, в котором опредмечивается конечная цель Абсолютной идеи – достижение идеи нравственности и конкретной свободы. Учение Гегеля было тем центральным теоретическим источником, опираясь на который, строились все современные концепции гражданского общества.

Гегелевское учение о гражданском обществе развил и вместе с тем переработал другой великий немецкий философ К. Маркс. Для него гражданское общество представляло, во-первых, совокупность производственных отношений, во-вторых, социально-экономическую организацию буржуазного общества, противостоящую государству, и, в-третьих, средневековое сословное устройство [10]. В отличие от Гегеля, дихотомия «государство – гражданское общество» решается создателем материалистического понимания истории в пользу последнего. И хотя он в противовес Гегелю первостепенную роль отводил не государству,

а гражданскому обществу, он был солидарен со своим предшественником в оценке последнего.

Немецкие философы крайне отрицательно относились к гражданскому обществу и характеризовали его как сферу эгоизма и своекорыстной потребности, как «мир атомистических, враждебно друг другу противостоящих индивидов», Богом которого были деньги. Если по Гегелю «война всех против всех» в гражданском обществе «снималась» государством, олицетворяющим достижение всеобщей свободы и нравственности, то для классиков марксизма государство как «организованное насилие одного класса для подавления другого» не было способно преодолеть социальные антагонизмы, а наоборот, порождало новые. Поэтому единственным способом разрешения социальных противоречий они признавали свержение буржуазного государства и гражданского общества, которое, по их планам, должен осуществить пролетариат.

Итальянский марксист А. Грамши попытался провести реконструкцию теоретических воззрений Г. Гегеля, К. Маркса и В.И. Ленина и синтезировать их с современной ему политической практикой, на основе чего создал теорию социалистического гражданского общества, или, как еще ее называют, теорию культурной гегемонии. Дихотомию «государство – гражданское общество» А. Грамши заменяет трехчастной моделью «экономическая структура – гражданское общество – государство». С его точки зрения, гражданское общество – это промежуточное, связанное как с экономической структурой, так и с государством, образование, и относится наряду с последним к надстройке [11].

Таким образом, эволюция идеи гражданского общества до начала XX века представляет собой последовательную смену различных социально-философских парадигм, исторически и концептуально-теоретически связанных между собой. В целом все они представляют классическую трактовку гражданского общества, согласно которой личность как главный субъект гражданского общества обладает рефлексивной способностью, свободой волеизъявления и неотчуждаемыми естественными правами. Ее усилиями создается гражданское общество, поддерживаются определенные правовые и политико-государственные устои.

Реактуализация теории и практики гражданского общества начинается со второй половины XX в. и связана, во-первых, с социальными противоречиями, порожденными западным обществом эпохи постмодерна, а, во-вторых, с крахом тоталитарных и авторитарных режимов в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе. Интерес к данной проблематике еще более усилили глобализация и связанный с ней комплекс различных проблем, а также развал Советского Союза и системы социализма.

Современные западные исследователи в своих концепциях гражданского общества, переосмысливая классическую философскую традицию под углом зрения современного социального бытия и познания, опирались на идеи философского постмодернизма, и заменили дихотомию «гражданское общество – государство», присущую классическим трактовкам гражданского общества, на его трехчастную модель «государство – гражданское общество – экономика». Философия постмодернизма рассматривает общественную жизнь и феномен гражданского общества с точки зрения интерсубъективного взаимодействия, в качестве которого выступает коммуникация. В центр внимания выдвигается вопрос о соотношении личности и общества, раскрывающийся одновременно как вопрос о соотношении гражданского общества и государства.

Современные авторы не игнорируют положения классической теории гражданского общества, а подвергают их творческому переосмыслению и анализу с новых концептуальных позиций. Анализируя в своих произведениях реалии постмодерна, философы используют их как значимые для построения обновленной концепции гражданского общества. Например, последователь Франкфуртской школы философии Ю. Хабермас рассматривает гражданское общество сквозь призму своей теории коммуникативного действия и делиберативной демократии [12]. Гражданское общество, согласно Ю. Хабермасу, формируется в «жизненном мире» – сфере непосредственной коммуникации людей, – который постоянно подвергается «колонизации» «системным миром». Последний представляет собой совокупность безличных (анонимных) отношений людей в сфере экономической и государственной деятельности. Ю. Хабермас предлагает трехчастную модель гражданского общества, отделяя его от государства и экономической сфе-

ры. Институциональным ядром гражданского общества Ю. Хабермас признает добровольные ассоциации, находящиеся вне государства и экономики, которые дают гражданам возможность управлять самостоятельно и действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале. Именно они составляют социальное пространство делиберативного дискурса, ведущего к установлению общественного согласия [12].

Философский концепт Ю. Хабермаса стал серьезной научно-теоретической и методологической базой и поистине неисчерпаемым идейным источником формирования многих современных моделей гражданского общества. Реконструкцию учения Ю. Хабермаса о «жизненном мире» провели американские исследователи Дж. Л. Коэн и Э. Арато. Под гражданским обществом они понимают сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую из семьи, различных общественных объединений, и, в первую очередь, добровольных социальных движений и различных форм публичной коммуникации, возникающих на основе самоконституирования и самомотивации. Стабильность социума, и гражданского общества в том числе, достигается посредством законов. Трехчастная модель гражданского общества была усложнена и заменена ими на пятичастную модель – «государство – политическое общество – гражданское общество – экономическое общество – экономика» [13].

Профессор Калифорнийского университета Дж. Александер предлагает культуральную парадигму гражданского общества, центральным постулатом которой является признание относительной автономии культуры как сферы бытия. В ее лоне формируются основные символические и смысловые характеристики гражданского общества, цель которого заключается в моральной регуляции социальной жизни. В своей парадигме гражданского общества [14]. Дж. Александер пытается соединить два противоположных подхода, на которых традиционно строились теории гражданского общества, – индивидуализм и коллективизм. По убеждению американского социолога, современному обществу критически необходимо иметь развитую гражданскую солидарность как совокупность связей, объединяющих индивидов и коллективы (сферы) общества и позволяющих совместно достигать значимых результатов в общих интересах.

Наряду с реанимацией концепции гражданского общества в западной социогуманитарной литературе встречаются работы, в которых обсуждается момент чрезмерной идеализации, преувеличения роли гражданского общества в становлении демократии и правового государства в поставторитарных странах. Гражданское общество в отмеченных странах создает противоречия и напряженность (Г. Терборн, О. Энкарнасьон, К. Ханн). Понятие «гражданское общество» используется не только с положительной коннотацией.

В современной литературе (Л. Уайтхед, Дж. Пирс) появились идеи и о так называемом «негражданском обществе» [15]. К его элементам относят различные мафиозные структуры, криминальные группы, националистические и шовинистические ассоциации, радикальные экстремистские организации, религиозных фанатиков, мотивом объединения которых являются далеко не благородные цели.

Таким образом, несмотря на обилие работ в современной западной социальной и политической философии, общепринятой классической формулировки гражданского общества до сих пор нет. Тем не менее, мы можем выделить общие для них признаки. Например, такие как: дифференциация гражданского общества от государства и экономики; рыночные отношения в экономике, уважение и гарантия индивидуальных свобод граждан, функционирование правового государства; развитая система добровольных союзов и ассоциаций, составляющих институциональный стержень гражданского общества; идея индивидуализма и неприкосновенности частной жизни; приверженность общей системе ценностей, важнейшими из которых являются доверие, толерантность, согласие, открытость и т. д.

Говоря об историко-философском развитии идеи гражданского общества, нельзя не обратить внимание и на появление интереса к данной проблеме на постсоветском социогуманитарном пространстве. С началом радикальных социально-политических и экономических реформ, тема гражданского общества в постсоветской философской мысли стала одной из самых актуальных и востребованных. Проведенный анализ литературы стран СНГ позволяет утверждать о междисциплинарном характере феноме-

на гражданского общества. Включая в себя множество различных значений, смыслов и аспектов, оно является предметом исследования многих социогуманитарных дисциплин, каждая из которых рассматривает указанный феномен исходя из специфики своего предметного поля. Исходя из этого, ряд российских исследователей выделяет философский, исторический, политологический, социологический, экономический, правовой и др. подходы к изучению гражданского общества. Под углом зрения экономических детерминант гражданское общество рассматривают А.А. Аузан, В.С. Библер, А.В. Одинцова, В.В. Колесников, В.Л. Тамбовцев и др. Сторонники культурологического подхода рассматривают гражданское общество как культурную форму социальной системы (Е.В. Белокурова, Н.Ю. Беляева, Г.Я. Гревцева, В. Дахин, М.С. Каган, И.Б. Левин) и выделяют этические проблемы становления гражданского общества как приоритетные. Ряд обществоведов особое внимание обращает на исторические и социокультурные аспекты гражданского общества (О.В. Хархордин).

В кыргызстанской социально-философской мысли проблемы социокультурной обусловленности формирования гражданского общества поднимаются в работах Ж.К. Урманбетовой. Она уверена, что кыргызстанскую модель демократии и гражданского общества нужно рассматривать в контексте специфики политического сознания, социальной памяти и системы духовно-культурных ценностей кыргызов, и что социокультурные особенности кыргызского социума являются препятствием на пути формирования либеральной демократии и гражданского общества западного образца [16].

Приоритет в изучении гражданского общества сегодня принадлежит социологическим и политическим наукам (А.А. Акунов, М.Т. Артыкбаев, З.Т. Голенкова, К.И. Исаев, З.К. Курманов, А.В. Миронов и др.).

Практически сразу одновременно с началом обсуждения проблем гражданского общества в социогуманитарной литературе постсоветского научно-теоретического пространства возникли дискуссии относительно универсальности феномена гражданского общества и возможности использования его в теории и практике постсоветских стран, имеющих иные, отличные от европейских,

социокультурные основания. Российские ученые А. Дугин, В.С. Степин, С.Г. Кирдина уверены, что проект «гражданское общество» не приемлем для постсоветских стран, поскольку это социально-политический продукт развития западноевропейской романо-германской цивилизации. Их оппоненты (В. Хорос, В.В. Витюк, В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов и др.) придерживаются точки зрения об универсальном характере гражданского общества.

В контексте указанных дискуссий актуальность приобретает идея евразийской модели гражданского общества. Ее сторонники (Ю. Бондарь, А.Х. Бугазов, Е.В. Галкина, Ф.Д. Хайбулина и др.) считают, что указанная модель объединяет в себе признаки традиционализма и западных институтов гражданского общества. Она сочетает традиции восточной и западной моделей, привнося свои специфические черты, связанные с интеллектуальными и социокультурными традициями, базируется на сохранении государственного патернализма по отношению к гражданскому обществу [17].

Действительно, исторические и социокультурные особенности большинства постсоветских стран не позволяют отнести их в строгом смысле этого слова ни к Западу, ни к Востоку. Глобализация, с одной стороны, стремление этнического самосохранения, с другой стороны, общее прошлое в рамках СССР, с третьей стороны, детерминируют особую модель гражданского общества, которую, в принципе, можно назвать евразийской моделью.

Разнообразие подходов к определению гражданского общества определяет его различные структурные классификации. В современной социогуманитарной литературе можно выделить три основных подхода к структурированию гражданского общества:

- институциональный;
- системный;
- секторный.

Думается, что методологически плодотворным в исследовании структуры гражданского общества является подход, согласно которому гражданское общество полиструктурно, поэтому имеет место сложное взаимодействие разных его уровней, сфер и элементов. Потенциал гражданского общества реализуется посредством выполняемых им функций. Среди различных классифика-

ций функций гражданского общества, существующих в современной научной литературе, можно выделить классификацию российского философа Е.В. Дементьева. Он выделяет следующие функции:

- ауторегулятивную;
- гомеостатическую;
- консолидирующую;
- культуротворческую;
- правозащитную;
- сублимативную;
- воспитательную.

Таким образом, на основе проведенного философского анализа различных концептуальных парадигм гражданского общества можно предложить следующую его дефиницию: гражданское общество – это особое социокультурное пространство, представляющее собой систему независимых от государства и в то же время взаимодействующих с ним самоорганизующихся социальных институтов. А также общественных взаимосвязей и взаимоотношений (семейных, религиозных, морально-нравственных, политических, экономических, этнических, культурных, правовых и др.), носящих преимущественно «горизонтальный» характер и основанных на партнерстве, солидарности и здоровой конкуренции, обеспечивающих реализацию индивидуальных и коллективных потребностей своих членов и направленных на достижение общественного блага, социального порядка и согласия.

Литература

1. *Гоббс Т.* Левиафан. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1964.
2. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988.
3. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М., 2000.
4. *Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959.
5. *Монтескьё Ш.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

6. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
7. Alexis de Tocqueville. Democracy in America. NY.: The Library of America, 2004.
8. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 1. М., 1994.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Сочинения. Т. VII. М., 1958.
10. Маркс К. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3.
11. Грамши А. Тюремные тетради: в трех частях. Часть 1 // Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. М., 1957.
12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
13. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
14. Александер Дж. После неофункционализма: Деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века. М., 1998.
15. Уайтхед А.Н. Приключение идей. М., 2009.
16. Урманбетова Ж.К. Культура киргизов в проекции философии истории. Бишкек, 1997.
17. Бугазов А.Х., Хайбулина Ф.Д. Социокультурные особенности формирования гражданского общества в Кыргызстане. Бишкек, 2019.

ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ЭПОХИ МОДЕРНА

Генезис и эволюция идеи гражданского общества, начиная с античности до эпохи модерна, представляет собой последовательную смену различных социально-философских парадигм, исторически и концептуально-теоретически связанных между собой и представляющих три взаимосвязанных этапа:

1 этап: с античности до XVII в. Начальный период – возникновение термина «*politike koinonia*» (греч.), «*societas civilis*» (лат.), что в переводе означает «гражданское общество», и зарождение историко-философских предпосылок для формирования идеи гражданского общества;

2 этап: XVII в. – первая половина XVIII в. «Естественно-правовой» период – гражданское общество понимается как результат общественного договора, политическое общество, то есть государство;

3 этап: вторая половина XVIII в. – начало XX в. «Легитимационный» период, когда получили признание, поддержку и развитие учения, разграничивавшие понятия «гражданское общество» и «государство».

Основы естественно-правового подхода к трактовке гражданского общества заложили античные мыслители Платон, Аристотель и Цицерон. Понятие гражданского общества, по мнению многих исследователей, впервые встречается у Аристотеля. Гражданское общество, или на греческом *politike koinonia*, у Аристотеля – это политическое общество, или государство. В третьей книге своей «Политики», мыслитель утверждает, что общение, главной целью которого является стремление к благу и справедливости, есть государство, или «политическое общение» (*politike koinonia*) [1, с. 376]. Причем оно «является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения», которые выступают в виде семьи и селения и предшествуют государству [1, с. 376].

Греческое *politike koinonia* с подачи римского мыслителя Цицерона на латине стало звучать как *societas civilis* – гражданское

общество. Следуя Аристотелю, римский философ считает, что первой причиной возникновения *societas civilis*, или гражданского общества, является «врожденная потребность жить вместе» [11, с. 20]. Еще одной причиной возникновения гражданского общества стало достижение согласия между людьми. «Но что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием?» – отвечает на свой же вопрос римский мыслитель [11, с. 20].

Производной гражданского общества, *societas civilis*, его достоянием является государство – *res publica*. И хотя в понятие гражданского общества классики античности вкладывали собственное содержание, связанное с уровнем развития теории и практики своей исторической эпохи, и, в основном, отождествляли его с государством, в нем можно увидеть зачатки современных характеристик гражданского общества. В частности, идеи о частной собственности, верховенстве права и закона, количественном преобладании среднего класса, гражданской культуре как необходимых условий гражданского общества – это плод философской мысли античности – и ее значение для развития всей последующей философии невозможно переоценить. Античная парадигма гражданского общества господствовала на протяжении нескольких столетий и послужила идейно-теоретической основой формирования последующих учений о нем.

Особое внимание мыслителей концепциям гражданского общества уделяется в эпоху Нового времени. В этот период зарождаются три основные теоретические позиции понимания гражданского общества: англо-американская, французская и немецкая. В основе англо-американской интерпретации гражданского общества лежала идеология либерализма, ориентированная на примат прав и свобод личности, господство закона и неприкосновенность частной собственности как важнейших условий политической и гражданской свободы. Ее основоположником считается английский философ Т. Гоббс.

Гражданское общество Т. Гоббса – это государство, возникшее на основе общественного договора и перехода из «естественного состояния» «войны всех против всех», к «состоянию гражданскому». Гражданское общество Т. Гоббса – это всемогу-

щий Левиафан, стоящий на страже государственных интересов и наделенный абсолютной властью.

Соотечественник Т. Гоббса Дж. Локк тоже отождествлял понятия гражданского общества и государства. Но все же понимание гражданского общества Дж. Локка в корне отличается от мыслей его предшественника. Дж. Локк дает следующую дефиницию гражданского общества: «Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться, и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в гражданском обществе...» [6, с. 272]. Гражданское общество Локка выступает в качестве третьей стороны, «устанавливая постоянные правила, беспристрастные и одни и те же для всех сторон» [Там же]. Дж. Локк уверен, что гражданское общество существует только там и тогда, где и когда существуют свободные граждане, обладающие собственностью. Как один из основателей либерализма, Дж. Локк провозгласил свободу и права личности высшими гражданскими ценностями.

Либеральные традиции Дж. Локка в понимании гражданского общества продолжил шотландский философ А. Фергюсон. Свои взгляды он изложил в работе «Опыт истории гражданского общества». Ученый не дает конкретной дефиниции, но из содержания его работы вытекает, что гражданское общество – это сфера, отличная от государства. По его словам, «государство – это всего лишь совокупность департаментов», а гражданское общество – это союз различных партий и сословий, а также граждан, отличающихся друг от друга способами и областью приложения своей деятельности, размерами частной собственности [13, с. 106].

Гражданское общество для шотландского философа – категория скорее экономическая и этическая, чем политическая. Для него гражданское общество – это цивилизованное общество, возникшее вместе с законодательным закреплением частной собственности. Существенным признаком такого общества является коммерциализация всех отношений и тесная связь с государством. Главным субъектом гражданского общества является гражданин, наделенный определенными правами и обязанностями, отстаивающий свои частнособственнические интересы, и вместе с согражданами стремящийся к достижению всеобщего блага.

Идеи британских философов развил американский просветитель английского происхождения Т. Пейн. Он утверждал, что гражданское общество возникло до государства и являлось естественным социальным состоянием, в котором доминировали мирные отношения, основанные на взаимной зависимости и интересе граждан. В какой-то момент «чувства долга и привязанности начнут ослабевать» [9, с. 22], и с целью поддержания порядка и справедливости люди договариваются и создают государство. Т. Пейн первым из философов резко противопоставил государство и гражданское общество. По мнению просветителя, государство может считаться законным только тогда, когда оно образовано вследствие явного консенсуса в обществе.

Одним из первых представителей французской традиции гражданского общества был Ш. Монтескье. Он рассматривал гражданское общество с позиции философии истории. Гражданское общество появляется в результате исторического развития после естественного состояния, семьи и исторического времени. Гражданское общество у Монтескье – это совокупность взаимодействующих между собой свободных индивидов и их сообществ, деятельность которых направлена на удовлетворение их интересов и реализацию способностей, и не противоречит интересам государства и общества в целом. Французский просветитель разделял гражданское общество и государство. В то же время он указывал и на их взаимосвязь, единство, нарушение которого может привести к непредсказуемым последствиям.

Другой французский просветитель Ж.-Ж. Руссо в работе «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» возникновение гражданского общества связывал с появлением частной собственности и исчезновением эгалитаризма: «Первый, кто расчистил участок земли, сказал: это мое и т. д. – стал подлинным основателем гражданского общества» [10, с. 106]. Вслед за Ш. Монтескье Ж.-Ж. Руссо проводил грань между гражданским обществом и государством. Он считал, что, во-первых, гражданское общество исторически возникло раньше государства, во-вторых, субстанциональной основой гражданского общества является индивид, обладающий собственностью и озабоченный своими частными интересами, а главной составляющей государства становится граж-

данин, участвующий в управлении государством и подчинивший свою волю общей воле. Подмеченное Ж.-Ж. Руссо различие между индивидом как гражданином и индивидом как членом гражданского общества легло впоследствии в основу концепции прав человека и гражданина.

Ключевое влияние на формирование современных концепций гражданского общества оказал известный французский мыслитель А. Токвиль. Его знаменитая работа «Демократия в Америке» была основана на эмпирических данных, полученных им в результате исследования становления демократии в США. А. Токвиль разделял государство и гражданское общество, но не противопоставлял их друг другу. «Важно, чтобы правители и массы граждан не были разделены противоположными или различными интересами», – замечает он в связи с этим [12, с. 186].

Стержневым институтом гражданского общества, по его мнению, следует признать гражданские ассоциации, способные разрешать проблемы, с которыми не в силах справиться государственные институты. А. Токвиль был убежден, что среди основных факторов укрепления демократии и гражданского общества важное место занимает духовная составляющая, а именно – обычаи и нравы. Автор «Демократии в Америке» заложил фундамент социокультурного подхода к пониманию гражданского общества, акцентируя внимание на моральном и социопсихологическом воздействии сети общественных ассоциаций, занятых решением повседневных, «малых» дел. По справедливому замечанию А. Токвиля, «в демократических странах умение создавать объединения – первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области» [12, с. 381]. Именно эти организации формируют «местные и личные свободы», создают необходимое для демократии активное социальное поле, распространяют дух солидарности, терпимости и кооперации, а также ситуацию наличия «пристального общественного взгляда», который постоянно следит за властью. Он подчеркивал, что этические, религиозные, профессиональные, рабочие и локальные объединения образуют такую структуру гражданского общества, из которой может возникнуть правовое государство.

Немецкая традиция в понимании гражданского общества представлена именами И. Канта, В. Гумбольдта, Г. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса. Первым из них был родоначальник немецкой классической философии и немецкого либерализма И. Кант. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» он писал: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества» [4, с. 12]. Понимая под гражданским обществом общество, основанное на свободе, равенстве и самостоятельности его членов, И. Кант рассматривал его в качестве правового идеала и впервые поставил вопрос о формировании универсального гражданского общества, единого для всего человечества.

Немецкий философ-просветитель В. фон Гумбольдт, как и большинство философов конца XVIII века, уже твердо разграничивая государство и гражданское общество, отдавал предпочтение последнему. В основе гражданского общества, с его точки зрения, лежат система национальных, общественных учреждений, формируемых «снизу» самими индивидами, «естественное и общее право» и личность.

Одной из самых сложных и серьезных концепций гражданского общества является парадигма классика немецкой философии Г. Гегеля. Она представляет собой синтез естественно-правовых воззрений на индивида как субъекта нравственного сознания и носителя естественных и гражданских прав, линии эпохи Просвещения, направленной на противопоставление и в то же время взаимопроникновение государства и гражданского общества, и, наконец, идей английских политэкономов об экономической основе гражданского общества.

Гегель выделяет три основных момента гражданского общества:

- 1) систему потребностей как отдельной личности, так и всех членов общества, удовлетворяемую посредством труда;
- 2) правосудие, направленное на защиту частной собственности индивидов;
- 3) полицию и корпорации, призванную отстаивать интересы индивидов [2, с. 227]. Гражданское общество, по Гегелю, – это:

во-первых, выросшая из семьи общность индивидов, обладающих частной собственностью и связанных между собой с целью удовлетворения своих многообразных интересов и потребностей;

во-вторых, момент в движении Абсолютной идеи к всеобщей свободе;

в-третьих, социальная организация, возникшая вместе с буржуазными отношениями и отстаивающая права своих членов при условии соблюдения ими прав гражданского общества;

в-четвертых, социальный организм, раздираемый множеством противоречий, и прежде всего, между нищетой и разрухой, с одной стороны, и богатством и роскошью, с другой. Говоря словами самого Гегеля, это «внешнее государство», «государство нужды и рассудка» [2, 227]. Преодолеть эту антиномичность гражданского общества, по мнению Гегеля, может только государство, в котором опредмечивается конечная цель Абсолютной идеи – достижение идеи нравственности и конкретной свободы. Государство, по Гегелю, является внешней необходимостью семьи и гражданского общества, властью, стоящей над ними и подчиняющей их себе, и в то же время оно есть их внутренняя цель, то, к чему их ведет высший разум.

Учение Гегеля было тем центральным теоретическим источником, опираясь на который строились все современные концепции гражданского общества.

Гегелевское учение о гражданском обществе развил и вместе с тем переработал другой великий немецкий философ К. Маркс. Гражданское общество является объектом исследований не только в его ранних работах («К критике гегелевской философии права», «Нищета философии», «Немецкая идеология» и др.), но и в более поздних произведениях («Экономические рукописи 1857–1859 годов», «Предисловие к “Критике политэкономии”» и др.). Ф. Энгельс тоже применял это понятие, правда, преимущественно, ссылаясь на К. Маркса. Так, в первой биографии К. Маркса, написанной Энгельсом в 1869 году, он отмечал, что, согласно Марксу, «гражданское общество является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» [14, с. 379].

Для К. Маркса гражданское общество представляло, во-первых, совокупность производственных отношений, во-вторых,

социально-экономическую организацию буржуазного общества, противостоящую государству, и, в-третьих, средневековое сословное устройство.

В отличие от Гегеля, дихотомия «государство – гражданское общество» решается создателем материалистического понимания истории в пользу последнего. И хотя он в противовес Гегелю первостепенную роль отводил не государству, а гражданскому обществу, он был солидарен со своим предшественником в оценке последнего. Немецкие философы крайне отрицательно относились к гражданскому обществу и характеризовали его как сферу эгоизма и своекорыстной потребности, как «мир атомистических, враждебно друг другу противостоящих индивидов» [7, с. 410], Богом которого были деньги. Если по Гегелю «война всех против всех» в гражданском обществе «снялась» государством, олицетворяющим достижение всеобщей свободы и нравственности, то для классиков марксизма государство как «организованное насилие одного класса для подавления другого» не было способно преодолеть социальные антагонизмы, а наоборот, порождало новые. Поэтому единственным способом разрешения социальных противоречий они признавали свержение буржуазного государства и гражданского общества, которое, по их планам, должен осуществить пролетариат. «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество», – писал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» [8, с. 4].

В.И. Ленин, ссылаясь на убеждения основателей марксизма о безгосударственном будущем человечества, не использовал в своих работах понятия «гражданское общество» и «правовое государство». «Пролетариату, – пишет он, – по Марксу, нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать» [5, с. 24]. Возможно, поэтому в советском обществознании вообще отсутствовало понятие гражданского общества.

Тем не менее, некоторые идеи Ленина, в частности учение о гегемонии, подхватил итальянский марксист А. Грамши, которого можно назвать последним крупным теоретиком начала XX века, изучающим проблемы гражданского общества. Учение о граждан-

ском обществе он разрабатывал в основном в работе «Тюремные тетради», написанной им, будучи в фашистской тюрьме. В своем учении он попытался провести реконструкцию теоретических воззрений Г. Гегеля, К. Маркса и В.И. Ленина и синтезировать их с современной ему политической практикой, на основе чего создал теорию социалистического гражданского общества, или, как еще ее называют, теорию культурной гегемонии.

Дихотомию «государство – гражданское общество» А. Грамши заменяет трехчастной моделью: «экономическая структура – гражданское общество – государство». С его точки зрения, гражданское общество – это промежуточное, связанное как с экономической структурой, так и с государством, образование, и относится наряду с последним к надстройке. «Между экономическим базисом и государством с его законодательством и аппаратом принуждения находится гражданское общество <...> Государство является орудием для того, чтобы привести гражданское общество в соответствие с экономическим базисом, но необходимо, чтобы государство “хотело это сделать”» [3, с. 308]. В гражданское общество итальянский марксист включает всевозможные общественные организации – партии, профсоюзы, церковь, печать, различные культурные и прочие ассоциации. При социализме, как полагал Грамши, функции руководства постепенно будут переходить от государства к гражданскому обществу, то есть, в конечном счете, к самому народу.

Таким образом, эволюция идеи гражданского общества представляет собой последовательную смену различных социально-философских парадигм, исторически и концептуально-теоретически связанных между собой. В целом все они представляют классическую трактовку гражданского общества, согласно которой личность как главный субъект гражданского общества обладает рефлексивной способностью, свободой волеизъявления и неотчуждаемыми естественными правами. Именно такой субъект оказывается способным вступать на основе свободного волеизъявления в ассоциативные связи с другими людьми, предполагающие взаимное согласование интересов. Его усилиями создается гражданское общество, поддерживаются определенные правовые и политико-государственные устои. Начало подобному по-

ниманию конституирования гражданского общества положили многообразные теории общественного договора. Его своеобразной кульминацией стали различные доктрины, сложившиеся в русле идей Просвещения и немецкой классической философии. Их критическое осмысление с различных позиций представлено в сочинениях К. Маркса, А. де Токвиля и А. Грамши.

Литература

1. *Аристотель*. Политика. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 376–644.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990.
3. *Грамши А.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 3: Тюремные тетради. М., 1959.
4. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966.
5. *Ленин В.И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М., 1977.
6. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988.
7. *Маркс К.* К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.
8. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
9. *Пейн Т.* Избранные сочинения / пер. с англ. А.С. Богомолова. М., 1959.
10. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М., 1998.
11. *Цицерон М.Т.* Диалоги. М., 1994.
12. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / пер. с фр. и предисл. Г.Дж. Ласки. М., 1992.
13. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М., 2000.
14. *Энгельс Ф., Маркс К.* Соч. 2-е изд. Т. 16. М., 1960.

ИДЕЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В ЕВРАЗИЙСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Особенность сложившейся сегодня социально-политической ситуации в Кыргызстане заключается в том, что процесс обретения государственной независимости одновременно связан с поиском демократической модели своего дальнейшего развития.

Казалось бы, власть прилагает немало сил для реформирования политической и экономической системы, но мы по-прежнему остаемся страной с низким уровнем жизни и слабо развитой экономикой. И все усилия власти по построению демократического и социально-ориентированного государства общество оценивает как недостаточные и неэффективные.

Представляется, что одна из причин сложившейся ситуации кроется в отсутствии правильной методологии осуществляемых реформ. Нам представляется, что сегодня, спустя уже тридцать лет со дня обретения независимости, все больше становится очевидным, что для Кыргызстана, как и многих других постсоветских государств, наиболее адекватной моделью социального развития является «евразийская».

Скажем сразу, говоря о евразийской общности народов бывшего СССР, мы не имеем в виду реставрацию Советского Союза и связанную с этим утрату национального и государственного суверенитета. Да и вряд ли это практически возможно. А вот экономическая, социально-культурная и политическая интеграция в рамках евразийского союза возможна, а в современных геополитических реалиях, просто необходима. Безусловно, становление такого объединения задача не одного дня и, может быть даже не одного поколения. Для его полноценного образования и функционирования предстоит приложить еще немало усилий и решить множество проблем.

Что дает нам основание говорить о предпочтении именно евразийской модели развития, и что собой она представляет?

Впервые идею евразийства сформулировали представители русской интеллигенции, оказавшиеся в эмиграции в начале про-

шлого столетия П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.А. Бердяев и другие [1]. В своих работах они стремились осмыслить произошедшие в России перемены, определить ее возможное будущее, ее место и роль в мировом развитии. В советский и постсоветский период идея евразийства заметно присутствует в работах Л.Н. Гумилева. Последний сформулировал новый этнографический подход («этногенез евразийских народов») к пониманию основ освоения евразийского пространства, и на этой основе предлагал продолжить исследования «пространственной преемственности» государств на территории бывших Российской империи и Советского Союза. Во многом, эта трактовка совпадала с советской идеологической формулой «советский народ – новая историческая общность» [2, с. 31–54].

Впоследствии, многие исследователи сводили суть понятия «евразийский» к национально-историческим и социокультурным особенностям народов бывшего Советского Союза. Много работ по евразийской тематике посвящено интеграции экономических, культурных и других отношений на постсоветском пространстве [3]. Мы же, говоря о «евразийстве», имеем в виду не географическое пространство, а находящееся в процессе формирования, новое цивилизационное объединение исторически и ментально связанных, между собой народов, большей частью, расположенных на территории бывшего Советского Союза. Уже сегодня, несмотря на незавершенность процесса и поливариантность понимания евразийской формы социального бытия, в ее содержании можно заметить ряд характерных черт.

Прежде всего, это «особые отношения» между государством и обществом, под которыми чаще всего имеется в виду роль государственного аппарата в регуляции социальных отношений. Причем в той сфере, которая с точки зрения западноевропейского менталитета относится к гражданскому обществу, то есть находящейся вне зоны административного внимания и влияния государства.

В данном случае речь идет о том, что специалисты определяют как функция государственного социально-правового контроля, которая призвана способствовать поддержанию целостности и организованности общества, разрешению противоречий и конфликтов, возникающих в процессе его жизнедеятельности.

Любое ослабление социально-правового контроля со стороны государства ведет к появлению в обществе деструктивных процессов и разрушению в нем тех же демократических институтов.

Данное обстоятельство позволяет говорить о такой характерной особенности евразийского типа государственности, как наличие сильной вертикали власти, без которой система государственного управления утрачивает свою эффективность. В этом мы не раз могли убедиться в 1990-х годах, да и в наши дни тоже. Этим определяется и значительная роль силовых структур в построении и функционировании данной системы управления.

С таким пониманием эффективности и ответственности властных институтов в обществе, категорически не согласны представители «либеральной» демократии. С их точки зрения такой подход к формированию политической системы свойственен только тоталитарным обществам, у которых отсутствуют традиции парламентского демократизма. Думается, это не так. Такие оценки носят прямолинейный характер. Известный французский философ М. Фуко справедливо утверждал, что любой социальный институт представляет собой «дисциплинарное пространство», деятельность которого определяется строгим ранжированием и классификацией контингента, регламентацией времени, программированием осуществляемого процесса, постоянным тестированием и оценением выполняемой работы и т. д. [4]. Иными словами, в самой организованности как таковой нет опасности для демократии.

Например, у нас в обществе, или у других евразийских народов, нередко встречаются такие качества как пассивность, равнодушие, склонность к самовосхвалению, а производственная и иные формы дисциплины достигаются административными методами, социально-правовой контроль, «дисциплинарное пространство» с его механизмом надзора, систематизации, наказания и поощрения может иметь позитивное значение.

В политической системе большинства евразийских стран, огромное значение отводится личности, стоящей у власти. По сути, власть в евразийском обществе носит персонифицированный характер. Глава государства наделяется харизматическими качествами и позиционируется как лидер не только конкретной

партии, но и нации, общества в целом. Не удивительно, что и политические образования, которые имеют место сегодня в Евразии, представляют собой партии лидерского типа. Их авторитет базируется не на программах, а на личностях, находящихся в партийном руководстве.

Конечно, подобная «особенность» системы управления таит в себе большую опасность, она легко трансформируется в авторитаризм или тоталитаризм. «Чем больше полномочий и государственной власти у одной личности, тем более реальна угроза тирании». Французский исследователь, идеолог буржуазного либерализма А. Токвиль писал об этом еще в XVIII веке [5]. Однако и сегодня можно найти немало примеров того, как тот или иной лидер на региональном или государственном уровне, придя к власти, стремится закрепить ее за собой лично, надежно обеспечить ее сохранность и преемственность. С этой целью можно изменить Конституцию, провести референдум, главное, чтобы парадигма личной власти не менялась. Если этого не происходит, то это скорее следствие субъективных качеств лидера, чем объективных обстоятельств. Как показывает практика, кардинально изменить такую ситуацию пока не удалось.

Многие специалисты, особенно зарубежные, объясняют это традиционно образом – демократическое общество есть результат экономической свободы, в своей основе оно представляет конгломерат самодостаточных индивидов и их групповых объединений. Евразийское же сообщество, имея в виду постсоветские страны либо еще не достаточно свободно, либо в принципе не способно к демократии [6].

Сегодня уже очевидно, что такое «объяснение» ничего не объясняет, но главное даже не в этом. Это может показаться парадоксальным, но проблема в том, что реальной альтернативы персонификации власти в евразийском обществе пока просто нет. В иной форме власть теряет контроль над ситуацией, социальные связи начинают распадаться, в обществе возникает кризис. Многие исследователи замечали эту особенность социального устройства еще в эпоху кочевой демократии. Известный тюрколог, этнограф В. Радлов писал: «Только крепкая рука хана в состоянии держать в покое и боевой готовности государство кочев-

ников, ...хан только тогда может объединить не связанные племенные частички в одно крепкое целое, если он может всякое восстание против своей власти сразу подавить, ...кочевническое государство сразу распадается, когда крепкая рука хана ослабевает и становится бессильной» [7, с. 25].

Если обратиться к истории крупнейшей евразийской державы – России, то и здесь доминантой в структуре власти является фигура «сильной личности». Не случайно в обыденном сознании все значимые «осевые» этапы истории имеют личностное определение: «эпоха Ивана Грозного», «эпоха Петра I» и т. д. Сегодня также наиболее распространенной формой власти в Евразийском союзе является президентско-парламентская. Либерально настроенные оппоненты активно возражают, против такой модели управления обществом, считая, что с того времени культурно-исторический ландшафт общества стал совершенно иным и такие суждения уже ничего не доказывают.

Попробуем рассмотреть этот вопрос чуть подробнее. Начнем с того, что ни противники, ни сторонники евразийского пути развития не отрицают того, что учет «особого национально-исторического уклада», то есть национальных особенностей психологии, культуры, истории народа в его социальном развитии является одним из важнейших и обязательных условий эффективности такого развития. Однако никто не объясняет, что именно представляет собой «учет национально-исторических особенностей» в конкретно – практической плоскости.

Примечательно, что чаще других эту оговорку используют недобросовестные политики, когда в корыстных интересах свой жесткий авторитарный стиль руководства оправдывают «особым национально-историческим укладом жизни, своеобразным стилем мышления народа» и т. д. В Кыргызстане, например, значительная часть социальных отношений (нравственные, правовые, экономические) регулируется не нормами права и закона, а традициями и обычаями, которые могут даже противоречить действующему в стране законодательству, нередко можно столкнуться с уже отжившими обычаями и т. п. В ответ на попытки исправить положение можно услышать, что это покушение на ценности национальной культуры. Как видно, вопрос сочетаемо-

сти культурных традиций прошлого с настоящей реальностью актуален и не прост.

Посмотрим иначе на ситуацию. Социально-исторический ландшафт действительно изменился, и спорить с этим не имеет смысла. Однако изменилась ли природа человека, природа тех связей и отношений, которые образуют общество? Казалось бы, ответ очевиден, но так ли все просто? Не касаясь вопроса сущности человека, это отдельная тема исследования, заметим, что изменив экономические отношения, построив соответствующую надстройку, мы не изменили так глубоко человека. По крайней мере, его психологию, его мировосприятие и мироощущение. Надо сказать, что это было заметно и раньше. Советская идеология этот феномен объясняла тем, что социализм вырос из строя, который «во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [8]. Может это и так, К. Маркс в отличие от некоторых своих последователей конкретных сроков построения коммунистического общества, свободного от каких бы то ни было «пятен» не называл. Пожалуй, ближе к истине здесь Э. Бернштейн, который вполне справедливо обозначил социализм как цель, к которой следует стремиться, а не конкретное состояние общества [9, с. 30].

Однако в нашем случае это ничего не меняет, как бы то ни было, но сегодня мы можем наблюдать ряд интересных фактов. Например, с обретением реальной государственной независимости многие народы Центральной Азии необъяснимо быстро «вспомнили» о своем разделении на роды, племена и землячества. Массовый характер приобрели обычаи, которые, казалось бы, давно ушли из обывденной жизни – кража невест, пышные празднества и т. п. Сначала это казалось следствием нивелирования национальных особенностей в советский период, проявлением интереса к своим культурным корням, стремлением к национально-исторической самоидентификации. Однако сегодня, спустя уже тридцать лет после развала СССР, мы видим, что эта тенденция приобретает закономерный характер и свидетельствует о том, что эти формы социальных отношений, невзирая на все внешние изменения, никогда не переставали существовать.

В этом контексте следует рассматривать и феномен «многопартийности» в Кыргызстане. Партийная система здесь сформировалась на основе клановой, родоплеменной структуры общества. Три понятия: «партия», «род» и «клан» по сути означают одно и то же и отражают устоявшуюся систему социально-политических отношений. Поэтому, политические партии в Кыргызстане есть, но партийного разнообразия в точном смысле этого слова нет. Если эти партии и различаются, то близостью их лидеров к рычагам реальной власти.

Известно, что в рамках советского государства кыргызский народ, как и другие народы СССР, позиционировался как единая нация, достигшая огромных успехов в своем экономическом, культурном и политическом развитии. Необходимо отметить, что при всех издержках «развитого социализма» Кыргызстан действительно вышел на новый качественный этап исторического и цивилизационного развития. Однако и в этот относительно благополучный период своей истории традиционализм в сознании кыргызов иногда латентно, иногда явно продолжал влиять на социальные отношения в обществе. Сегодня традиционализм практически полностью овладел сознанием общества. Потому, казалось бы, забытые формы мировосприятия и миропонимания столь быстро «воскресли» в сознании народа.

Другая сторона данной проблемы заключается в том, что для евразийского сообщества мало подходит идея европейского либерализма. «Либеральная демократия не для нас по нескольким причинам, – считает Ж.К. Урманбетова, – первая из них, это прямо противоположные индивидуализму ментальные основания; другой выступает опыт существования в столь же коллективистском по идеологическому обоснованию государственном устройстве. Либерализм в его чистом виде сродни коронавирусу для Кыргызстана» [10].

Речь идет о том, что принципы классического либерализма соответствуют культурно-историческому развитию и социально-психологическому состоянию лишь европейского общества. Оторванные от своей социокультурной среды либеральные ценности не могут быть реализованы в другом месте, в частности, в Центральной Азии, где другой менталитет и другая политиче-

ская культура. Нельзя не согласиться с тем, что ментальные основания – «вещь жесткая, и, несмотря на существование в эпоху высоких технологий, предполагаемой объективной тенденцией истории глобализации с ее универсальными ценностями и принципами бытия, именно они диктуют правила жизни, как в обществе, так и государстве» [10]. Это замечание тем более актуально, если учесть, что мы являемся свидетелями активного роста идеологии потребления и формирования соответствующего типа общества. Что, с одной стороны приводит к развитию его цивилизационных основ – наукоемкого производства, информационных технологий и т. д., а с другой – заметному ослаблению влияния культуры, в данном случае европейской, на данный процесс и реформатированию ее основополагающих ценностей.

В этой связи необходимо отметить, что наряду с решением проблем производства и развития экономики, одной из основных задач, стоящих перед обществом, является определение его мировоззренческих и идеологических оснований. Речь идет о формировании действительно общенациональной, общенародной идеологии, основанной не на квази-патриотических лозунгах, а на общности интересов, идеалов, ценностей, достижение которых являло бы собой общественный прогресс. В качестве такой идеологии евразийскому сообществу больше всего соответствует идея демократического социализма. Именно демократический социализм, ориентированный на достижение социальной справедливости, мог бы стать объединяющей силой власти и общества.

Только не следует думать, что мы вновь пытаемся вернуть общество в прошлое. Да, в свое время К. Маркс убедительно продемонстрировал, как частная собственность на средства производства является орудием эксплуатации человека человеком, а буржуазное государство служит интересам только господствующих слоев общества. На основе своих исследований он пришел к выводу, что лишь ликвидация данной формы собственности даст возможность построению социально-справедливого, то есть социалистического, затем и коммунистического общества. Под таковым, как известно, основоположник марксизма понимал такую систему социальных связей и отношений, где распределение производимого продукта должно происходить в соответствии

с качеством и количеством затраченного труда на его изготовление. В конечном итоге данный процесс мог осуществляться даже вне рамок государства.

Безусловно, экономические и философские взгляды К. Маркса явились значительным шагом как в развитии методологии исследования, так и в понимании теоретических основ социальной справедливости. Однако в дальнейшем последователи марксизма, прежде всего ленинского толка, интерпретировали его с точки зрения одной доминанты – формы собственности. Конструктивность и целесообразность системы распределения, государственного управления, права и свободы личности и т. д. – рассматривались как следствие производственных отношений, основанных на общественной форме собственности, которая определялась как основное условие построения подлинно демократического общества.

Сегодня очевидно, что такой подход к пониманию и реализации идей социализма явился ограниченным. По крайней мере ни в одной из стран, где господствовала общественная форма собственности, принцип социальной справедливости при распределении производимого продукта полностью реализовать не удалось. Как и сформировать государственно-правовую систему, в рамках которой соблюдались и уважались бы права человека. В действительности идеи социализма в массовом сознании «советского» общества тесно переплелись с традиционными для него взглядами об экспроприации собственности, ее уравнительного распределения под контролем сильной, но «справедливой» власти. Постоянный дефицит и отсутствие необходимых товаров, необоснованные привилегии в их приобретении еще больше отдаляли общество от декларируемых идеалов социальной справедливости. Речь не идет о том, что общественная форма собственности в принципе не совместима с демократическим обществом. Истина в том, что она не является единственным и обязательным условием его существования, и тем более не является средством решения всех социальных проблем. Впрочем, как и частная собственность не является гарантом демократии и либерализма [11].

Из сказанного совсем не следует, что весь опыт «советского» прошлого носит исключительно негативный характер. Такое утверждение было бы необоснованным и несправедливым. Не-

смотря на парадоксальность и противоречивость бытия социалистического общества, в его духовной и материальной жизни имели место значительные, эпохальные достижения. Вопрос в том, как сохраняя позитивное содержание идеи о социальной справедливости, социальной ориентированности государства инсталлировать ее в современный глобальный постиндустриальный мир.

Немало примеров такого соединения мы можем увидеть в истории некоторых социалистических партий в западноевропейских странах, которые на разных этапах своей истории также нуждались в радикальных политических и экономических реформах. Оставаясь приверженцами социалистической идеи, в своей деятельности они всегда ориентировались на защиту интересов всех социальных групп, делая акцент на демократических принципах жизни общества. Совершенствование экономических отношений, форм собственности явилось скорее следствием политических реформ, а не наоборот.

Сегодня очевидно, что не форма собственности определяет размер дохода, близость к власти и т. д. Действуют множество факторов, формирующих социальную и политическую структуру общества. Механическое равенство никогда не устроит общество. Люди разные, у них разные способности, интересы, цели, и потому вряд ли они смогут жить одинаково во всех смыслах этого слова. Однако это никак не отменяет социальной справедливости, под которой мы, прежде всего, имеем в виду непреложный закон общества – каждый член общества живет за счет своего труда; источником богатства может быть только трудовая деятельность человека, его способности, умения, талант и т. д. Независимо от того, идет ли речь о предпринимательстве, сфере обслуживания, образовании и т. д.

Принципиальное значение здесь имеют механизмы распределения и перераспределения общественного богатства. Эта функция должна оставаться в ведении государства, ответственного за соблюдение баланса социальных интересов. Речь идет не о государственном социализме, а именно демократическом, предполагающем свободное развитие каждого, как условие свободы для всех. Об этом в свое время говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, это сегодня записано во «Всеобщей декларации прав человека»: «Все

люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Это напрямую перекликается с основным принципом демократического социализма – сознательный характер действий не только индивидов, но всего общества в целом.

Социальный прогресс в данном случае следует понимать как способность общества организовать свою жизнедеятельность: экономическую, политическую и т. д. наилучшим, с его точки зрения, образом. Не случайно мы используем выражение «высокий уровень развития цивилизации» применительно к тому обществу, которое демонстрирует действительно высокую степень организации деятельности, имеющих сегодня вид цифровых технологий в различных сферах социальной жизни.

В этом смысле наше общество способно и готово воспринимать все инновации современного мира, что оно собственно и демонстрирует уже не первое столетие. Менталитет, наряду с другими элементами своей «родовой» культуры, по аналогии с «фильтрами внимания» отбирает позитивные и новые для своей культуры, явления и достижения окружающего мира и встраивает их в собственную цивилизационную систему.

Опыт развития многих европейских и азиатских государств свидетельствует: формирование оптимальной модели социально-экономического устройства общества на основе заимствования наиболее эффективных механизмов функционирования других социальных систем – вполне реальная задача. При этом содержание национальной культуры не ущемляется, а напротив, дополняется новыми средствами выражения. Соприкасаясь с «новой» для себя культурой, общество имеет возможность увидеть достоинства и недостатки своего собственного миропонимания. В зависимости от обстоятельств, этот процесс может происходить в виде аккультурации или межкультурного взаимодействия [11].

Только не следует упрощать этот процесс до уровня эклектического восприятия мира. Цивилизационное развитие выглядит столь же сложно и полимерно как формирование нейронных связей в коре головного мозга. Точно так же, как генетический код хранит и передает из поколения в поколение программу развития

и функционирования живых организмов, культура общества хранит в себе код своего будущего цивилизационного развития.

Политические системы, как элемент цивилизационной структуры общества, могут быть похожи друг на друга, но по смыслу тех категорий, из которых он состоит (свобода, демократия, государство и т. д.), далеко не всегда. Поскольку последние являются частью духовной культуры. Например, в рамках европейской культуры общество определяется как совокупность индивидуально свободных граждан. А в кыргызской общественной мысли, как и у других евразийских народов, гражданская свобода предстает проявлением коллективистского устройства социума, и процесс трансформации индивида в гражданина здесь тоже своеобразен.

Однако данное обстоятельство не может служить препятствием для реформирования политической системы в евразийском обществе. Проблема состоит не в том, возможно или невозможно построение подлинно демократического общества в Кыргызстане. Ответ очевиден: возможно, и необходимо. Другое дело, мы можем иначе понимать такие основополагающие принципы демократии, как экономическая, социальная и политическая свобода, децентрализация государственной власти, политический плюрализм, свободный доступ к источникам информации, толерантность и т. д. Главное, чтобы наше понимание не выходило за рамки общечеловеческих ценностей и соответствовало собственной «родовой» культуре. Тогда эти принципы с необходимостью станут частью евразийского цивилизационного развития. Не случайно, на магистральном пути общественного развития оказались те социальные системы, которые основываются на наиболее полном учете интересов человека. Такого рода путь предполагает идеология демократического социализма в условиях евразийской интеграции.

Литература

1. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997.; *Трубецкой Н.С.* Современная русская идея и государство. М., 1995.
2. *Гумилев Л.Н.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого // Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995.
3. *Бугазов А.Х.* Евразийство как форма развития русской цивилизации // Социокультурный потенциал и перспективы разви-

тия Русского мира в трансграничном пространстве Центральной Азии: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2019. С. 13–18.; *Назарбаев Н.А.* Евразийский Союз. Идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М., 1997; *Иманалиев М.* Евразийская идентичность как способ «сборки» центральноазиатских народов / Официальный сайт НИСИ КР. URL: <http://www.nisi.kg/112-stati/463-evrazijskaya-identichnost-kak-sposob-sborki-tsentralnoaziatskikh-narodov-tsentralnoaziatskikh-narodov.html>.

4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.

5. *Tocqueville Al.* Democracy in America. The Library of America. New York, 2004.

6. *Румер Ю.* Реальная альтернатива диктаторам Средней Азии может стать хаос, а не демократия // In The National Interest. Washington DC. 27.07.05; Сюзан Эллиотт: Свобода и стабильность не исключают друг друга – интервью корреспонденту российского издания «Коммерсантъ». URL: <http://ca-news.org/news/638301>.

7. *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоненейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы // Труды института востоковедения. Т. XLV. М.-Л., 1946.

8. *Маркс К.* Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 19.

9. *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1899.

10. *Урманбетова Ж.К.* Коронавирус, либерализм и будущее Кыргызстана. URL: ЦентрАзия <https://centrasia.org/newsA.php?st=1588852560>.

11. *Бугазов А.Х., Хайбулина Ф.Д.* Особенности формирования гражданского общества в Кыргызстане. Бишкек, 2019.

*А.Х. Бугазов,
М.А. Устименко*

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ «ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ ПЛАНЕТЫ»

В 1952 году Д. Рокфеллер, после длительной поездки по странам Азии и Африки, создает Совет по народонаселению. Этот совет до сих пор представляется как нейтральная научная организация. Д. Рокфеллер создал сеть экспертов в области народонаселения по всему миру. Основатель финансировал исследования, чтобы найти более простые, надежные и постоянные способы контрацепции и стерилизации бедного населения [1]. Были созданы региональные центры по демографическим исследованиям в Бомбее (1957 г.), Сантьяго (1958 г.), и Каире (1963 г.). Д. Рокфеллер помогал в создании национальных программ планирования семьи в Южной Корее, Малайзии и в других местах.

Первым председателем Совета по народонаселению стал Ф. Осборн – один из членов-учредителей Американского общества Евгеники.

Известный американский государственный и общественный деятель Хью Эверетт Мур, после прочтения книги У. Фогта – директора Американской ассоциации планирования семьи – «Путь к выживанию», сформировал Комитет действий в области народонаселения, заявляя о надвигающемся кризисе. Он написал брошюру «Демографическая бомба», в которой заявлял, что «сегодня демографическая бомба угрожает разрушительным взрывом, столь же опасным, как атомный, и с тем же влиянием на перспективы для прогресса или поражения, войны или мира» [1]. Им намеренно были использованы слова «взрыв», «бомба», так как во времена «холодной» войны подобные выражения могли привлечь большое количество слушающих. Брошюра «Демографическая бомба» была направлена лидерам бизнеса и политики США. Наступающий «демографический взрыв», по утверждению Х. Мура, приведет к массовому голоду, распространению коммунизма и бедствиям войны. На обложке книги изображен глобус, кишащий людьми, остались только стоячие места, из северного

полюса торчит запал, ножницы с острыми лезвиями готовы его обрезать, на них надпись: «контроль рождаемости/населения» («*populationcontrol*»).

В последующие полтора десятилетия Х. Мур разослал по почте бесплатно сотни тысяч экземпляров книги группам политиков, журналистам, чиновникам. По мнению Х. Мура, именно «контроль над населением» поможет не допустить распространение коммунизма голод, бедствия войны, экологические и социальные потрясения.

Идею перенаселенности мира воспринял П. Эрлих – биолог, специализирующийся на изучении бабочек. Впоследствии он попросил у Х. Мура заимствовать название брошюры «Популяционная бомба» для своей книги.

В 1968 году вышла книга П. Эрлиха «Популяционная бомба», в которой автор излагал свое видение будущего человечества, считая, что накормить все человечество невозможно, и миллиарды людей обречены на голодную смерть. Книга была рекомендована к прочтению студентам колледжей [1].

В 1977 году, будучи президентом Всемирного банка, Р. Макнамара объявил: «продолжающийся прирост населения неизбежно приведет к нищете, голоду, нервным срывам и конфликтам, которые поставят под угрозу социальную, экономическую и политическую стабильность» [2].

В 1978 году комиссия Конгресса США по проблемам населения объявила, что «важнейшая биологическая система, от которой зависит само существование человечества, подвергается опасности вследствие быстрого роста населения планеты ... и отменяемой в некоторых случаях потери производительности» [2].

Идея «перенаселенности планеты» в области экологического и смежных ему знаний используется очень интенсивно. Собственно, это именно тот рычаг, посредством которого этот вымысел существует, развивается и приносит плоды.

«Устойчивое развитие», «баланс между населением и ресурсами планеты», признание людей, населяющих планету, лишь «одним из видов», «биосферные ценности» – все эти словосочетания повторяются и закрепляются в сознании посредством таких организаций, как ООН, Фонд дикой природы (*World Wildlife*

Fund), Гринпис (*Greenpeace*), Совет по народонаселению, (*Population Council*), Трест за оптимальное население (*Optimum Population Trust*), Фонд Сороса и др. Прямо или косвенно в целях программ, поддерживаемых перечисленными организациями, указывается на наличие «реальной» проблемы перенаселенности и необходимости борьбы с ней путем абортов, контрацепции и стерилизации.

Различные конференции и саммиты ООН, проводившиеся с начала 90-х годов XX века создали базу для так называемой «Хартии Земли». На российском интернет-сайте отделения Международной инициативы Хартии Земли выложен ее текст. Вот, что заявляют основатели «Хартии», в число которых вошли М. Горбачев – бывший генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР, М. Стронг – специальный представитель генерального секретаря ООН, председатель Саммита Земли: «беспрецедентный рост народонаселения ведет к экологической и социальной напряженности, под угрозой оказывается глобальная безопасность», *«мы должны изменить свои представления о ценностях, устремлениях и образе жизни»* [3].

В тексте Хартии говорится, что для «сохранности регенеративных возможностей Земли, соблюдения прав человека и благополучия общества» необходимо «гарантировать всеобщий доступ к здравоохранению, обеспечивающему репродуктивное здоровье и регулируемое воспроизводство» [3].

«С целью построения *устойчивого всемирного сообщества*, нации мира должны возобновить свои обязательства перед ООН, выполнить свои обязательства в рамках существующих международных соглашений и поддержать реализацию принципов Хартии Земли посредством *обязательных* международных правовых механизмов в сфере окружающей среды и развития». И дальше: «...мы должны взять на себя обязательство применять и поддерживать ценности и идеалы Хартии Земли» [3], куда входят такие «ценности и идеалы», как контроль рождаемости и масса других, которые противоречат тем ценностям, с которыми рождались, жили и умирали многие поколения людей. Соответственно, если данный документ будет принят в международном сообществе, то организация ООН и некоторые др. смогут осуществлять контроль

в государствах – от «оптимальной» численности населения до распределения природных ресурсов, содержащихся на территории государств.

«Дух человеческой солидарности и родства со всем живым укрепляется, если мы живем с благоговением к чуду бытия... и скромностью, соответствующей месту человека в природе» [3]. Видимо рождение человека, его «вхождение» в этот мир авторы Хартии «чудом бытия» не считают.

Не безызвестный Б. Гейтс на закрытой конференции в США, штат Калифорния, под названием «TED 2010 Conference» заявил: «Сначала мы получили население. В мире сегодня 6,8 млрд человек. Это число возрастет до, примерно, 9 миллиардов. Теперь, если мы действительно сделаем большую работу по новым вакцинам, здравоохранению, услугам в области репродуктивного здоровья, мы уменьшим его, возможно, на 10 или 15 процентов» [4]. Вполне логичен вопрос: какими именно методами собираются уменьшать количество населения? Цели подобной «благотворительности» не являются благами для людей, разве что некоторые люди принимают за «благо» такой мир, который будет населен гораздо меньшим количеством людей, нежели сейчас.

Таким образом, обзор развития идеи «перенаселенности планеты» в медиа-пространстве второй половины XX века и настоящего времени позволяет выдвинуть гипотезу о том, что попытки воздействия на сознания людей этим вымыслом имеют последствия.

Литература

1. *Мошер С.* Контроль народонаселения – реальные затраты, иллюзорное преимущество. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/44151> (перевод статьи «Population Control – Real Costs, Illusory Benefits» <http://pop.org/content/white-pestilence-808>).

2. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада / пер. с англ. М., 2003.

3. Хартия Земли. URL: http://www.earthcharterinaction.org/invent/images/uploads/echarter_russian.pdf.

4. *Гейтс Б.* «Вакцина для сокращения населения». URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/44971/> (перевод статьи *F. William Engdahl* «Bill Gates talks about vaccines to reduce population». – http://www.oilgeopolitics.net/Swine_Flu/Gates_Vaccines/gates_vaccines.html).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Важной частью любой политической системы в демократической стране является регулярное проведение выборов в представительные органы власти на всех уровнях, а также выборы высокопоставленных национальных чиновников и руководителей местных администраций. С укреплением и развитием демократических традиций в обществе улучшаются способы воздействия на общественное мнение избирателей. Одним из таких подходов является формирование имиджа политического лидера.

Проблемы, связанные с формированием имиджа политических фигур, стали особенно актуальными еще в девятнадцатом веке, когда демократические институты, и особенно всеобщие свободные выборы, стали особенно активными. Судьба высших органов власти начинает напрямую зависеть от взглядов избирателей на государственных чиновников, депутатов и их деятельность. Часто реальность не может быть изменена в зависимости от того, что граждане должны делать, или не может быть убеждена в том, что происходящее является наилучшим из возможных сценариев всех возможных событий, и поэтому обычно не может закончиться сменой правящей элиты. Это, к сожалению, мы не раз наблюдали в Кыргызстане. Поэтому, естественно, вопрос установления идеального имиджа (актуальное состояние, элементы государственного управления и другие общественные отношения) и его представления общественному сознанию имеет решающее значение.

Об актуальности исследования имиджа политического лидера говорит и тот факт, что его формирование и обоснование относится к одной из центральных тем научных дисциплин, изучающих общественно-политическую жизнь, в основном политологию, политическую социологию, политическую психологию, политическую экономику, философию и т. д. Постоянное внимание к проблеме политического лидерства иностранных исследовате-

лей и исследователей постсоветского пространства говорит о том, что это обусловлено объективным спросом на научные знания о государственной политической власти и социальном взаимодействии, а также этой формой персонализации, которой считается политическое лидерство.

Значимость проблематики исследования определяется и возрастающей ролью политических лидеров в обществе. В современных условиях успех или неудача того или иного претендента на властную позицию на этом рынке зависит уже не столько от решений узких групп элит путем закрытых процедур, сколько от успеха в конкретной борьбе за голоса избирателей. В этом процессе одной из важнейших предпосылок является привлекательный имидж политических лидеров для избирателей, и его формирование является одним из основных этапов отбора политических лидеров.

На актуальность проблемы формирования имиджа политических лидеров указывает и то, что она по-прежнему привлекает большое внимание исследователей и политиков. Это отражается в многочисленных публикациях на данную тему, как за рубежом, так и в нашей стране.

Формирование положительного политического имиджа является одной из главных задач PR-служб. Имидж политического деятеля в настоящее время становится предметом пристального внимания и изучения зарубежных и отечественных ученых и политиков. Это подтверждается большим количеством публикаций о политическом имидже. К их числу можно отнести работы таких авторов, как: С. Голдмен, В.Г. Зазыкин, Е.В. Егорова-Гантман, С.М. Невзоров, О.А. Феофанов, А.А. Гостев, А.А. Деркач, А.Ю. Панасюк, Е.В. Селезнева, Н.П. Попов, П.С. Гуревич, И.Г. Дубов, С.Р. Пантелеев, Г.Г. Почепцов и др.

Как самостоятельное понятие «политический имидж» возникло в связи с демократизацией политических процессов в мире. Именно организация демократических выборов и накопившийся в этой сфере опыт способствовали появлению большого количества изданий, посвященных проведению избирательных кампаний [1, с. 84–92].

Вместе с тем, в большинстве существующих определений данного понятия рассматриваются только те характеристики, ко-

которые описывают эмоционально окрашенный образ объекта. Обратимся к словарю по политологии В.Н. Коновалова, где политический имидж представляется как «образ политического лидера, который складывается в общественном мнении и сознании, оказывая воздействие на авторитет и рейтинг его обладателя. Он может возникать стихийно, без усилий со стороны личности либо при помощи особых средств силами PR-специалистов». По В.Н. Коновалову, «политический имидж может существовать в общественном мнении на трех уровнях: рациональном (при воздействии программы, выступления), эмоциональном (насколько можно влиять на психоэмоциональное состояние общества), чувственном (внешний облик, поведение, манеры)» [2].

В большом толковом словаре имидж – это «образ, мнение, представление, сложившиеся в обществе о каком-либо человеке, организации, товаре» [3].

В словаре иностранных слов имидж – это «определенный образ известной личности или вещи, создаваемый средствами массовой информации, литературы или самим индивидом» [4].

Определения в обоих словарях отличаются. Во втором примере составитель подчеркивает искусственный характер имиджа.

Термин «имидж» вошел в активный словарь в 1990-е гг., прежде всего, он использовался для описания внешних характеристик известных политиков. На данный момент это понятие расширило рамки своего применения. Термин «имидж» используется для оценки одушевленных и неодушевленных субъектов: личностей, компаний, и даже целых государств и регионов.

Российский исследователь Н.В. Трошина подчеркивает «актуальность темы построения имиджа в политической жизни. И политические деятели заинтересованы в подогревании интереса избирателей. Кандидаты нанимают политтехнологов для ведения избирательных кампаний. И ключевая роль в кампаниях отводится созданию выигрышного образа политика» [5]. Ее коллега А.Ю. Панасюк солидарен со словарем иностранных слов в вопросе возникновения имиджа. «Образ индивида или группы целенаправленно конструируется профессионалами. Они используют рекламные, информационные, психологические технологии для создания нужных реакций, мнений в сознании общества. Задан-

ные ярлыки «отпечатываются» в психике индивидов через восприятие ими характеристик объекта» [6, с. 76].

Известный политолог Е.Б. Шестопа́л разбирает структуру образа политика: «Авторы чаще всего фокусируются на рациональном уровне восприятия и игнорируют эмоциональную сторону. Когнитивные установки избирателей дают информацию о политических предпочтениях. Однако эти данные поверхностны. Вербализованные составляющие образа делают общую картину плоской. Восприятие индивидов комплексно. Особо ценный пласт информации кроется в иррациональных мотивах населения отдать голос тому или иному кандидату. Исследователь на основе проведенных эмпирических исследований приходит к выводу, что политические предпочтения на рациональном и эмоциональном уровнях могут не совпадать. Граждане выбирают социально одобряемые ответы на вопросы. Истинные симпатии они скрывают» [7, с. 137–151].

Существуют три группы характеристик, которые составляют имидж политического деятеля:

- персональные характеристики, к которым относятся физические и внешние данные, особенности характера, тип личности, стиль руководства и принятия решений и т. д.;
- социальные характеристики, а именно социальный статус, модели ролевого поведения, связь с различными социальными группами, профессиональный авторитет и т. п.;
- символические характеристики, т. е. приверженность определённой идеологии, биография, мировоззрение, политическая программа и т. д. [8, с. 51–67].

В связи с тем, что взаимодействие политика и целевых групп общественности зачастую опосредуется СМИ, появляется возможность избегать трансляции негативных или нежелательных персональных черт и характеристик. Таким образом, большое значение приобретает внешний облик политического лидера, его обаяние и харизма.

Политический деятель должен демонстрировать общественности чёткие, ярко выраженные и постоянные черты и качества своей личности и характера.

Имидж политического лидера включает в себя три важных составляющих – внешнюю, внутреннюю и процессуальную.

Внешняя часть состоит из непосредственно внешности, особенности вербального и невербального общения, стиля в одежде, манеры держаться и говорить и т. п.

Внутренняя составляющая – это профессиональные качества, политические идеи, интеллектуальные способности, образ мыслей, ценности и интересы.

Наконец, процессуальная составляющая подразумевает под собой то, как политик отстаивает и защищает свои политические идеи и установки. Она включает в себя эмоциональную выразительность, скорость реакции и т. д.

Важно отметить, что весь объём этих черт может усваиваться целевыми группами общественности как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

Ф.Н. Ильясов разделяет «имидж на три типа: объективный, субъективный и моделируемый. Объективный имидж – это фактический образ политика в глазах выборщиков. Субъективный имидж – это мнение самого кандидата о производимом впечатлении на население. Создаваемый специалистами имидж для повышения популярности политического лидера является моделируемым» [9, с. 99–106].

Автор книги «Профессия: имиджмейкер» Г.Г. Почепцов особенностью политического имиджа называет «отсутствие прямых контактов избирателя с кандидатом. Электорат вынужден считать посылаемые лидером искусственные знаки и символы... классифицирует имидж на четыре типа: зеркальный, текущий, желаемый, корпоративный и множественный» [10].

Моделируемый имидж можно рассматривать с позиции рынка. Цель производителя в рыночной экономике – продать товар или услугу с целью получения максимальной прибыли. В политическом маркетинге товаром становится имидж лидера. Деньги преобразуются в голоса электората. На рынке продавец изучает потребительские желания и возможности конкурентов. На политическом поле эксперты анализируют ожидания избирателей о личностных качествах лидерах и его поведении. Как писал, уже упомянутый нами Г.Г. Почепцов, «имидж является отражением требований массового сознания» [10].

Производитель четко обозначает свою целевую аудиторию. Погремушки не нужны неженатым мужчинам без детей. Политический лидер также очерчивает свой сегмент выборщиков. Общество негетерогенно. Личность не может нравиться абсолютно всем. Определенные качества лидера и его политические взгляды некоторые группы ценят меньше, чем другие.

Маркетинговый подход раскрывает главные особенности имиджа: символичность, информативность, активность. Например, Жан Бодрийяр рассуждал об обществе массового потребления: «С помощью приобретения вещей индивиды обмениваются знаками. Потребление стало особым языком общения. Имидж также можно разбить на знаки. На невербальном уровне цвет галстука, жесты, мимика, походка – это информация. У посылаемых знаков есть значение. Задача лидера – собрать актуальный для аудитории набор знаков, который сможет задеть эмоции и сознание реципиентов» [11, с. 34].

Наряду с маркетинговым подходом к имиджу существуют и другие: философско-культурологический, психологический, социологический. По мнению Е.Г. Калюжной, «имидж – это способ коммуникации в контексте культуры. Субъекты выстраивают свой имидж с ориентацией на культуру. Взятые для имиджа черты связаны с моралью, нравственностью и эстетикой. Категории культуры по своему содержанию изменчивы. Поэтому и имидж динамичен. Он зависит от требований времени и места» [12, 45–52].

Другой исследователь И.К. Черемушникова описывает современную культуру: «Она характеризуется отсутствием единства, плюрализмом моделей и неприязнью к жестким нормам. Копирование элитарных образцов ушло в прошлое. Сейчас каждая социальная группа или класс способна производить свои культурные модели и вкладывать в них различные смыслы. В компьютеризированной среде имидж превращается в одностороннюю коммуникацию. Опосредованное взаимодействие замещает непосредственное. Индивиды оценивают других без личного контакта. Они конструируют свой имидж и посылают его «всем и никому» [13, с. 78].

Представители психологических концепций указывают на двунаправленность имиджа. Он оказывает влияние и на реципиент, и на носителя. Индивид подстраивает свой образ под социальную группу. В то же время социальная группа не игнорирует отправляемые индивидами знаки. Е.Б. Перельгина определяет имидж как «символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия» [14].

Социологи изучают сформировавшиеся в общественном сознании стереотипы и их отражение в имидже индивидов. О.Н. Козлова использует понятие социального статуса для определения имиджа. Человек повышает свое положение в стратификационной структуре социума через «самопиар». Представители социологического подхода видят в имидже инструмент идентификации и социального контроля.

Имидж – это многосоставный конструкт. Так, И.Ф. Симонова раскладывает «имидж на четыре группы компонентов: ядро, индивидуально-личностный, социальный и профессиональный комплексы» [15].

М.В. Шепель ядром называет «наиболее устойчивые социальные и ценностные установки, природные качества личности. Индивидуально-личностный комплекс объединяет особенности внешности, возраста, пола, темперамента. Социальный капитал человека, его положение в обществе и выполняемые роли, стиль общения образуют социальную группу компонентов. Профессиональный элемент имиджа связан с профессиональной идентичностью и компетентностью индивида» [16].

В.Г. Горчакова описывает уровни имиджа: внутренний и внешний. «Внутренний имидж связан с Я-концепцией личности. Внешний имидж направлен на окружающих». В.Г. Горчакова, в отличие от И.Ф. Симоновой, структуру имиджа делит на пять компонентов: габитарный, вербальный, средовой, кинетический и овеществленный [17].

Повышение значимости политического маркетинга отмечает С.Н. Пшизова: «Избиратели уделяют меньше внимания политическим программам партий и лидеров. На первый план выходит репрезентация политических акторов. Политический маркетинг интересуют технологии, с помощью которых внутренний имидж

можно использовать для конструирования внешнего» [18, с. 30–40]. Как видно, в литературе существуют различные точки зрения о сущности, характеристиках и структуре имиджа.

Имидж политического актора включает в себя три важных составляющих: внешнюю, внутреннюю и процессуальную. На наш взгляд, в качестве теоретического фундамента для определения политического имиджа лучше всего подходят маркетинговый и социологический подходы. Маркетинговый подход раскрывает главные особенности имиджа: символичность, информативность, активность. Цель политического лидера – изучить стереотипы, идеалы общества и с их помощью «продать» себя.

В работе политический имидж – это образ политического лидера, партии, движения или другой политической организации, целенаправленно моделируемый с учетом общественных настроений для реализации политических целей.

Понятно, что процесс формирования имиджа политического лидера не прост. Необходимо определить прототип, который соответствует личности и стилю жизни политика, требованиям общественного сознания. Ключевым фактором для создания определенного образа политика служат его действия. Однако, и поставленная, грамотная речь, хорошо продуманные жесты, профессионально подобранные аксессуары и одежда – все это также является необходимыми элементами формирования имиджа политического лидера.

В современном мире концепция политического имиджа играет важную роль и является неотъемлемой частью политического общения. Формирование позитивного политического имиджа является одной из основных задач служб по связям с общественностью. Как самостоятельное понятие, «политический имидж» связан с демократизацией политических процессов в мире. Именно организация демократических выборов и опыт, накопленный в этой области, привели к появлению большого количества публикаций по проведению избирательных кампаний.

Цель политического имиджмейкерства – изучить стереотипы, идеалы общества и с их помощью как можно лучше «подать» лидера. Политический имидж, это образ лидера партии, движения, политической организации, целенаправленно моделируемый с учетом общественных настроений для реализации определенных политических целей.

В последнее время популярность социальных медиа приобрела глобальный характер. По имеющимся прогнозам, интерес к ним будет только расти. Социальные медиа на сегодняшний день выступают в качестве одного из ключевых инструментов для формирования политического имиджа, который делает реальным постоянный, открытый, двусторонний диалог и взаимодействие с целевыми группами общественности и потенциальными избирателями политических партий и деятелей.

В заключение, можно отметить, что использование эффективных предвыборных технологий, активно формирующих мнение электората, продвигающих определенные интересы властной элиты, становится одним из ключевых условий успеха как в мировой, так и отечественной политике. Обязательным условием успешной предвыборной кампании является правильно созданный образ политического лидера, максимально соответствующий ожиданиям электоральной группы, способный завоевать симпатии народа, вызвать на поверхность политических процессов тот архетип, который позволит задать определенный мотив деятельности – через масс-медиа, прессу, политическую рекламу, выразить эмоциональное состояние в соответствующем идеологизированном (архетипическом) сюжете, который либо утвердится в сознании избирателей, либо будет отвергнут. Идея, провозглашаемая лидером, становится шифром некоего социального проекта, а сам политик через событийные пиар-акции предстает в образе положительного мифического героя.

Сложный имидж задает направление воображения людей, которые воспринимают этот образ, и направляет их к поиску мифа, стоящего за имиджем политика. Более того, конечный результат считается результатом «собственного видения», а не результатом, навязанным внешним миром.

Литература

1. *Шашлов М.Н.* Политический имидж как актуальный предмет исследования //Актуальные проблемы политологии: сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / отв. ред. д-р филос. наук, проф. В.Д. Зотов. М.: Макс-Пресс, 2011.

2. *Коновалов В.Н.* Политология. Словарь. М.: РГУ, 2010.

3. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
4. Большой словарь иностранных слов. URL:https://gufo.me/dict/foreign_words/%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%B6.
5. *Трошина Н.В.* Фактор имиджа в российском электоральном процессе: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Н.В. Трошина. Саратов, 2001.
6. *Панасюк А.Ю.* Имидж: энцикл. слов. М.: РИПОЛ классик, 2007.
7. *Шестопал Е.Б.* Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. Политические исследования. 2005. № 3.
8. *Баранов Д.Е., Демко Е.В., Лукашенко М.А.* PR: теория и практика: уч. пос. 2-е изд., перераб. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013.
9. *Ильясов Ф.Н.* Политический маркетинг, или Как «продать» вождя // Полис. Политические исследования. 1997. № 5.
10. *Почепцов Г.Г.* Профессия: имиджмейкер. СПб.: Алетейя, 2001.
11. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, 2006.
12. *Калюжная Е.Г.* Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47.
13. *Черемушников И.К.* Имидж как смысловая реальность культуры. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2010.
14. *Перельгина Е.Б.* Психология имиджа. М.: Аспект Пресс, 2002.
15. *Симонова И.Ф.* Педагогика имиджа. СПб.: Ультра Принт, 2012.
16. *Шепель В.М.* Имеджология: Секрет личного обаяния. М.: Народное образование, 1993.
17. *Горчакова В.Г.* Прикладная имиджелогия: учебное пособие. М.: Академический проект, 2007.
18. *Пишцова С.И.* Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2000. № 2.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЕАЭС

Общепризнанно, что важнейшей характеристикой современного мирового сообщества в настоящий период является глобализация. В числе целого ряда аспектов своего проявления, глобализация подразумевает и высочайший уровень конкуренции между государствами и их региональными объединениями.

В этих условиях для государств, объединившихся в ЕАЭС, несомненно, актуальной и востребованной задачей является необходимость выхода на тесные интеграционные процессы и связи, а также формы интеграции в сфере науки и научно-технического прогресса.

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе научно-техническое сотрудничество государств – членов является составной частью, прежде всего, промышленной политики, для достижения целей которой осуществляются:

- разработка и реализация совместных программ развития приоритетных видов экономической деятельности в промышленной сфере, а также совместных проектов по развитию инфраструктуры, необходимой для углубления промышленной кооперации;
- проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок с целью стимулирования высокотехнологичных производств;
- развитие технологических и информационных ресурсов для целей промышленного сотрудничества, взаимное информирование о планах развития промышленности [1].

Также соответствующим разделом Договора регулируются вопросы интеллектуальной собственности в рамках Союза. В частности, предусмотрено, что государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами междуна-

родного права, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов.

Сотрудничество государств-членов осуществляется и по такому направлению, как поддержка научного и инновационного развития. Для этого предусматривается формирование интегрированной системы нормативно-справочной информации.

Также соответствующим разделом Договора регулируются вопросы интеллектуальной собственности в рамках Союза. В частности, предусмотрено, что государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивают на своей территории охрану и защиту прав на них в соответствии с нормами международного права, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов.

Сотрудничество государств-членов осуществляется и по направлению поддержки научного и инновационного развития. Для этого предусматривается формирование интегрированной системы нормативно-справочной информации.

По мнению Н. Зиядуллаева, ЕАЭС необходимо сфокусировать свои усилия на формировании и осуществлении скоординированной межгосударственной промышленной политики, основным и центральным звеном которой должна стать неоиндустриализация. Автор отмечает, что «поскольку все постсоветские страны унаследовали от СССР в основном изношенную производственную базу, сегодня необходимо перейти к осуществлению новой индустриализации, которая может стать прорывным инновационным и интеграционным проектом ЕАЭС. Только реализовав скоординированную и взаимодополняющую научно-техническую, инновационную, промышленную, экономическую политику, страны-участницы ЕАЭС могут выдержать глобальную конкуренцию» [2].

Следует при этом отметить, что в качестве отправной точки объективно необходимой становится разработка стратегии развития научно-технического прогресса в странах ЕАЭС.

Стратегия развития научно-технического прогресса в государствах ЕАЭС должна представлять собой тщательно проанализированную, глубоко исследованную и хорошо обоснованную

совокупность норм и правил, лежащих в основе выработки и принятия решений, влияющих на будущее состояние научно-технического развития ЕАЭС. Она должна способствовать повышению уровня конкурентоспособности полученных научных результатов, различных исследовательских поисковых разработок и, в конечном счете, инновационных продуктов, способных конкурировать на мировом рынке.

Начальной точкой данного процесса должно быть создание (или использование имеющихся) аналитических центров, которые должны быть каким-то образом объединены для решения данной задачи. Именно в таких центрах могут быть определены общие для всех государств союза стратегические задачи и приоритетные направления.

По мнению председателя Коллегии ЕЭК Т. Саркисяна, «роль аналитиков имеет важнейшее значение, особенно в современном мире, когда необходимо принимать нормативные регулятивные акты не только исходя из наших планов, но и исходя из того, что в мире происходят серьезные фундаментальные сдвиги, и мы не имеем права ошибаться при принятии решений» [3].

Если же рассматривать особенности современного периода, в условиях которого необходимо решать поставленную задачу, то абсолютно новой и стремительно развивающейся реальностью становится современная цифровая глобализация. На это, в частности, обращает свое внимание И. Шестакова, которая отмечает, что «уникальность переживаемого исторического момента заключается в том, что коренные изменения происходят в режиме реального времени, создавая при этом как небывалые возможности, так и проблемы, с которыми человечество никогда еще не сталкивалось в своей истории. При этом важно то, что этот беспрецедентный темп обусловлен развитием цифровых и инфокоммуникационных технологий» [4].

Если приоритеты развития данных направлений определены четко и ясно, то с большой долей вероятности индикатором достигнутого успеха станет ЕАЭС, приблизившийся в результате процесса цифровой трансформации к высоким темпам экономического роста, глобальной конкурентоспособности и высокому уровню общественного благосостояния.

По данным специально проведенного по заказу ЕАЭС исследования, «возможности, предоставляемые цифровыми технологиями для трансформации экономики Евразийского экономического союза, беспрецедентны. Внедрение цифровых технологий ведет к преодолению границ и открывает новые перспективы для экономического, социального и культурного развития Союза, а также для роста региональной и глобальной конкурентоспособности» [5].

Целями цифровой повестки ЕАЭС-2025 являются:

- ускоренный переход экономик на новый технологический уклад;
- качественный и устойчивый экономический рост;
- создание благоприятной среды для развития инноваций;
- формирование новых индустрий и рынков;
- актуализация механизмов интеграционного сотрудничества;
- повышение эффективности экономических процессов;
- повышение конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС.

Для этого разрабатывается механизм реализации повестки, который включает в себя:

- проработку инициатив и реализация прорывных проектов;
- разработку и обновление нормативно-правовой базы;
- накопление и формирование компетенций;
- привлечение к работе центров компетенций / экспертных сообществ;
- проектно-процессный подход к управлению;
- всесторонний диалог с заинтересованными участниками;
- выработка стандартов, требований, рекомендаций;
- государственно-частное партнерство, консорциумы и другие формы кооперации;
- программы продвижения (рекламу, брендинг и т. п.).

Основными направлениями рассматриваемой повестки являются:

1. Цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация, что подразумевает:

- 1.1 оцифровку физических активов;
  - 1.2 создание добавленной стоимости за счет цифровых моделей, сквозных процессов и полезных данных;
  - 1.3 развитие индустрии данных;
  - 1.4 развитие цифровых платформ и экосистем;
  - 1.5 создание среды для цифровых инноваций.
2. Цифровая трансформация процессов управления и интеграционных процессов, а именно:
- 2.1 моделирование процессов и норм;
  - 2.2 механизмы проработки инициатив и реализации проектов;
  - 2.3 цифровая платформа ЕАЭС на основе Интегрированной информационной системы;
  - 2.4 межгосударственные сервисы;
  - 2.5 цифровые экосистемы.
3. Цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, в том числе:
- 3.1 трансграничная электронная торговля, защита прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка;
  - 3.2 финтех-инновации, совместные механизмы рискованного, альтернативного и венчурного финансирования цифровых инноваций;
  - 3.3 цифровые навыки и повышение производительности труда, дистанционное осуществление найма на работу и обеспечения занятости.
4. Развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов, подразумевающее:
- 4.1 наличие сетей последнего поколения;
  - 4.2 критическую цифровую инфраструктуру;
  - 4.3 трансграничное пространство доверия;
  - 4.4 защищенность цифровых процессов и инфраструктуры.

В конечном счете, при условии эффективной реализации повестки, предполагается достичь следующих результатов: потенциальный экономический эффект реализации цифровой повестки увеличит совокупный ВВП ЕАЭС к 2025 году примерно на 11 %

от общего ожидаемого роста. Это примерно вдвое больше, чем цифровое развитие государств-членов ЕАЭС без общей цифровой повестки.

Реализация совместной цифровой повестки способна обеспечить для стран ЕАЭС:

- рост занятости в ИКТ отрасли на 66,4 % и дополнительный рост общей занятости на 2,46 %;
- дополнительный прирост объема экспорта ИКТ услуг до 74 %.

Специалисты также отмечают, что, по мере реализации прорывных проектов, экономический эффект от цифровой повестки ЕАЭС может значительно возрасти.

Таковым является спектр актуальных для ЕАЭС вопросов по цифровым преобразованиям в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов. Все это было зафиксировано и отражено в Заявлении о цифровой повестке ЕАЭС, которую подписали все главы государств-членов ЕАЭС 26 декабря 2016 года [6].

Подводя итоги, можно отметить, что специалисты оценивают научно-техническое сотрудничество как один из путей «формирования лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению, а также единению национальных интересов этих стран», так оно выступает компонентом устойчивого экономического развития и модернизации экономик интеграционного объединения, способствующих улучшению условий и качества жизни граждан» [7].

Также в специальной литературе отмечается, что, благодаря принятым странами ЕАЭС мерам, в том числе в реализации основных направлений, включая научно-техническое сотрудничество, продолжилась тенденция по наращиванию объемов промышленного производства. Так, в 2018 году «положительные темпы прироста промышленности были обеспечены не только во всех странах ЕАЭС, но и практически во всех отраслях промышленности» [8].

Необходимо подчеркнуть, что в период с 2010 года и по настоящее время во всех странах-участницах ЕАЭС велась работа

по формированию нормативно-правовой и институциональной базы инновационной деятельности. Это способствовало отражению в основных стратегических документах ЕАЭС организационно-правовых вопросов формирования и введение инноваций.

Вместе с тем, необходимо признать, что наша страна находится в начале пути к инновационному типу экономики, поэтому основные мероприятия, осуществленные в Кыргызстане в рамках интеграции в сфере научно-технического сотрудничества, носят, в основном, организационный характер. Пока они направлены, в основном, на формирование предпосылок и создание благоприятных условий для инновационной деятельности.

Как известно, повышение инновационной активности невозможно в отсутствие действенного финансового механизма, позволяющего обеспечить всех участников инновационных процессов необходимыми ресурсами.

Эффективность национальных инновационных систем во многом определяется подсистемой финансирования, которая влияет на эффективность остальных сегментов. Так, в Кыргызстане внутренние затраты на научные исследования и разработки составляют самое низкое число из всех стран ЕАЭС.

Несмотря на это, специалисты отмечают в качестве положительных сторон присоединения республики в ЕАЭС повышение ее инвестиционной привлекательности. В этой связи необходимо отметить значимость создания Российско-Кыргызского Фонда с капиталом в один миллиард долларов. Как отмечает в своей статье С.С. Шухно, «интеграция – это процесс, который подразумевает под собой планомерную и поступательную работу. Результаты такой работы проявляются в различных сферах по-разному: на определенных направлениях результаты уже превосходят ожидания, в других соответствуют им, в некоторых они и вовсе не заметны на первый взгляд. Однако положительная динамика прослеживается на всех направлениях функционирования ЕАЭС. Главная задача на будущее для Союза, Комиссии и Кыргызской Республики – это закрепить те преимущества, которые дала интеграция, не потерять темпы, а нарастить их» [9].

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 1 октября 2019 года) / Правовой фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru>.
2. *Зиядуллаев Н.С.* Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 15 (300). С. 2–19.
3. Тигран Саркисян: «В ЕАЭС необходимо сформировать новую управленческую культуру принятия решений на основе обсуждения с аналитическими центрами». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-11-2019-4.aspx>.
4. *Шестакова И.Г.* Новая темпоральность цифровой глобализации. Будущее уже наступило» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 20–32.
5. Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года: перспективы и рекомендации. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>.
6. Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>.
7. *Андропова И.В.* Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов / И.В. Андропова, И.Н. Белова, М.В. Танеева, Ю.Н. Мосейкин // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 117–130.
8. Высокие темпы роста зафиксированы в ЕАЭС // Polpred. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3135472.
9. *Шухно С.С.* Кыргызстан в ЕАЭС: главные направления сотрудничества // Проблемы современной экономики. 2016. № 2 (58). С. 22–24.

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Смена государственно-правового режима в России, а с ним и общественно-экономической формации, не означала, тем не менее, смены генеральной линии политики государства именно в культурной сфере. Здесь имеется в виду не формальная сторона культуры, которая как раз претерпела существенные изменения, а именно направление, которое носило в целом ассимиляторский характер, природу. Несмотря на значительные изменения в социально-экономической и политической системе и смену названия государства, Россия, как была, так и осталась империей, которая согласно своей природе следовала доктрине, оформлявшейся несколько веков. О ней Н.А. Бердяев писал следующее: «Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры» [1, с. 9].

Мессианская идея об истинном царстве сохранилась, оформившись в идею «светлого будущего». Изменения претерпели только средства, приспособленные к новой политической ситуации. В советском государстве были свернуты все демократические институты, объявленные буржуазными, как и либеральные ценности, был ликвидирован институт частной собственности. В результате государство стало абсолютным, несмотря на то, что царизм, который обвинялся до революции в абсолютизации, был низвергнут. Н.А. Бердяев писал в данной связи: «Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот

же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» [1, с. 12].

Однако между Петровскими и большевистскими реформами, как представляется, есть несколько серьезных различий. Во-первых, Петр Первый, осуществляя свою бюрократическую революцию и создавая новое государство на прежней социальной базе, сохранил в значительной степени традиции русского народа и его религию, хотя и подчинил ее государству. Религия практически вступила в союз с государством, и во многом благодаря этому связь между поколениями и традициями не была прервана. Во-вторых, Петр первый не стал изменять форм и отношений собственности. Он усилил роль государства в жизни общества, значительно усилив при этом милитаристскую составляющую государства для выполнения главным образом внешних задач, связанных с защитой внешних рубежей и дальнейшим расширением территории. Что же касается коммунистической России, то новая власть в соответствии с идеей построения социалистического государства начала свои реформы с уничтожения института частной собственности. Это привело к искоренению целых классов и сословий и к значительным изменениям в сфере культуры. Не говоря уже о том, что религия, оказавшись в атеистическом государстве в загоне, потеряла свое прежнее духовное и общекультурное значение и роль в жизни общества.

Ф. Ницше, несмотря на то, что не видел того, как была воплощена на деле идея построения социалистического государства, дал социализму достаточно точную характеристику. «Социализм, – писал он, – есть фантастический младший брат почти отжившего деспотизма, которому он хочет наследовать; его стремления, следовательно, в глубочайшем смысле слова реакционны. Ибо он жаждет такой полноты государственной власти, какую обладал только самый крайний деспотизм, и он даже превосходит все прошлое тем, что стремится к формальному уничтожению личности; последняя представляется ему неправомерной роскошью природы, и он хочет реформировать ее, превратив ее в целесообразный орган коллектива» [2, с. 446].

Однако советское государство и культура обладали множеством противоречий и имели достаточно много парадоксальных

черт. Так, Н.А. Бердяев писал следующее: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное... Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи» [1, с. 3].

Указанные Н.А. Бердяевым черты русского коммунизма весьма важны для понимания именно культурных процессов в советском государстве. То обстоятельство, что русский народ «по своей душевной структуре народ восточный», а Россия, будучи христианским Востоком, который «в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи», придавал российской культуре не только определенную специфику, но и черты универсализма. Ее непринадлежность в культурном плане ни к Востоку, ни к Западу, означала в то же время ее принадлежность к обоим мировым культурам. Последнее обстоятельство серьезно облегчало адаптацию кыргызской культуры к российской, находившейся на гораздо более высокой ступени общественно-экономического развития.

Так, в советском государстве и обществе, характеризующихся безусловным приматом общественных интересов над частными, коллективистский дух и настроение не входили в противоречие с коллективистским духом и настроением кыргызского традиционного общества, поскольку они являются атрибутивными чертами традиционного общества. С другой стороны, нацеленность государства на ускоренное индустриальное развитие, жесткая и бескомпромиссная конкуренция со стороны развитых капиталистических стран серьезно стимулировали развитие в СССР не только системы образования, но практически всего спектра культуры.

Советское государство стремилось, в силу самой природы государства, контролировать всю общественно-политическую жизнь в стране. Оно же стремилось если и не упразднить личность как таковую, то во всяком случае свести ее к некоторой величине, при которой лояльность личности к государству была бы полной. С другой стороны, государство в силу внешних причин

всеми доступными ему средствами поощряло образованность народа, успешно развивая систему образования.

Необходимо сказать, что такого рода парадоксы и противоречия уже имели место в истории человечества. Так, Ф. Ницше писал следующее: «Страх государства перед духовным развитием. Греческий полис, подобно всякой организованной политической силе, был исключительно недоверчивым к росту образования; его могущественная основная тенденция оказывала почти всегда лишь парализующее и задерживающее действие на этот рост. Он не хотел допустить никакой истории, никакого движения культуры; установленное государственным законом воспитание должно было быть обязательным для всех поколений и удерживать их на одном уровне. И не иного хотел позднее также Платон для своего идеального государства. Таким образом, культура развилась вопреки полису; правда, косвенно и против своей воли последний содействовал этому развитию, поскольку честолюбие отдельной личности возбуждалось в полисе в высочайшей степени, так что, раз попав на путь духовного развития, она шла по нему до самого конца» [2, с. 447].

Нечто подобное, по сути, происходило и в Советском Союзе, когда культура развивалась несколько вопреки государству, стремившемуся к единомыслию и единообразию, однако «косвенно и против своей воли последней» содействовавшему развитию. Скорее побуждаемое извне государствами-конкурентами, чем из внутренней потребности, советское государство, его властные структуры, «раз попав на путь духовного развития» шли «по нему до самого конца». Данный парадокс относится главным образом к системе образования, которая являлась в Советском Союзе важнейшей составляющей культуры.

Другим важным противоречием и парадоксом является то, что советская хозяйственная система, несмотря на ее автаркический характер, т. е. замкнутость на саму себя, уравниловку, отсутствие свободного рынка товаров и услуг и т. д. – словом, все ее недостатки и недостатки советского тоталитарного государственно-правового режима. Именно последнее обстоятельство позволяло государству сконцентрировать в своих руках огромные ресурсы и направить их на ускоренное развитие единой хозяйственной системы страны, что положительным образом сказалось на развитие периферии страны, частью которой был Кыргызстан.

Советское государство было, как известно, было достаточно сильным и могущественным. Однако экономическое, технологическое и военное превосходство совокупного Запада могло иметь для него роковые последствия, вплоть до уничтожения государства. Это, по сути, вынуждало советское руководство ускоренно развивать систему образования, науку и технологии, что в сумме образует то, что принято называть инновационной динамической составляющей культуры. Собственно, изначально, когда произошла революция, создавалось советское государство и осуществлялось обобществление средств производства, предполагалось в полном соответствии с марксистской теорией максимально ускорить все социально-экономические процессы.

В.И. Ленин, свято веривший в непогрешимость марксистской концепции, писал: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих» [3, с. 394].

Таким образом, именно динамическое развитие было, по сути, основным аргументом в пользу совершения революции и радикальных политических и социально-экономических преобразований в России. Другое дело, что на деле это оказалось утопией, и капиталистические страны, сохранив институт частной собственности, рыночные отношения и буржуазную систему права, а вместе с ними и предпринимательский дух, обнаружили большую экономическую эффективность и, соответственно, больший динамизм в развитии.

Тем не менее, и Советский Союз развивался в русле динамической парадигмы, что в свое время позволило ему выстоять и победить во Второй мировой войне, добиться серьезных результатов во многих областях науки и техники. Однако оторванность от мирового рынка, на котором условия диктовали развитые капиталистические страны, отсутствие конкуренции внутри страны и уравнилительный характер экономики, в конце концов, привели к тому, что иждивенческие настроения в обществе и безразличное отношение к труду приняли массовый характер. Это, в свою очередь, привело к относительной стагнации на фоне эффективного развития Западной Европы, США и Японии.

Советский государственно-правовой режим в соответствии с принятой в современной гуманитарной науке терминологией определяется как тоталитарный, на более поздней фазе трансформировавшийся в авторитарный. При тоталитаризме и при авторитаризме в обществе, безусловно, доминирует официальная идеология, формируемой правящей, а в конкретном случае с Советским Союзом – единственной, партией, возглавляемой вождем, который наделен, по сути, абсолютной властью. Партия в условиях тоталитаризма по необходимости срастается с государственным аппаратом, и чиновники, часто входя в состав партии, естественно подчиняются партийной линии.

Все это вместе наряду с экономической спецификой приводит к тому, что власть неизбежно полностью концентрируется в руках исполнительной ветви власти, которая диктует свои условия и правила двум остальным ветвям власти – законодательной и судебной. На основе общественной, а вернее, огосударствленной собственности на средства производства и природные недра в существующей правовой системе в государстве устанавливается крайняя форма централизма. В системе государственного управления осуществляется контроль над всеми основными сферами общественной жизни, активно вторгаясь в частную жизнь граждан [4, 94].

Вследствие этого культура, вернее, та ее часть, которая связана с идеологической и духовной жизнью общества, с одной стороны, становится объектом особого контроля и опеки со стороны государства. С другой – инструментом осуществления государственной политики, которая внутренне устремлена к установлению в обществе единомыслия и единообразия, отсутствию в обществе конфликтов и противоречий, что обеспечивают необходимую управляемость общества.

Вышеприведенная характеристика тоталитарного общества вскрывает еще одно важное противоречие и парадокс советского государства. Он состоит в том, что тоталитаризм в СССР сыграл не только отрицательную, но и положительную роль, обеспечив высокую концентрацию средств и направление усилий и необходимых ресурсов на достижение определенных позитивных целей, что позволило сравнительно быстро реализовать намеченные государством меры по социально-экономическому развитию.

Жесткая конкуренция между двумя основными мировыми блоками государств – капиталистическим и социалистическим – вынуждала обе противоборствующие стороны активно использовать весь арсенал имеющихся в их распоряжении средств, в том числе и культуру, представленную не только материальными объектами, но и включающую в себя систему ценностей и идеологию. Страны социалистического лагеря, фактически лишив собственное население стимулов к высокопроизводительному труду, вынуждены были повсеместно использовать внеэкономическое принуждение к труду и культуре, к тем ее составляющим, которые были связаны с духовной жизнью общества и которым отводилась наиболее важная роль.

В советский период в Кыргызстане были созданы современные энергетика и промышленность, которые выступают в качестве материальной основы массовой культуры. Культура вынужденно обретает элементы массовой культуры с возникновением промышленного производства, индустрии. По мере индустриального развития эти элементы становятся преобладающими, а затем – безусловно господствующими. Другими словами, массовая культура становится не только окончательно массовой, но и абсолютной, диктующей свои условия этнической и элитарной культуре.

Распад Советского Союза, создавшего, в том числе в Кыргызстане, материальную основу для массовой культуры, не приостановил процесса вытеснения этнической культуры массовой. В настоящее время это происходит во многом благодаря инновационным системам коммуникаций, получившим особое развитие благодаря информационной революции в рамках развития общества, которое принято называть в настоящее время постиндустриальным или информационным.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1997.
3. Ленин В.И. Философские тетради // ПСС. Т. 29.
4. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ФЕНОМЕН КОНФОРМИЗМА

В начале XX века американский журналист У. Липпман, сам того не подозревая, стал создателем одного из сложнейших и интереснейших понятий в обыденной жизни и науке – понятия «стереотип». Конечно, он не был первооткрывателем самого феномена, о котором философы писали и до него. Тут можно вспомнить и «архетипы» К. Юнга, и «идолы площади» Ф. Бэкона и «рессентимент» Ф. Ницше. Но именно Липпман придумал само слово стереотип – отпечаток, картинка, тиражируемая огромным количеством. Появление «массовой культуры», «массового человека» характеризует время возникновения понятия, так как книга У. Липпмана «Общественное мнение» появляется в 1922 году [1]. В это время в США действительно растет влияние данного феномена, что с необходимостью приводит к потребности его изучения в определенных целях: целях манипуляции и унификации личности. Такая практическая цель создает превосходную атмосферу для анализа и появления огромного количества работ, а значит, и различных мнений о специфике стереотипа, его необходимости, пользе или вреде.

Впервые обыденное, повседневное сознание становится в центр изучения, но основная цель первоначально состоит не в теоретизировании, а получении надежного инструмента для работы с ним. Как тут не вспомнить лозунг прагматизма: «истинно то, что полезно». Согласно У. Липпману, вся наша жизнь наполнена стереотипами. Именно эти «картинки» в нашей голове, в нашем сознании служат неким фундаментом для поведения, оценок, процессов общения и познания. Более того, они «экономят» наше время, наши мыслительные усилия при столкновении с чем-то новым и сложным, упрощая реальность и подгоняя ее под определенную модель, определенные категории и схемы. Огромную роль они играют и в процессе постижения самой социальной реальности, других людей, незаметно для них выполняя функции сравнения, предпочтения или защиты собственных ценностей и особенностей культуры.

Необходимо отметить, что Липпмана как журналиста мало интересовал философский аспект или гносеологический вопрос адекватности стереотипов реальности. Для него главным являлся вопрос о том, как имеющийся образ объекта влияет на наше восприятие его и на дальнейшее поведение человека и отношение к данному объекту. У. Липпман отмечает, что данная картинка, или стереотип, является очень устойчивой, необыкновенно «живучей». Когда происходит столкновение разных «картинок», то, по сути, это столкновение разных образов миропонимания. В его работе формирование общественного мнения выражается именно через столкновение стереотипов и их навязывание посредством СМИ.

Особенность стереотипов заключается в том, что их носители считают именно свое мнение истинным, а мнение другого человека – неверным или абсурдным. И это неудивительно, так как любая социальная группа, индивид или общество пытается всеми способами отстоять и защитить свою культуру, свои ценности. Липпман пишет: «Не удивительно, что любое посягательство на стереотип представляется посягательством на основы нашего мироздания... Начав спорить, вы не можете остановиться» [1, с. 94].

Ученый считает, что стереотипы присущи всем людям без исключения, но степень подчиненности им может варьироваться от слепого следования до определенного уровня критичности и попытки анализа реального состояния дел. Для человека негибкого любое нарушение его картинки мира есть посягательство на него самого, поэтому воспринимается очень болезненно, и ответ может быть достаточно агрессивным. Почему же начиная с начала XX века не затихает интерес к данному феномену, а количество работ и исследований множится и множится?

Ученые отмечают, что такой интерес вызывается современными реалиями, необходимостью огромного количества внешних взаимодействий, желанием подогнать людей под определенные стандарты, навязать подобный образ жизни. Сегодня, под воздействием почти безграничных возможностей для перемещения и общения, огромной силы СМИ, человек все более искаженно отражает и трактует реальность, формируя неверные образы как других, так и самого себя. Такая сила несет опасность как индивидуальному, так и общественному сознанию, опасность всей

духовной культуре. Отсюда важность задачи изучения стереотипа и стереотипного мышления в восприятии и трактовке действительности, изучения механизмов и возможностей воздействия на сознание и подсознание человека. Поэтому проблемы стереотипов изучаются в различных науках с различных точек зрения. Это и социальная психология, и философия, и социология, и антропология, и политология.

Каждую из этих наук интересует свой «срез» стереотипов, открывая поистине невероятные возможности для анализа и экспериментов. Добавим к этому, что понятие «стереотип» прочно вошло и в обычный словарь среднестатистического человека. В последнее время в науке данное понятие все чаще стало использоваться, чтобы дать характеристику определенной культуре, политике или идеологии, процессам создания и переноса собственных ценностей на другие народы, нации и государства. При этом мы чаще всего говорим об американской или западной культуре, об активном процессе навязывания ими своих культурных ценностей другим народам. Например, концепции «успешной личности на миллион», «гендерной толерантности» или «западного образа жизни», как единственно правильных или престижных ценностей. При этом происходит их мощный выброс, тиражирование, которое известно нам под названием унификация, или глобализация. «Глобализация оказывает активное влияние на экономику, политику, культуру, этнос, сексуальную жизнь (расширение движений сексуальных меньшинств, child free, разрешение однополых браков и прочее). Глобализация влияет на принятие автономных решений, которые принимают социальные авторы на разных уровнях в попытках достичь экономического роста. Это ведет к пауперизации государства, результатом чего становится снижение возможностей самостоятельного регулирования собственных проблем национальным государством» [2, с. 58].

Сегодня ученые исследуют роль стереотипов в формировании общественного сознания в таких сферах, как философия, искусство, религия, мораль или право. Поэтому социальные стереотипы очень разнообразны: религиозные, политические, семейные, профессиональные, гендерные и т. д. Их цель – направить сознание и поведение человека на защиту своей социальной группы,

своих ценностей и своей культуры на основе сложившейся базы шаблонов. При этом интересно, что индивид или даже общество тщательно пытается скрыть свои пристрастия и стереотипы от других людей, другого общества. Это попытка своеобразной игры в объективность, в безразличие и непредвзятость по отношению к другому индивиду или обществу, непохожему на свое.

Руководствуясь некими клише, готовыми программами, мы пытаемся выстраивать свое поведение и всю свою жизнь, при этом часто создавая для себя иллюзорную позитивность «своего». При этом мы сами растим свои опасения и страхи, вырабатываем препятствия для понимания или общения с «чужим». На протяжении последних лет работа в области исследования стереотипа тесно связана с попыткой решения проблем, которые поставлены самим прогрессом и особенностями коммуникации между народами и культурами.

Какова роль стереотипов в наше время, насколько они истинны или ложны, помогают человеку или мешают, можно ли избавиться от стереотипного мышления или этого не нужно делать? Насколько стереотипы облегчают нашу жизнь и способствуют процессу социализации и становления личности, способствуют ли они культурной и социальной идентификации, или мы просто это выдумали? Насколько стереотипы влияют на развитие и самоопределение человека и нации, как они обуславливают наше общение на современном этапе? Вопросов существует огромное количество, но и ответов на них не меньше. Если мы вспомним И. Канта, то великий мыслитель совершенно определенно критиковал всесильность нашего мышления и разделил мир на мир «ноуменальный» и «феноменальный», где доступен познанию только мир второй, мир явлений. При рассмотрении специфики восприятия он использовал в своих трудах понятия «схема» и «схематизм» [3].

Сегодня это явление наряду с категоризацией является одним из механизмов формирования стереотипов нашего сознания и разрабатывается учеными разных направлений. Если мы продолжим говорить о научных традициях Запада, то в области изучения стереотипов особенное место можно отдать психоанализу – работам З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма и других. Было отме-

чено формирование стереотипа, в области как сознательного, так и бессознательного. Наиболее интересными, концепциями, на мой взгляд, выступают концепция «архетипов» К.Г. Юнга и концепция «конформизма» Э. Фромма.

Стереотипы, несмотря на кажущуюся консервативность, могут обладать и определенной степенью психологической мобильности, подстраиваться и реагировать на внешнюю среду и культуру. Степень самой стереотипизации напрямую зависит от их представителей и носителей. Это и индивид, и группа, и общество: их культура, настроения, ценности, существующие картины мира. Все это обуславливает вырабатываемую систему стереотипов.

В результате сложных процессов мы получаем этнические, лингвистические, сознательные или бессознательные особенности проявления общественного мнения. Отсюда будут вытекать особенности реагирования на определенные процессы, как в своем обществе, так и при встрече с другими людьми и культурами. Особенно это стало проявляться сегодня, когда сам научный и технический прогресс усугубляет противоречия между традициями и модернизацией, народной, элитарной и массовой культурами.

Встает вопрос, что нам считать устаревшим и отжившим свой век, какие стандарты жизни считать адекватными современности, что сегодня отвечает интересам личности, нации, государства. Человек живет в постоянно меняющейся реальности, в условиях информационного вала, поэтому ему необходима определенная база представлений об обществе и своем месте в нем, а также о положении других людей и модели взаимоотношений с ними.

Получается, что система стереотипов нам необходима. Стереотип является формой не только сознания, но и поведения людей, и проявления их образа жизни. Конечно, возникает стереотип на основе чувств и эмоций, но затем объективируется в реальности в процессе коммуникации и адаптации. Такие исследователи, как К. Леви-Стросс, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни попытались проникнуть в психические и культурные механизмы формирования стереотипа и определенного типа личности, определенного образа жизни.

Психологи Э. Фромм и К. Хорни связывают процесс стереотипизации с обретением образа самого себя и формированием об-

раза «чужого», то есть с тем, что мы называем процессом персонификации. Это сложный процесс, состоящий из формирований гаммы чувств, потребностей, удач и разочарований, представлений о добре и зле, хорошем и плохом и т. д. Он тесно связан с эмоциями, которые испытывает человек в определенной ситуации, состоянием удовольствия или тревогой. При этом возникшие образы и картинки могут соответствовать реальности частично или же не соответствовать вообще. Когда персонификации разделяются большим количеством людей, они называются стереотипами и начинают передаваться от поколения к поколению.

Хотелось бы остановиться на работах Э. Фромма. Рассматривая модели поведения человека в обществе, он выделил так называемые неплодотворные и плодотворные типы поведения и типы личности. При этом плодотворный тип является лишь неким идеалом, к которому человечество должно приближаться. Одним из неплодотворных типов является конформист, а его поведение, соответственно, мы называем конформизмом. Именно исследование конформизма может помочь в понимании феномена стереотипа. Э. Фромм считает, что такой тип поведения является доминирующим в обществе XX века. Конформизм – непродуктивный тип поведения, который с необходимостью вытекает из существующих реалий, из положения человека в обществе. Само общество враждебно ему и зачастую непонятно. Такое состояние вызывает у индивида чувство страха, неуверенности, бессилия, и как следствие, одиночества [4].

Э. Фромм называл потребность в связи с окружающим миром самой главной человеческой потребностью, считая, что одиночество подобно голоду. Как голодный, так и одинокий человек, будут обречены на смерть. Интересна мысль Фромма о том, что физическое одиночество не есть самая главная проблема человека, и наша идентичность с другими людьми этим не определяется. Человека с обществом могут объединять некие идеи, общие воспоминания, ценности и установки, образ жизни. Именно они и дают ему ощущение порядка и стабильности положения. Человек может быть одинок и в толпе, когда он не чувствует привязанностей или общих идеалов и целей. Именно такое положение и приводит человека к ощущению бессмысленности жизни и различным видам психоза.

Такое одиночество Э. Фромм называет моральным, считая его более тяжелым и иногда даже невыносимым. Исследователь приводит примеры, когда человек одинок физически, но при этом не сломлен. Например, заключенный, борющийся за общие идеи и ценности или отшельник, чувствующий единство с другими верующими, пролетарий или буржуа. Все они связаны общими символами и идеями своей среды. Пусть эта связь будет иллюзорной, самой простой или возвышенной, но именно она спасает человека от безумия. Даже предрассудки, шаблоны и стереотипы здесь будут являться той связующей основой, которая намного предпочтительней, чем одиночество со своими неординарными мыслями или поступками. Отсюда конформизм как возможность приспособиться, слиться с другим человеком, становится тем поведением, куда можно убежать от своих страхов, от своей свободы.

Будучи психологом, Э. Фромм, конечно, отдает пальму первенства психическим процессам в человеке, но мы называем его учение «гуманистическим психоанализом», ибо оно очень отличается от учения «отца психоанализа» З. Фрейда. У Э. Фромма особенности психических явлений определяют особенности явлений социальных, поэтому его психоанализ превращается в разновидность социальной философии, где невозможно вырвать психические явления из истории общества, его культуры. Может быть, Э. Фромм не так интересен, как З. Фрейд, но его учение позволило рассмотреть не только психику индивида и пресловутый «Эдипов комплекс», но и человека в контексте общества и культуры, рассмотреть желание человека любить и быть «укорененным» в обществе.

В учении Э. Фромма явно проглядывают ноты экзистенциализма и его болью за человека, с его «заброшенностью» в этот мир, поиском себя, состоянием отвергнутости и одиночества. Постигание этого факта приводит человека к поискам своего места, поискам своей модели поведения, поиску своей ниши, поискам похожести на других. Что может способствовать этим поискам и вписыванию человека в определенный социум – вот вопросы, которые задает Э. Фромм. Именно общество формирует человека, воздействует на его характер, закрепляя определенные психические особенности. Именно оно, а не только сам человек, спо-

способствует выработке потребностей и характера. Здесь мы видим влияние марксизма и его учения о процессе социализации человека, то есть подход социологизаторский. Хорошо это или плохо? У Э. Фромма нет однозначного ответа, ибо общество, подчиняя человека и вырабатывая определенные процессы приспособления, может приводить к потере индивидуальности, непохожести, уникальности, отказу от нее.

В результате слияния внутренних факторов, индивидуальных особенностей и тех качеств, которые приобретены в обществе, появляется особый тип, который Э. Фромм называет характером и рассматривает его виды. Характер, по Фромму, бывает индивидуальный и социальный. Наиболее интересен именно социальный характер, ибо именно он есть звено, соединяющее психику человека и само общество с его спецификой. Фромм отмечает: «Социальный характер можно определить как специфический способ, с помощью которого энергия направляется в определенное русло. Отсюда следует, что если энергия большинства людей данного общества канализируется в одном и том же направлении, то они обладают одной и той же мотивацией, и, больше того, они восприимчивы к одним и тем же идеям и идеалам» [5, с. 330].

Когда, согласно Э. Фромму, мы рассматриваем определенную культуру, то нам не интересен индивидуальный характер как таковой. Интересно то, что свойственно большинству людей данного общества, то есть характер социальный. Ведь столкновение культур есть всегда столкновение культур определенного типа. Это необходимо для того, чтобы поддерживать устойчивость своего общества и обуславливать его развитие и функционирование. Но в обществе, даже сплоченном едиными идеями, возможно формирование различных типов личности и различных типов ориентации.

Исследователь выделяет такие ориентации, как садистская, мазохистская, конформистская и деструктивная. Все эти типы поведения неплодотворны, так как в основе их лежат ненужность, бессилие, одиночество современного человека, которому просто необходимо найти выход из подобного положения. В результате, большинство людей, по мнению Э. Фромма, выбирают именно конформизм.

При этом, Э. Фромм считает, что в авторитарных или тоталитарных обществах конформизм менее распространен, ибо главный тип поведения в них – подчинение руководителю или вождю. В демократических же обществах в условиях некой провозглашаемой иллюзорной свободы человек ищет подобных себе, похожих. Сама свобода больше не кажется ему ценностью, она его более страшит, чем притягивает.

Конформизм – это его спасительная пещера, дом, убежище. Похожесть во всем, общие стандарты поведения, понятные разрешения и запреты, привычные нормы – это мир, куда человек стремится попасть, там остаться и подстроиться под него.

Этот побег помогает ему сохранить единство с другими людьми, с обществом или группой. Здесь мы вновь сталкиваемся с идеями, близкими экзистенциализму, так как Фромм считает, что самые сильные человеческие страхи – это боязнь изоляции, притеснений и изгнания из социума. Постоянный страх сопровождает человека с детства, начиная с базовой тревожности и кончая состоянием отчаяния и даже безумия. Отсюда идут многие психические заболевания, обусловленные дисбалансом с обществом. Чтобы сохранить психическое здоровье и способность жить и действовать, человек должен ассоциировать себя с какой-то группой, нацией, обществом, принять определенную модель культуры и образцы поведения. Именно то, что данная группа объявляет правильным или неправильным, добрым или злым, красивым или отвратительным, ее установки, ее амбиции и будут являться для индивида «истиной в последней инстанции». В результате человек считает истинными общепринятые мнения, то, что мы называем клише, шаблонами, стереотипами. Его собственные мысли, которые не соответствуют таковым, просто вытесняются из сознания.

Многие ученые цитируют пример Э. Фромма с рыбаком и его поведением: «... очевидно, что он просто усвоил прогноз. Однако он ощущает потребность иметь собственное мнение и поэтому забывает, что просто-напросто повторяет чье-то авторитетное утверждение; он верит, что пришел к определенному выводу на основании собственных размышлений, на самом же деле он просто усвоил мнение авторитета, сам того не заметив» [4, с. 132].

Все наши взгляды, как политические, так и этические, эстетические только кажутся нам собственными и выстраданными. Согласно Э. Фромму они передаются от отца к сыну, от человека к человеку, определяются авторитетами, но не являются результатом собственного опыта или размышлений. Быть таким, как все, не быть «белой вороной» – разве не эти мысли и утверждения заставляют нас подчиняться определенным клише? По Фромму, еще один страх, преследующий человека, это страх потерять тождественность самому себе.

Рассматривая культуру, Э. Фромм приходит к выводу, что понятие самотождественности человека обусловлено исторически. Оно связано с привычкой подчинения именно обществу и его устоям, нормам и правилам. Существует целый спектр «социальных ролей», одну из которых должен принять на себя человек, подчиняясь ей, как набору стереотипов, шаблонов. То есть, выбирая определенную модель поведения, образа жизни, симпатий и антипатий, любой человек находится под угрозой потери собственной уникальности. Любой человек находится под угрозой оказаться захваченным стереотипами. При этом даже самый умный человек не может полагаться на свой интеллект, так как дело вовсе не в нем! Ученый пишет: «Чтобы понизить общий уровень тупости, нам нужен не рост "интеллекта", а иной тип характера: независимые, предприимчивые люди, влюблённые в жизнь» [5, 364].

Ученый искренне верил, что плодотворный тип может из идеала превратиться в действительность, что человек может быть честным, открытым, любящим и независимым, приносящим пользу обществу и самому себе и, в конце концов, просто счастливым. Сегодняшний человек, по утверждению Э. Фромма, напуган, одинок, похож на других и мало уникален. Он пытается подстроиться под существующие общепринятые мнения и боится собственной неординарности и свободы, но наступит время и человек сможет честно воскликнуть: «А король-то голый!», как мальчик из известной сказки.

Сегодня уже иной век, но проблема стереотипного мышления и поведения не потеряла своей остроты, как и проблема конформизма. Массовая культура, подчиняющая себе мир, мощное вли-

яние СМИ и Интернета ведут к стандартизации и консерватизму в мышлении и поведении. Это мощнейшая сила с легкостью навязывает нам стереотипы, но мы этого часто даже не замечаем. Они по-прежнему пытаются воздействовать на индивидуальность и самобытность человека, и это воздействие становится все сильнее. Шествие стереотипов продолжается, и о «плодотворной» ориентации личности можно только мечтать.

Литература

1. *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Баргунова; под ред. К.В. Петренко. М., 2004.
2. *Джанибеков Б.Т.* Концепции будущего развития человечества в контексте глобализации // Вестник КРСУ. 2019. Т. 19. № 2.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
4. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2008.
5. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.

*Е.В. Сорочайкина,
Н.Н. Козукеева*

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КЫРГЫЗСТАНА

Распад Советского Союза, крушение экономической и политической системы страны – все эти процессы затронули Кыргызстан, который не мог остаться в стороне от радикальных реформ и кардинальных преобразований. В Советском Кыргызстане становление власти происходило так же, как и в других республиках СССР, – на основе марксистско-ленинской идеологии, в соответствии с которой крестьянство, рабочий класс и прослойка интеллигенции в качестве гегемона истории осуществляли транзит от капитализма к социализму под руководством элиты из рядов коммунистической партии. В этой связи, В.И. Ильин отмечает: «Властвующая элита СССР включала лидеров советских государственных структур, высших хозяйственных и промышленных структур, армии и органов безопасности, призванная исполнять руководящую деятельность, в конечном результате превратилась в правящий класс, который взял в свои руки всю полноту власти <...> достигшей высот в советской системе званий и должностей и, уже в 20–30 гг. прошлого века, институционализированный как закрытый привилегированный класс» [1, с. 122–123]. В СССР, а потом и в других социалистических странах командно-административная система явила обществу как одну из наиболее характерных своих черт стратификационную структуру элиты, а именно партийно-номенклатурный подбор кадров.

Наиболее серьёзные формы номенклатурно-партийная система демонстрировала во время сталинской эпохи, когда ее политическое единство и идеологические ориентации поддерживались механизмами массовых репрессий, в том числе и против кадров, представлявших собой основу первой политической элиты Советского Союза [2, с. 93–107]. Сформированную еще соратниками В.И. Ленина и его ближайшего окружения.

Анализ биографий кыргызских политиков начала XX века позволяет рассмотреть их в сравнении с общей политической картиной конца XX и начало XXI столетия, когда Кыргызстан стал развиваться как суверенное государство. Понятно, что со-

временные политики более образованы, чем их предшественники. Однако по своим нравственно-этическим и деловым качествам, нынешнее поколение управленцев существенно отстает. Интересный факт – большинство политиков прошлого было обвинено в контрреволюционной деятельности и на этом основании было подвергнуто массовым репрессиям. Но, в отличие от современного поколения политической элиты, за редким исключением, им не предъявлялись обвинения в должностных злоупотреблениях, хищениях, взяточничестве и коррупции. [3, с. 76–91].

Если сравнивать условия работы, то у первых руководителей Кыргызстана практически ничего не было из того, чем обладают представители современного поколения политической элиты: высшего образования, компьютеров, научно-исследовательских институтов и лабораторий, зарубежных советников и специалистов, и т. д. Однако они лучше и эффективнее справлялись с поставленными задачами. Благодаря своему патриотизму и сильному духу, бескорыстности, политическая элита начала двадцатого столетия за исторически короткий промежуток времени выполнили огромный объем работы по формированию кыргызской государственности. Были заложены основы современной экономики, науки, социальной сферы, образования, подготовлены тысячи специалистов народного хозяйства. Таким образом, была подготовлена база для провозглашения независимости Кыргызстана.

Элита Кыргызстана того времени не делилась по регионам, людей уважали за профессиональные и деловые качества, а не за их происхождение, на руководящие посты готовили наиболее способных и талантливых людей. Вследствие этого возникла целая когорта кыргызстанских руководителей, являвших собой лучшие образцы самопожертвования и преданности своей стране. Прежде всего, это Т. Джолдошев, Э. Эсенаманов, С. Тынаев, Б. Исакеев, Т. Айтматов, К. Шоруков и другие. Каждый из них был способен украсить собой правительство любого государства. Сравнивая дела ушедших политиков, их жизнь и поступки, с делами и жизненными целями современных управленцев, становится ясно, что данное сравнение за редким исключением идет не в пользу современной политической элиты [4]. Конечно, политическая система того времени была не столь демократична, однако аппарат управления работал более или менее четко и слаженно.

Существенные трансформации в политической жизнедеятельности государства имели место во время «оттепели» (середина 1950 – начало 1960-х годов), когда был разоблачен «культ личности И.В. Сталина». Под контроль КПСС была поставлена работа спецслужб, ограничены льготы и привилегии партийной и советской номенклатуры.

В это время основу политической элиты составляли профессиональные партработники и директора крупных предприятий, руководящие работники министерств и иных ведомств. Вследствие этого, политическая элита Кыргызской ССР, как и других республик, придерживалась консервативных позиций. Лишь в начале 1990-х годов она была вынуждена уступить свое место новым кадрам. Власть перешла демократически настроенным представителям академических кругов, а также среднего эшелона номенклатуры КПСС [5].

В это время начался новый этап в формировании элиты в Кыргызстане. В стране появились новые политические партии, движения и т. д. Многопартийность в Кыргызстане формировалась на основе неформального движения, которое возникло к концу перестройки. Активность гражданского общества проявилась также в образовании «Демократического движения Кыргызстана», которое опиралось на программные документы прибалтийских народных фронтов. «Демократическое движение Кыргызстана, как наиболее массовая и консолидированная гражданская структура возглавила оппозиционный тренд общества, противостоящей коммунистической элите республики» [6].

В результате углубления кризисных явлений в обществе и усиления влияния новых политических сил руководство страны, возглавляемое первым секретарем ЦК КП Кыргызстана А. Масалиевым, уступило свое место демократически настроенным лидерам во главе с А. Акаевым [7].

Это дало толчок для возникновения и активизации новых политических сил. Осенью 1994 года в преддверии выборов в Жогорку Кенеш, политические партии Кыргызстана сформировали два блока: «Конгресс демократических сил» («Эрк», Компартия и шесть общественных объединений) и «За единство Кыргызстана» (Республиканцы, Партия единства Кыргызстана и 12 обще-

ственных объединений). Данное событие стало началом в истории Кыргызстана консолидации различных политических элит [8]. Однако большой роли эти блоки не сыграли, зарубежные и отечественные специалисты отмечали, что основной причиной провала избирательной кампании стало применение мажоритарного принципа в выборах ЖК КР. На наш взгляд, главная причина заключается в неразвитости партийной системы и незрелости самих политических партий. Победа в выборах определенных представителей демократических структур не подвели к образованию в ЖК КР депутатских групп, создаваемых по принципу партийности. Создание партийно-фракционных объединений в этот период не стало типичным аспектом развития парламентаризма в Кыргызстане.

Главной особенностью образования элит в это время стали патернализм и трайболизм, предполагающие закрытую систему рекрутирования новых кадров. По мнению Сааданбекова Ж., характерными чертами процесса восполнения элит в период правления президента А. Акаева стали:

- «формирование партии власти – «Алга Кыргызстан», жесткая административная вертикаль, использование административного ресурса и т. д.;
- семейственность (семья как наиболее приближенный круг, в котором концентрируются экономические, политические, административные и иные ресурсы);
- возврат к трайбовым, региональным, закрытым формам рекрутирования ;
- тенденция укрепления позиций номенклатурной бюрократии (ключевые позиции вновь стали распределяться между представителями старой управленческой когорты, отеснившими на периферию кыргызских политиков новой формации);
- кадровая ротация управленцев верхних эшелонов власти стала предсказуемой (одни и те же люди поочередно занимали посты губернаторов, вице-министров и министров, послов и т. д.);
- наиболее деятельным органом реального управления в стране была Администрация Президента КР (иерархиче-

ская элитная пирамида, имеющая возможность выработать за два электоральных периода, то есть десять лет, свои в большей степени кулуарные, закрытые традиции и способы рекрутирования» [9].

Основным потенциалом власти или борьбы за власть в этот период были экономические ресурсы, во многом тождественные политическим, так как сращивание этих двух компонентов стало практически единственным условием существования хоть какого-то бизнеса в стране.

Распределение всех имеющихся ресурсов внутри одной элитной группы с допущением к данному процессу двух-трех кланово-корпоративных сообществ, стало основной причиной противостояния внутри общества в Кыргызстане. В итоге это привело к свержению правительства А. Акаева и его бегству из страны. Однако это было проявлением не только политического кризиса в стране, но и процессом смены политических элит. В основном, смена элит на постсоветском пространстве происходит в форме «цветных» революций (насильственная смена власти) или посредством подбора «преемника» (ненасильственная форма).

Известный кыргызский философ А. Брудный высказал идею о глобальном процессе «рефеодализации» современного общества, объясняющем подобные тенденции в формировании элит. Он отметил, что «...родственные отношения как основа взаимного доверия во второй половине XX – начале XXI века если не доминируют, то занимают очень важное место. Вспомним последний парламент А. Акаева, не случайно там оказались его сын и дочь. Не случайно дочь Н. Назарбаева является руководителем одной из ведущих политических партий и т. д. Не случайно сегодня Президент США – сын одного из президентов. Не случайно совсем недавно Президентом Демократической Республики Конго избран сын предыдущего президента. Не случайно в Польше посты президента и премьер-министра занимают два брата. Список очень длинный. Кстати, началось это в Азии, достаточно вспомнить Корасон Акино и прочих» [10, с. 15–17].

К сожалению, смена власти после мартовских событий 2005 г. не повлекла за собой значительных изменений в политике или экономике страны. Вскоре ситуация в обществе вновь стала обостряться. Формальным поводом для этого стала позиция пре-

зидента по вопросу о реформировании «акаевской» Конституции, чтобы законодательно расширить полномочия президента. Кроме того, часть политических элит, принимавших участие в мартовских событиях, так и не была допущена к основным ресурсам.

Известный политолог, бывший помощник Президента КР В. Богатырев считает: «Акт демократического действия у кыргызов всегда носит реальный, а не символический характер. И если западный обыватель может прийти на митинг, а через час, в крайнем случае, вечером, спокойно вернуться домой, то наш, если уж он вышел с протестом, не уйдет, пока не добьется своего. Особенностью кыргызской демократии является ее прецедентный, а не нормативный характер» [11, с. 23].

Особенностью формирования политических элит Кыргызстана является то, что в критические для страны ключевые моменты, напоминающие точки бифуркации, становятся «моментом истины» для участников политического процесса. Вне зависимости от прежнего политического «наследства» популярные вчера лидеры тускнеют или теряются в ситуации выбора, имеющей важное значение и последствия для будущей карьеры политика.

Процесс формирования элит в Кыргызстане проходил волнообразно и неравномерно. Это отмечают и отечественные специалисты, и общественные деятели. Например, накануне мартовских событий 2005 года известный кинорежиссер Б. Шамшиев, говорил: «...неудивительно, что народ, возмущенный такой несправедливостью по отношению к нему, стал выходить на улицы и требовать честного проведения выборов <...> Преступная власть, беспомощная администрация страны еще раз доказала, что она не может больше оставаться у руля власти» [12, с. 8]. Режиссер отмечал, что наступивший кризис вполне закономерен и закончится он «скорее всего, отставкой Акаева». Как показали последующие события, прогноз кинорежиссера оказался абсолютно верным. Интересной деталью является то, что в качестве специфической особенности ситуации Б. Шамшиев видел «самостоятельность» народа – то, что он действует сам, без серьезного руководства со стороны лидеров оппозиции. Народ сам выбирает себе лидеров и выступает открыто – для решения собственных наболевших проблем. Следует отметить, что несмотря на сложность ситуации, Б. Шамшиев с оптимизмом смотрел в будущее, он был уверен в том, что «страна, если ей не будут мешать нега-

тивные силы, станет двигаться в сторону открытого общества, потому что только такая общественная модель сможет обеспечить равные права граждан не только в бизнесе, политике, культуре, но и в быту, социальной сфере» [12, с. 8].

Вызывает интерес и мнение известного писателя Ч.Т. Айтматова. Писатель считал, что «событие, которое произошло... неизбежно назревало, потому что те роковые проблемы (массовая бедность, массовая безработица и не менее массовая коррупция), которые многие годы сопутствовали деградации, а не развитию, дали о себе знать именно таким радикальным и подчас диким образом». Он подчеркнул, что оппозиция сумела уловить общее настроение масс и повести за собой стихийную народную толпу: «Так, наверное, и должен был завершиться этот фатальный исход» [13, с.5–6].

К большому разочарованию общества, следующий президент Кыргызстана – К. Бакиев, как и его предшественник А. Акаев, так же не оправдал возложенных на него надежд. Политика нового президента была направлена на монополизацию власти, подавление оппозиции (вплоть до физического уничтожения ее лидеров) и на полное подчинение парламента своим интересам, посредством доминирования в законодательном органе страны «карманного» большинства президентской партии «Ак-Жол».

О том, что политическая ситуация в стране после прихода к власти К. Бакиева и его окружения с годами стала ухудшаться, отмечают отечественные аналитики и эксперты. Так, А. Эркебаев говорит: «Шаг за шагом Бакиев выстраивал жесткую политическую систему, вновь коррупция и семейственность... Начались политические преследования, политические убийства – М. Садыркулова, бывшего руководителя аппарата президента, убийства журналистов; представителей независимых СМИ избивали прямо на улицах, закрывали неудобные оппозиционные газеты и телеканалы. На атмосфере страха строилась тоталитарная система, в которой нет места инакомыслию...» [14, с. 2]. Этого мнения придерживается и А. Джекшенкулов, который еще за два года до событий 2010 года отмечал, что «шаги, которые предпринимает сегодня правительство К. Бакиева ... односторонний взгляд, расчет только на силу – губителен для власти, это путь в никуда» [15, с. 4]. «Власть, рассчитывая только на силу, не принимает во

внимание те серьезные факторы, которые реально влияют на политическую ситуацию в стране. При этом полностью игнорируется мнение общественности – все это может привести к дальнейшей радикализации общества» [15, с. 4].

Анализируя условия и причины политических протестов, приведших к событиям апреля 2010 года, отметим такой фактор как резкое ухудшение экономического и социального положения населения. Окончательно выяснилось, что мартовская «революция» 2005 года не выполнила поставленных перед нею задач. Она не произвела ни экономического, ни политического, ни социального обновления в Кыргызстане.

Также следует подчеркнуть факт фальсификации итогов парламентских и президентских выборов. Парламентские выборы 2007 года завершились большим скандалом: еще не были опубликованы официальные итоги выборов, а ЦИК признал победителем наспех и искусственно созданную президентскую партию «Ак-Жол». Что касается президентских выборов, то они были названы международными экспертами самыми «грязными» за всю историю Кыргызстана. К сожалению, многое из этого повторилось и в октябре 2020 года.

Очевидно, что протестные настроения в обществе порождаются проблемами, которые по-прежнему существуют в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. При этом существующая множественность партий указывает не столько на многообразие общественных интересов, сколько на незрелость и неупорядоченность политических отношений.

Сегодня общество направляет свои усилия на демократизацию политических процессов: внедрение процесса транспарентности в систему подбора и подготовки кадров; поиск компромисса с оппозиционными элитными группировками; обновление избирательных принципов, что в итоге ведет к осовремениванию механизмов попадания политическую элиту государства и общества.

Хотелось бы надеется, что в перспективе национальная политическая элита будет характеризоваться тем, в какой степени их должностные функции смогут соответствовать социальным ожиданиям общества и нацеливаться на выработку установок и ценностей, основанных на социальном консенсусе.

Литература

1. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистического анализа. Сыктывкар, 1996.
2. *Родионов М.А.* Влияние геополитических факторов на формирование властных элит // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6.
3. *Сироткина Е.В.* Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6.
4. *Курманов З.* Политическая борьба в Кыргызстане, 20-е годы / отв. ред. В.М. Плоских. Бишкек, 1997.
5. *Мадалиев М.М.* Динамика и позиционирование современной политической элиты Кыргызстана: дис. ... д-ра полит. наук / М.М. Мадалиев. Бишкек, 2019.
6. *Абдыкадыров Т.А.* Судьба и время. Бишкек, 1998.
7. *Койчуманова Ч.У.* История демократизации суверенного Кыргызстана (1991–2010 гг.): учебное пособие для студентов вузов. Бишкек, 2013.
8. *Джунушалиев Дж.* Время созидания и трагедий: 20–30-е годы XX в. Бишкек, 2003.
9. *Сааданбеков Ж.* Сумерки авторитаризма: закат или рассвет? Киев, 2000.
10. *Брудный А.А.* Что это было? // Мартовская революция в Кыргызстане: шаг вперед или два шага назад. Бишкек, 2005.
11. *Богатырев В.* Место и роль политических партий в Кыргызстане // Политические партии в Кыргызстане. Бишкек, 2006.
12. Интервью с Б. Шамшиевым // Моя столица. 2005. 16 марта.
13. *Айтматов Ч.Т.* Экстренный переворот // Слово Кыргызстана. 2005. 10 мая.
14. *Эркебаев А.* Мартовские события 2005 года следует воспринимать как историческую реальность // Общественный рейтинг. 2008. 23 марта.
15. *Джекишенкулов А.* Шаги, которые предпринимают власти, могут привести к ответным радикальным действиям // Общественный рейтинг. 2008. 31 января.

ПРАВО И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Современное социальное познание, развиваясь по принципу полинаучности, заметно расширяет свои эпистемологические границы, а потому сегодня практически не существует однозначных трактовок тех или иных феноменов, явлений или процессов, которые становятся объектами для различных областей науки. В этой связи актуализация вопроса, связанного с утверждением научного статуса социологии права, позволяет на конкретном примере проследить междисциплинарный характер систематизации наук об обществе и наук о праве.

Исследователи зачастую продолжают настаивать на самодостаточности объектно-предметного пространства в тех исследовательских сферах, которыми они занимаются. С одной стороны, это лишний раз подчеркивает желание сохранить некую значимую автономию определенной области знаний, а следовательно, утвердить приоритеты научного поиска с опорой на адекватные методологические установки. С другой же стороны, подобные стремления указывают на слишком выраженную ограниченность исследовательских изысканий. В отношении социологии права эти тенденции обнаруживают себя со всей очевидностью, поскольку затрагивают, как нам кажется, сразу несколько важных стратегических для социального знания направлений развития науки.

В 1990-е годы на страницах различных научных изданий развернулась дискуссия о природе социологии права, ее включенности или, напротив, исключенности из дискурса двух самодостаточных научных областей: социологической и юридической наук. Целый ряд авторитетных, прежде всего, социологических журналов, в числе которых «Социологические исследования», «Журнал социологии и социальной антропологии» и другие, заострили внимание на «проблеме» социологии права, имея в виду ее отраслевую неопределенность. За спором о месте социологии права в системе социальных или юридических наук явно угадывалось намерение отдельных социологов и юристов отстоять относительно новое для тех и других научное пространство, что само по себе

могло продвинуть развитие этих отраслей знания в иное исследовательское русло. Социологию – в сферу правовых отношений, а юриспруденцию соответственно в социокультурную реальность. В этой связи В.В. Лапаева отмечает, что «в социологической литературе доминирует представление, согласно которому социология права – это одна из отраслей общей социологии, т. е. дисциплина социологическая, а не юридическая» [1, с. 47]. И если социология оперирует достаточно широким спектром категорий социальной направленности, включая и правовые концепты, то для наук о праве генеральной линией все же остается нормативно-правовая детерминация происходящих в мире и в обществе процессов.

На основании этого положения можно вести речь о смене методологических приоритетов, прежде всего для юриспруденции, стремящейся выйти за рамки строгих нормативных конструкций. Правда, что касается социологии права с точки зрения самой социологии, то обращает на себя внимание выраженный девиантологический вектор в исследованиях данного направления. Так, если обратиться к публикациям последних лет, состоявшимся на страницах научного журнала «Социологические исследования», то можно легко обнаружить подобную закономерность [2–7]. Вместе с тем, такое сужение исследовательского поля явно не идет на пользу самой социологии, поскольку заметно снижает эвристический потенциал социально-правовых (или социолого-правовых) ракурсов исследования. Не усматривается в этом случае и признаков процесса так называемой социологизации правовой науки [8, с. 64], хотя именно в этом направлении, по-видимому, и следовало бы ожидать наиболее заметных достижений, если иметь в виду довольно поверхностный социокультурный контекст правовых исследований в угоду жесткой нормативной традиции.

На наш взгляд, только в последнее время, но опять же в рамках социологических изданий, стали предприниматься попытки сформулировать тезисы о культурной или социокультурной специфике права как такового. Например, Н.С. Тимашев, задаваясь вопросом «Что такое социология права?», приводит мысль, согласно которой «право – это культурная сила (выделено мной. – Е. П.)» [9, с. 107]. Правда, следует заметить, что дальше заявленного тезиса автор не продвинулся и все же свел «культурную силу» к поведенческим

и волевым характеристикам индивида, следуя, очевидно, устойчивому сложившемуся в социологических публикациях стереотипу девиантологической интерпретации триадного взаимодействия человека, норм права и нормативно-ценностного комплекса культуры. Примечательно, что далее автор со ссылкой на «превосходное исследование социологической тенденции в юриспруденции», выполненное американским правоведом Р. Паундом [10], воспроизводит его сентенцию, которая все же нуждается в дополнительной рефлексии: «...область исследования социологии права уже занята юриспруденцией. Это – бесспорный факт» [9, с. 109]. К этому остается добавить, что все же бесспорных фактов даже в юриспруденции встречается не такое великое множество, а для социогуманитарного знания утверждение абсолютных категорий, между прочим, и вовсе не является самоценным.

Более четко ориентир на гуманитарное начало в развитии социологии права определен в рассуждениях В.В. Лапаевой, которая полагает: «Отличительным признаком современной социологии права является заметное расширение ее междисциплинарных связей с новыми научными дисциплинами: юридической конфликтологией, юридической политологией, юридической антропологией, юридической этнографией и т. п., процесс выделения которых в качестве самостоятельных сфер знания находится в русле общей тенденции развития науки и связан одновременно и с дифференциацией, и с взаимопроникновением научного знания» [11, с. 151].

Если брать в расчет культуроцентричность современного научного знания, то становится понятным желание автора выйти за рамки «монодисциплинарности» и представить развитие социологии права в ракурсе социокультурных концептов современности. Неясным, однако, остается то обстоятельство, что могут представлять собой указанные новые дисциплины – юридическая политология, юридическая антропология и т. д. Как нам кажется, судьба их еще более неочевидна, чем судьба самой социологии права. Вместе с тем, остается под вопросом и актуализация таких отраслей социологии, как, к примеру, социология уголовного или гражданского права. По мысли Э.В. Тадевосяна, «наиболее дифференцированной и распространенной структурой социологии

права можно считать ту, которая связана с многообразием объекта познания и системой права: например, социология уголовного права, социология семейного права, социология государственного (конституционного) права, социология административного права и т. д.» [8, с. 67]. Со всей очевидностью в этом перечислении раскрывается желание исследователя придать любой отрасли права некий «довесок» в виде социологического конструкта, но подобного рода стремления почти всегда оборачиваются манифестацией каких-либо неубедительных обстоятельств.

Сегодня мы не можем не заметить отсутствие внимания к обозначенной проблематике со стороны авторитетных юридических изданий, что, на наш взгляд, объясняется устоявшимся мнением об утилитарном, а точнее – прежде всего эмпирическом значении социологии для правоведения в части активного использования определенных методов исследования. Именно поэтому нередко встречаются суждения о расширении предметной области проводимых в рамках социологии права исследований с использованием разнообразных средств и методов исследовательской деятельности [12, с. 97].

Конечно, для юриспруденции или некоторых ее областей (криминологии, например) это обстоятельство является необходимым условием приращения нового знания, однако сведение социологии только к обеспечению «технологического процесса» в изучении конкретных феноменов или явлений, в том числе и правовых, звучит по меньшей мере неубедительно. К слову сказать, современная социология также переживает нечто подобное кризису, сама того не желая, обозначив демаркационную линию между теорией и практикой научного изыскания. Не секрет, что зачастую игнорирование известных принципов социологической теории приводит исследователей к весьма поспешным выводам и заставляет усомниться в эвристической ценности полученных результатов.

Возвращаясь к дискуссии о сути социологии права в различных научных изданиях, заметим, что если социологические журналы в основном ставили вопрос о междисциплинарном характере развития этого исследовательского направления, то некоторые публикации в известных юридических журналах обращались к поиску парадигмальных ориентиров социологии права [13; 14].

На самом деле и первый, и второй ракурсы освещения указанной проблематики имеют свою ценность и позволяют судить о важности и необходимости дальнейшего развития социологии права не просто как юридической или же социологической дисциплины или отрасли знания, а как комплексной научной области, самодостаточной в системе наук об обществе и наук о праве. По уже известным публикациям можно сделать вывод о доминировании точки зрения, в соответствии с которой социология права рассматривается то как часть общей социологии (при этом главным образом исследуется проблема соотношения различных категориальных систем – общество, право, нормы, ценности и т. д.), то соотносится либо открыто противопоставляется теории права, символизирующей, по сути, начало начал в цикле юридических наук. Подобного мнения придерживается, в частности, профессор В.В. Варчук, склонный считать социологию права все же отраслью социологии. Он полагает: «Что касается социологии права, то она, как часть общей социологии, получила от нее очень много. ... Многие понятия, которыми пользуется социология права («социальное принуждение», «социальный контроль», «коллективное сознание», «роль», «аккультурация» и др.), – это понятия общей социологии, которым придан правовой аспект» [15, с. 105]. В то же время, по мысли ученого, теория права (или «догматическая юриспруденция») заставляет правоведа «в силу своей профессиональной специфики находиться как бы внутри правовой системы», а «социолог же, наоборот, пребывает вне изучаемой системы... и, наблюдая ее, ни в коей мере не влияет на ее функционирование» [15, с. 106]. В принципе далее можно обозначить связь социологии и с другими областями знания, и даже, возможно, с естественными наукам. Однако, на наш взгляд, путь этот не является продуктивным и еще более способен запутать исследователя, поставившего своей целью изучить природу социологии права, выявить этапы ее развития. По-видимому, корень решения проблемы соотношения социологии права и других сфер познания лежит в особенностях концептуализации современной социологии и системы наук о праве в начале XXI в.

Особого внимания, как нам кажется, заслуживает вопрос и о включенности некоторых методологических позиций право-

вой науки в «цивилизационные проекты», характерные для гуманитарной научной области и представляющие собой не что иное, как новые ракурсы восприятия мира, человека, общества, государства. С точки зрения некоторых исследователей, такие «проекты» не всегда оперируют категориями нормы, социальной справедливости, правовой ответственности и др., но по-прежнему направлены на регулирование общественных противоречий. Ф.М. Раянов, например, считает, что, «будучи составной частью обществоведческой науки, юридическая наука... должна находиться в здоровой оппозиции по отношению к действующей государственной власти» [16, с. 48].

Понятно, что такое положение вещей не совсем соответствует статусу науки, а скорее характеризует определенный факт общественных отношений, но сквозь призму нормативного подхода очевидна мораль – юридическая наука более оперативно способна заполнить ниши в системе права и предложить тем же органам государственной власти действенные способы преодоления конкретных противоречий. Вместе с тем и гуманитарная сфера познания испытывает противоречия методологического плана и потому с трудом выстраивает свои «цивилизационные проекты» – «многомерная социальность как сложная динамическая форма не схватывалась имеющимися познавательными средствами. Концепции социального и коммуникативного действия исчерпали свои методологические ресурсы» [17, с. 27]. Как видим, в аналогичных условиях сложных и полных противоречий методологических исканий оказываются и современная юридическая наука, и область знаний о социальной реальности. И если для первой вектор поиска направлен в социокультурное пространство – в мир ценностей, идеалов, традиций, к национальной идее и т. д., а не исключительно к утверждению тех или иных норм права, то для второй – к таким «цивилизационным проектам», которые очеловечивают окружающую реальность, сохраняют элементы духовного в ней.

Социология сегодня, в отличие от юридической науки, вынуждена решать проблемы «вечных» спутников современного гуманитарного знания – категориальных систем культурного и социокультурного, границы которых в научном смысле зыбки

и не могут быть определены исключительно эмпирическими методиками. Тем не менее, именно прикладной социологии отводится некое не оправданное теоретиками первенство в интериоризации указанных концептов. В частности, усилившийся в последнее время крен в сторону операционализации мира, его многоликих составляющих и попытки за счет аппарата социологической науки выяснить процентные соотношения и показатели ресурсов окружающей реальности все чаще игнорируют онтологические характеристики действительности. По мысли М.Н. Руткевича, проблемы социального порядка (воспроизводство численности населения) способны в контексте частных социологических теорий и тесно связанных с ними эмпирических социологических исследований предоставлять «макросоциологии» «необходимый материал для принципиальных суждений о развитии мира в прошлом и настоящем» [18, с. 22]. Это положение стало своеобразным символом современной социологии, идущей по пути манифестации и императивности опытного начала; ситуация складывается таким образом, что к традиционному пониманию социологии как науки об обществе (в расширительном теоретическом толковании) постепенно добавляется специальное значение социологии как науки о социальном эксперименте, социальной экспертизе и прогнозе.

Вместе с тем, заметные подвижки происходят и в самой теории общества – «современное общество представляет собой социобиотехнический организм, систему» [19, с. 84]. Подобные интерпретации акцентируют внимание на современности, создавая часто картину особого положения общества рационального, развивающегося преимущественно в масштабе экономических приоритетов. Очевидно, что характеристики духовного общества категорически не подходят для современности: по законам социального развития они как будто утрачивают свой первоначальный смысл, уступая место более отвечающим времени особенностям.

Действительно, современное общество не просто социологично, оно в высокой степени технологично. Разумеется, это предопределяет специальные процедурные этапы в исследовании общественных отношений и связей. Все же технологичное общество обладает выраженным стремлением к преодолению культурного

традиционализма и, значит, движется в направлении десемантизации известных «культурных идиом» – это есть главная технология современного общества, «социобиотехнического организма». Для социологии в этом заключается большая сложность – в последнее время складывается такое впечатление, что теоретическая социология, не способная отказаться от критерия научной классичности, в вопросах трактовки духовности и ее социальных значений на голову опережает социологию экспериментальную, в большинстве своем ведущую подчеты духовных потерь. Здесь на первый взгляд нет никакой опасности – это лишь еще одна заметная сторона в развитии научного мышления и попытка представить мир не только в императивности ценностей и норм.

С точки зрения изменений, происходящих в социологической науке, безусловно, затрагивающих и юриспруденцию, судьба социологии права как будто более или менее становится понятной. Не остается сомнений в том, что социология права должна следовать тем методологическим «идеалам», к которым стремится в целом вся «большая» социология, а именно – социокультурным доминантам, а не исключительно технологическим, процессуальным приоритетам. В то же время социология права не должна каким-либо образом демонстрировать свое отчуждение по отношению к юридическому знанию, но такому знанию, которое не ограничивает себя жизнеописанием правовых норм и процедур их воздействия на человека и общество и, прежде всего, устанавливает планку социокультурного постижения окружающей реальности.

Литература

1. *Лапаева В.В.* Социология права как юридическая дисциплина? // Социологические исследования. 1999. № 7.
2. *Теребихин В.М.* Флуктуации суицидального поведения населения Республики Коми // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 48–54.
3. *Лысова А.В., Щитов Н.Г.* О внутрисемейном насилии // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 55–62.
4. *Гилинский Я.И.* Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 70–73.

5. *Грошева И.А.* Социальный контроль в практиках профилактики девиаций // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 97–101.

6. *Грошева И.А.* Модальная личность: портрет с отклонениями // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 82–88.

7. *Ушакова Е.С.* Суицидальные риски // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 106–110.

8. *Тадевосян Э.В.* К вопросу о социологии права // Социологические исследования. 1997. № 11.

9. *Тимашев Н.С.* Что такое социология права? // Социологические исследования. 2004. № 4.

10. *Pound R.* The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part I) // Harvard Law Review. 1911. Vol. 24. P. 591–619; *Pound R.* The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part II) // Harvard Law Review. 1912. Vol. 25. P. 140–168; *Pound R.* The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence (Part III) // Harvard Law Review. 1912. Vol. 25. P. 489–516.

11. *Лапаева В.В.* Социология права: история и современность // Социологические исследования. 2008. № 6.

12. *Саидов А.Х.* Социология права: каков ее научный статус? // Социологические исследования. 2006. № 7.

13. *Лапаева В.В.* Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. 1989. № 9. С. 27–35.

14. *Лапаева В.В.* Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. 1992. № 7. С. 15–27.

15. *Варчук В.В.* Социология права – отрасль социологии // Социологические исследования. 1996. № 10.

16. *Раянов Ф.М.* Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. 2006. № 8.

17. *Кемеров В.Е.* Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3.

18. *Руткевич М.Н.* Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России // Социологические исследования. № 7. 2005.

19. *Яницкий О.Н.* Россия как экосистема // Социологические исследования. 2005. № 7.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ФИЛОСОФИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Данная статья представляет собой выступление на торжествах, посвященных 190-летию юбилею выдающегося русского писателя Ф.М. Достоевского, организованных и проведенных в декабре 2011 года кафедрой истории и теории литературы КРСУ. Отсюда ее стиль, близкий к разговорной речи и четко выраженной авторской позиция. Впрочем, подобный стиль нередко свойственен самому жанру экзистенциализма как философского направления.

Начну с аксиоматического утверждения о теснейшей связи русской литературы и русской философии, поскольку русская литература была всегда насыщена глубокими философскими интуициями, а русская философская мысль всегда ощущала свою генетическую связь с литературой.

Я предлагаю вам самим подумать над этим удивительным парадоксом, или, по крайней мере, для себя решить вопрос о том, как литературе, т. е. художественному познанию, основанному на образном восприятии мира, удастся проникнуть в тайну бытия и небытия, причем без сложных системно-рациональных конструкций и понятийно-логического аппарата? Как единичное, отраженное литературным творчеством, может выразить не просто общее, а, подобно философии, универсально-всеобщее, причем настолько точно, что любой из нас способен вот уже на протяжении более, чем полутысячи лет ощутить нежную любовь Петрарки к Лауре, поиронизировать над сексуальными фантазиями Декамерона, Джованни Боккаччо, пережить трагедии У. Шекспира и под божественную музыку пушкинского стиха вновь испытать «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь»?

Я не буду давать вам готовые ответы – думайте сами. Но как бы вы не разрешили для себя этот парадокс, факт остается фактом: великие русские поэты и писатели – Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Маяковский, Лев Толстой и, конечно, Ф.М. Достоевский одновременно были гениальными мыслителями и величайшими русскими философами.

Конечно, Александр Сергеевич Пушкин немало бы удивился, если бы таковым его назвали при жизни, но это именно он дал потрясающую оценку (в стихотворной форме) апориям Зенона и всей философской школе элеатов. Это он, пророчески предсказывая свою собственную гибель на дуэли и вкладывая какие-то свои черты и мировоззренческие пристрастия в образ Ленского, скажет о нем: «Поклонник Канта и поэт». Через все творчество А.С. Пушкина прошла философия свободы, о чем я писал в своей статье, посвященной 200-летию юбилею великого поэта [1].

Ф.М. Достоевский – это другое. Можно, конечно, как Л. Шестов утверждать, что лейтмотивом его творчества была философия трагедии, но главное, вероятно, заключалось в том, что герои Достоевского не только чувствуют, переживают, но еще и думают, спорят, отстаивают свои взгляды, развивают глубокие мировоззренческие позиции. В какой степени они отражают взгляды самого Достоевского – трудно сказать, но несомненно, в каждом из них – частичка Достоевского, что-то от его противоречивого внутреннего мира и высокой духовности («утверждения или отрицания»). Именно поэтому, отмечая диалогичность произведений Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтин находит для них очень глубокое и точное определение – полифония [2, с. 189], а некоторые из философов (например, М. Маслин), подчеркивая глубокий философский смысл творчества Ф.М. Достоевского, справедливо утверждают, что он принадлежит столько же литературе, сколько и философии, и его творчество имело огромное, поистине мировое влияние, превосходившее по своему масштабу влияние философов-профессионалов из университетов и духовных академий [3, с. 261].

Но если все же необходимо дать какое-то определение философии Достоевского, то она экзистенциальна. Более того, мы с полным основанием можем утверждать, что именно Ф.М. Достоевский стоит у истоков философии экзистенциализма (т. е. философии существования), получившей в начале XX в. онтологическое и гносеологическое обоснование в трудах русских философов Н. Бердяева, Л. Шестова, Н. Лосского, а затем в 20-е гг. XX в. нашедшей отклик у западных философов К. Ясперса, М. Хайдеггера, писателей и философов Ж.П. Сартра, А. Камю, Г. Марселя, Х. Ортега-и-Гассета и многих других, став главным течением философии XX века со сложившейся системой категорий и проблем.

Мы не упомянули здесь имя датского философа Сёрена Кьеркегора (в других транскрипциях С. Киркегарда) (1813–1855), который, по мнению Н. Бердяева, «*первый* выразил идею экзистенциальной философии в борьбе против гегелевского универсализма, гегелевского "мирового духа", подавляющего индивидуальное...». «Философия Киркегарда, – пишет Н. Бердяев, – была криком боли от пережитой им жизненной трагедии», и в сноске указывает: «Такой же характер, *независимо* от Киркегарда, носит экзистенциальная философия Л., которая, в сущности, есть *самоотрицание* философии». И далее: «Экзистенциальными философами были Бл. Августин, Паскаль, отчасти Шопенгауэр и уже во вторую половину XIX в., конечно, Ницше и Достоевский, который тоже может быть *признан философом*» [4, с. 249–250].

Но почему «независимо от Киркегарда», что значит «самоотрицание философии» и почему Достоевский тоже может быть признан экзистенциальным философом? Конечно, Н. Бердяев прав с формально-исторической точки зрения, назвав Сёрена Кьеркегора первым выразителем идеи экзистенциальной философии. С. Кьеркегор был священником и философом. И бунт против Гегеля – это его «философский подвиг». С. Кьеркегор был практически ровесником Ф.М. Достоевского (Достоевский младше Кьеркегора на 8 лет), но жил Кьеркегор одиноко и замкнуто, а когда он, «заброшенный» и всеми забытый, умер, упав на улице *от истощения*, Достоевский все еще отбывал солдатскую службу в Семипалатинске. Конечно, Ф.М. Достоевский ничего не знал о С. Кьеркегоре. Однако в 60-е и 70-е годы XIX века Достоевский напишет свои гениальные романы и очерки, которые будут признаны духом философии «экзистенциального типа». Этой литературой будет зачитываться вся сословная и разночинная русская интеллигенция. На ней будет воспитываться подрастающее поколение, которое уже после смерти Достоевского переживет русский религиозно-философский ренессанс и создаст уникальную религиозную русскую философию, со своим специфическим подходом к решению «вечных проблем», особыми методами познания, иррациональную по сути и антропологическую по содержанию литературу в духе экзистенциального творчества Ф.М. Достоевского.

Именно эта философия определит в XX в. поворот западной философии к проблеме Человека. А что же Кьеркегор? Его философия по-прежнему будет забыта. Только в 1928 г. признанный классик экзистенциализма, великий русский философ Иегуда Лейб Шварцман, известный под своим псевдонимом как Лев Исаакович Шестов, находясь в эмиграции за границей, впервые услышит имя С. Кьеркегора и познакомится с его произведениями. Почти все основные книги Л. Шестова к этому времени будут уже написаны (в том числе «Достоевский и Ницше»). Но он откроет С. Кьеркегора и для себя, и для западного читателя, он напишет книгу под названием «Кьеркегард и экзистенциальная философия». Работа выйдет только в 1939 г., посмертно, а вместо предисловия к ней Л. Шестов создаст очерк «Кьеркегард и Достоевский», в котором он назовет (писателя) Достоевского «двойником» (философа) Кьеркегора.

Но мы как-то за этими подробностями забыли «самоотрицание» философии в экзистенциализме. А суть именно в нем. Сёрен Кьеркегор в свое время писал: философия превыше всего ставит что-либо всеобщее, абстрактное («материю», «абсолютную идею»), и стремится этому подчинить конкретного человека, в самом человеке видя лишь его сущность. Тем самым она отходит от живого индивида с его мыслями, его эмоциями, страхом и страданием. *Все это безнравственно.* Задача новой философии: «вчувствоваться» в человеческую жизнь, человеческие страдания. Философия должно понять процессы выбора индивидом своего «Я» и его выбора между добром и злом.

А Ф.М. Достоевский еще до страшных событий в его жизни в 1939 г. напишет знаменитые строки, которые станут эпитафией всей его философии: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [5, с. 63].

Разгадка «тайны Человека» в его неповторимости, в его индивидуальности.

Много позже Ж.-П. Сартр в своей статье «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946) весьма образно и просто объяснит смысл «тайны Человека». Человек при изготовлении какой-либо вещи

(например, ремесленник – ножа) предварительно мысленно создает ее модель. «Здесь сущность предшествует существованию». А вот человеческое дитя уже *существует*, но ему еще предстоит обрести человеческую сущность. Здесь существование предшествует сущности. Человек делает сам себя самого, обретает свою сущность, уже существуя.

Ф.М. Достоевский писал: «Нельзя стать человеком без сознательного самоусовершенствования, "выделки". Никто от природы не бывает способен к каждодневному подвигу "примирения". Для этого необходимо постепенное обновление, перерождение человека». «По-моему, – писал Ф.М. Достоевский, – одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и верою, и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители... Мало того: мыслители провозглашают общие законы (как тут не вспомнить Сёрена Кьеркегора: действительно, «Достоевский – его двойник» – *В.Т.*), т. е. такие правила, что все вдруг сделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные. Вот в этой неустанной дисциплине и непрерывной работе самому над собой и мог бы появиться наш гражданин» [6, с. 205–206].

Взгляд Ф.М. Достоевского на природу человека в основе своей пессимистичен. В глубинах души человеческой он больше обнажал «греховное» и «подлое», заставляя сомневаться в благородстве и искренности человека. Устами своих героев Ф.М. Достоевский откровенно заявлял: «и вовсе люди не так прекрасны, чтобы о них заботиться» («Подросток»); «чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть покажет лицо свое – пропала любовь» («Братья Карамазовы»). Достоевский исходил из разнопорядковости законов природы и законов человеческого существования видел в этом одну из главных причин трагических коллизий между внешними условиями, в которые поставлен человек и его внутренней сущностью, желаниями и страданиями.

В его представлении природный человек сам по себе, в своем материальном естестве является сосудом всевозможном пороков

и грехов. Человеческая природа, не обузданная верой, порождает безмерный эгоизм, ненасытную жажду к удовлетворению и умножению чувственных удовольствий. В самой свободе своей человек устремляется к собственной гибели – такова, кстати, основная идея «Легенды о Великом Инквизиторе», рассказанная Иваном Карамазовым.

Но Ф.М. Достоевский не отвергает человека «как данность». Он просто не верит, что его можно исправить с помощью внешних перемен или узко этических регламентаций. Однако человек антиномичен вдвойне. Много позже в «Русской идее» Н. Бердяев даст объяснение антиномичности души русского человека особенностями географического (Евразия) и исторического («прерывистость») развития. Но для нас сейчас это не важно. Мы просто про себя отметим тот факт, что Достоевский «заражал» своими идеями будущих представителей экзистенциальной философии.

Себя Достоевский называл реалистом, разумея при этом, что он не сочинитель, не фантазер, не романтик, а как скажет о нем Д.Н. Овсяннико-Куликовский: «мыслитель, не теряющий почвы под ногами, не вторгающийся в мир действительности с произвольными построениями».

«Меня зовут психологом, – напишет в своей «Записной книжке» (под заголовком «Я») Ф. Достоевский, – неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е., я изображаю все глубины души человеческой». И чуть выше там же: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта, по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен. Но мне важнее, чтобы человек сам искал и находил свое «Я», смысл своей жизни в самых трагических и «абсурдных» ситуациях» [6, с. 202].

Ф.М. Достоевский пройдет через все ужасы бытия и небытия. Он сам окажется на грани жизни и смерти, когда по приговору суда будет поставлен к стенке для «расстреливания». И он уже будет готов принять смерть, но в последние секунды смертная казнь будет заменена каторжными работами, разжалованием в солдаты и ссылкой. Попутно отметим, что Ф.М. Достоевский был офицер, имел профессиональное образование: он окончил Петербургское военно-инженерное училище. И вот теперь суровой каторгой и жестокой солдатчиной на 10 лет он будет буквально вычеркнут

из жизни. И за что? Он же был террористом. Он не собирался убивать государя-императора и даже не бранил его, как некоторые кружковцы «дерзостно именуя государя-императора сволочью». Он просто принес в кружок Петрашевского невесть как к нему попавшее письмо Белинского к Гоголю. И только за это он был приговорен к смертной казни. Но потом, уже после возвращения из ссылки, он переживет страшные 8 лет (в период с 1864 по 1872 гг.). В 1864 г. умрет от чахотки жена писателя – Мария Дмитриевна Исаева, затем брат Михаил, заботу о семье которого и оплату всех его долгов Достоевский возьмет на себя. Затем банкротство и закрытие журнала Достоевских «Эпоха», переживание тягостного романа с Аполинарией Суловой, роковое увлечение игрой в рулетку, разорившее писателя дотла. К этому нужно добавить обострившуюся мучительную болезнь – эпилепсию, необходимость скрываться от кредиторов за границей, заключение кабальных издательских договоров и работа, работа, работа до изнеможения для того, чтобы отдать долги. «Работа из-за нужды, из-за денег – напишет в своем Дневнике Достоевский, – задавила и съела меня».

Он испытает страдания и страх, безнадежность и осужденность, одиночество и несчастье, болезнь, заброшенность, постылость, стыд, безобразие, отчаяние, ужас и невозможность, а потом все это с гениальной прозорливостью и художественной выразительностью обнаружит и опишет в жизни своих героев. В философии эти слова получают название «экзистенции». С их помощью Л. Шестов будет описывать состояние *пограничной ситуации*, а затем вместе с понятием «пограничная ситуация» они станут основными категориями философии М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и будут означать «истинное, внутриличностное бытие человека, поток его переживаний не сводимый ни к каким внешним предметным объективированным формам» [7, с. 90].

«Это – истинное «Я», – скажет об экзистенциях Ж.-П. Сартр, – невыразимое в логике». Его важнейшая черта – временность и конечность. Человек всегда стоит перед лицом смерти и этого экзистенциального противостояния ему не избежать. Но в то же время, экзистенция как истинное бытие индивидуальности, ее неповторимости и уникальности тесно связана, как пока-

жет в своих работах К. Ясперс, с трансценденцией – т. е. выходом за собственные пределы. Для нерелигиозных экзистенциалистов как, например, для Ж.-П. Сартра и А. Камю, – это выход в *ничто*, а для религиозных, например того же К. Ясперса – путь к Богу.

Но и этот путь, сопряженный с поиском смысла жизни, был подсказан Ф.М. Достоевским. А проблема *смысла жизни* станет одной из главных проблем в экзистенциальной философии. Ф.М. Достоевский не говорил, как надо жить человеку, а показывал, почему он живет так, а не иначе. Он заставлял понять необходимость внутреннего обновления, перехода из состояния физиологического в нравственное. *Смысл жизни* состоит в одном – обретении человеком самого себя через веру в Бога и таким образом, – приобщение ко всему человечеству в целом. И если Ф.М. Достоевский считал, что русский человек более, чем какой-либо другой, способен к нравственному совершенству, то, прежде всего, он имел в виду широту и многосторонность его таланта, делающего русского близким и арабу, и немцу, и англичанину. Русский человек может легче и быстрее их стать «всечеловеком», раньше их «изречь слово примирения, указать исход «европейской тоске». Так проблема смысла жизни отдельного человека перерастала у Ф.М. Достоевского в проблему исторического призвания народа. Утверждалось новое видение истории, впервые открывающее перед русской философией перспективы национального развития. Но это уже другая тема – тема Русской идеи в творчестве Достоевского, глубоко проработанная им в Дневниках за 1877 г. (январь, Глава 2) и за 1880 (август) [8].

Нас же интересуют сейчас проблемы и категории, ставшие главными в философском дискурсе современного экзистенциализма, те, которые предвосхищал в своем литературном творчестве Ф.М. Достоевский. Таковой, в частности, является категория «Жизнь». Конечно, Ф.М. Достоевским двигала любовь к человеку, но любовь сострадательная Ф.М. Достоевский, как мы видели выше, не восхищался человеком, но восхищался жизнью, даром жизни. Его философия – это философия любви к жизни, из которой вырастала любовь к человеку. Жизнь для Ф.М. Достоевского – это высшее достояние, которое не понимается рассудочно или логически, но воспринимается как первичная и главная цен-

ность. Иван Карамазов говорит: «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...». И Алеша Карамазов подтверждает: «Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить» [3, с. 266].

На эту сторону философии Ф.М. Достоевского обратил внимание В.С. Соловьев в своих знаменитых «Трех речах в память Достоевского». Он говорил: «Достоевский с глубокой любовью и нежностью обращался к природе, понимал и любил землю и все земное, верил в чистоту, святость и красоту материи. В таком материализме нет ничего ложного и греховного» [9, с. 314].

Но почему «нет ничего ложного и греховного»? А потому, что это мир посюсторонний, мир, в котором живет и страдает человек. Это – мир его свободы и ответственности, вины и страха, смерти и любви. Это – мир «ближнего». Именно здесь раскрывается личность человека. А каждая личность, как считал Ф.М. Достоевский, ценна сама по себе, как микрокосм, уникальна и неповторима. В этом, как мы видели выше, главная идея экзистенциализма. В философии Ф.М. Достоевского она выражает, как считал В.В. Зеньковский, его «антропологический антитомизм» [10, с. 230], т. е. признание противоречивых качеств в самом существе человека, сложным переплетением добра и зла в его натуре, наличием иррационализма и непознаваемого начала во многих человеческих действиях, таких как капризы, своеволие, свободное хотение и т. д.

М.А. Маслин, говоря о нравственной философии Ф.М. Достоевского, отмечает, что познание нравственной сути человека – задача чрезвычайно сложная и многообразная. Сложность ее, по словам Ф.М. Достоевского, заключается в том, что человек обладает свободой и волен сам делать выбор между добром и злом. Причем свобода крайне противоречива. Она сопрягается с «бесчинством свободного ума» и может «завести в такие дебри», из которых нет выхода. А парадокс свободы заключается в том, что, если человек откажется от свободы, он перестанет быть духовно свободным.

Ф.М. Достоевский уверен, что «парадоксы» свободы можно преодолеть, но не через «бегство от свободы», как будет считать

Э. Фромм, и не через изменение внешних обстоятельств (в чем была уверена вся русская революционная демократия и социализм), а через христианское миропонимание [11], которое делает человека одновременно и свободным, и ответственным за свои действия. Он писал: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, которое только можно вообразить» [12, с. 267–268].

Оглядываясь в прошлое и размышляя сегодня о так называемом социализме, который пережила наша страна, мы воспринимаем теперь эти слова как пророческие. Но это уже другая тема – тема социализма в творчестве Ф.М. Достоевского, которая выходит за рамки обозначенной нами темы выступления. Конечно, и экзистенциальные проблемы, поднятые Ф.М. Достоевским, еще затронуты не все. Мы, например, только упомянули Легенду о Великом Инквизиторе – чисто философском произведении, хотя и оформленном Ф.М. Достоевским как вставка в роман «Братья Карамазовы», где скрещиваются соблазны «сверхчеловеческой свободы» и «коллективистического всерабства». Этой легенде посвящена специальная работа одного из выдающихся русских философов В.В. Розанова. Мы ограничились рамками экзистенциальной философии, и поэтому почти не коснулись религиозных исканий Ф.М. Достоевского, которые являются, вероятно, главными для понимания его философии. Этим проблемам были посвящены «Три речи в память Достоевского», произнесенные В.С. Соловьевым в 1881 году, работа Н.О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание», «Очерк о Достоевском. Через четверть века» (1881–1906) выдающегося русского религиозного философа и богослова С.Н. Булгакова [13].

Но в эти юбилейные дни мне хотелось лишь подчеркнуть приоритет Ф.М. Достоевского в создании одного из главных направлений западной философии XX века и сказать о той роли, которую он сыграл в истории не только русской философии, но и всей мировой философии. В этом ракурсе философия Ф.М. Достоевского еще не рассматривалась.

Литература

1. *Тутлис В.П.* Философия свободы в творчестве А.С. Пушкина // *Гений русской словесности: Межд. науч.-практ. конф., посвященная 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.* Бишкек, 2000.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
3. История русской философии: учебник для вузов / под ред. М.А. Маслина. М., 2001.
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 1994.
5. *Достоевский Ф.М.* Письмо к брату Михаилу от 16 августа 1839 г. // ПСС: в 30 т. Т. 28, кн. 1. Л., 1972–1990.
6. *Замалеев А.Р.* Курс истории русской философии. М., 1996.
7. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д, 1996.
8. Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев. М., 2002.
9. *Соловьев В.М.* Три речи в память Достоевского // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990.
10. *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Т. 1, кн. 2. Л., 1991.
11. *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание // Бог и мировое зло. М., 1994.
12. История русской философии: учеб. для вузов / ред. колл. М.А. Маслин и др. М., 1999.
13. *Булгаков С.Н.* Очерк о Достоевском. Через четверть века (1881–1906) // Тихие думы. М., 1996; *Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание // Бог и мировое зло / сост. А.П. Полянов и др. М., 1994; Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д, 1996.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЦЕННОСТНЫЕ МИРЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ Ч. АЙТМАТОВА

Изучение духовной культуры народа необходимо строить в рамках исторического, этнического, социального и мировоззренческого анализов. Ярким тому подтверждением являются исторические доказательства, а иллюстрацией могут служить национальные литературные произведения, отражающие облик изучаемой этнической группы, проявляемый через поведение, воспитание, психологию и ряд других факторов. Иначе говоря, духовная культура в своей эволюции основывается на мифоритуальных объектах этноистории, обусловленности взаимосвязи этнических и общечеловеческих ценностей, восприимчивости к традиции, религии, что находит свое отражение в современной истории и литературе с помощью нарратива.

Исторически формирование культуры тесно связано со становлением кыргызской общности, где пространственно-временные установки синкретично накладывались на этническое мировоззрение кочевника, что позволяло воспринимать мир в постоянной динамике и, в конечном итоге, определяло этническое сознание. В частности, в современных произведениях Ч. Айтматова взаимодействие старого и нового представляется как средство оперирования образами, имеющими аналоги в современном мире. С этой точки зрения национальная духовная культура исследуется как этносубъективный элемент в межэтническом пространстве. «Уже в ранних своих произведениях Айтматов заявил себя великолепным нарратором; он открыл новый духовный мир, показав все поступки, устремления человека во внутреннем имманентном движении» [1, с. 152].

В кочевой традиции нашло отражение особое восприятие окружающего пространства, а эпическое наследие народа достаточно точно демонстрирует проверенные временем ассоциации. Историческая память как материал литературных произведений, вне всякого сомнения, базируется на мифоритуальных традициях кыргызов, отражая эволюцию этнической духовной культуры.

При этом, исторически формируясь и развиваясь, этническая группа с помощью культурных символов и языка обозначает окружающее пространство, исходя из собственной системы ценностей, которая впоследствии интегрируется в мировую культуру. И поскольку духовный мир этноса исторически зависит от окружающей его природы, которая влияет на жизнедеятельность, социальное устройство, быт и повседневную жизнь, эту взаимосвязь невозможно объяснить без тщательного анализа факторов внешнего воздействия. В данном случае творчество Ч. Айтматова как факт кыргызской литературы выступает в качестве своеобразной модели, отражающей исторические принципы существования и развития этноса.

В то же время историческая закономерность заключается в том, что в духовной культуре кыргызов заложены элементы адаптации к окружающей среде. Очевидно, что в прошлом веке духовная культура кыргызов претерпела значительные изменения, связанные с переходом к оседлому образу жизни, обусловившему частичную утрату этой адаптации, что также иллюстрируется произведениями Ч. Айтматова. Сегодня, когда наблюдается возврат к самобытным культурным ценностям на разных уровнях общественной жизни республики, налицо процесс нивелирования самобытности под современные условия бытия.

Исследуя этноисторические, историко-культурные аспекты развития того или иного народа, следует отметить, что каждый этнос в той или иной степени вносит определенный вклад в развитие мировой культуры. Если рассматривать динамику культуры в историческом процессе, необходимо отметить деятельность выдающихся писателей, чье творчество остается вне времени и пространства. Зачастую не указывается этническая принадлежность авторов, так как их произведения затрагивают основы человеческого бытия, воспринимаемые на эмоционально-психологическом уровне представителями разных этнических групп одинаково. «Айтматову присуща двойная природа художественной модели – отображая отдельное событие, он одновременно отображает и всю картину мира; рассказывая о трагической судьбе героя, – повествует о трагичности мира в целом» [1, с. 153].

Есть другой уровень, можно сказать, этнических писателей, которые в своем творчестве отражают традиционную жизнь этноса.

Между двумя этими уровнями находится творчество Ч. Айтматова. Обоснование этому аргументу видится в следующем:

- для айтматовских произведений характерно философское переосмысление бытия человека;
- переплетено этноисторическое, социально-политический реализм с фольклорными традициями народа;
- рассмотрена этноэкология, заключающая в себе психологическую, социальную, культурную, политическую адаптацию к внешним условиям; уникальная самобытность духовной и материальной культуры кыргызов;
- новаторство и мастерство в создании психологического образа личности, различного социального происхождения.

Феномен Ч. Айтматова как личности и писателя заключается в том, что «он определил новый виток в саморазвертывании духовных ценностей кыргызской нации: без приобщения к исконно народным истокам. <...> Без переосмысления своей сопричастности к духу народа, его культуре, без слияния с историей нации, феномен Айтматова не проявился бы с такой силой, выразив в своем творчестве боли и достояния внутреннего кыргызского мироощущения, <...> понятую и воспринятую в мире...» [2, с. 154].

В любом упорядочении ценностных ориентиров очень велика доля субъективного, исторического и социально-ситуативного. И все же данное обстоятельство не может являться препятствием для вполне адекватного системного описания ценностных миров различных этносов в периоды войн, различного рода кризисов и катаклизмов. При этом этногрупповая субъективность, которая, так или иначе, проявляется в упорядочении ценностных элементов, как раз окажется кстати. Ведь различные исторические, культурологические, социологические методы позволяют довольно точно выявить ценностные приоритеты различных этносов как на уровне «блоков» (какие группы ценностей являются приоритетными для данного этноса), так и на уровне отдельных ценностных элементов в различное время жизнедеятельности этноса. И время народной трагедии это исторически иллюстрирует.

История свидетельствует о том, что руководство республики к лету 1941 года начало перестройку промышленности, транспорта,

сельского хозяйства применительно к условиям военного времени. Многие промышленные предприятия республики были переведены на производство оборонной продукции. В республику было эвакуировано более 30 крупных заводов и фабрик, около 140 тысяч человек, 3438 воспитанников детдомов из оккупированных и прифронтовых районов страны. В период войны общий уровень валовой продукции всей промышленности республики по сравнению с предвоенным временем увеличился на 22,2 %. На самые трудные работы в хозяйстве колхозов и совхозов становились старики, подростки и женщины (например, к 10 июня 1941 года было подготовлено 2787 женщин трактористов, к зиме 1941 года квалификацию водителей автомашин приобрели 3809 женщин) [3, с. 112].

В истории национальной литературы 40-е годы XX века считаются особым периодом, так как перед всей советской, в том числе кыргызской литературой встала задача пробуждения военно-патриотических и героических чувств народа. Сделавшие весомый вклад в формирование кыргызской литературы М. Элебаев, Ж. Турусбеков, К. Эсенкожоев, Ж. Ашуубаев погибли на войне. Тематика литературы военных лет получила отражение в поэтических сборниках Ж. Боконбаева «Взлет беркута» (1941 г.), М. Элебаева «Приветственное письмо» (1941 г.), А. Токombaева «Вперед» (1942 г.), «Благословение» (1944 г.), К. Маликова «Кровь за кровь» (1942 г.), «Друзья из Ала-Тоо» (1945 г.).

В этот же период в поэзии появились новые песенные жанры – песня-прощание, песня-клятва и др. В литературе широкое применение получили художественные средства и стиливые приемы народной устной поэзии, образы-символы.

В таких произведениях как «Джамиля», «Прощай Гульсары!», «Ранние журавли», «Лицом к лицу», где события разворачиваются в период Великой отечественной войны, Ч.Т. Айтматов показывает, с одной стороны, оптимизм, с другой – драматизм жизни тружеников тыла.

Писатель, рассматривая тот или иной исторический отрезок времени, использует соответствующие идеологии того времени нарративные приемы. Проанализируем произведение «Лицом к лицу», где, помимо освещения отечественной войны, автор ставит гендерную проблему. Сюжетная линия произведений такова, что на одном полюсе Ч. Айтматов ставит сам факт войны, а на

другом – отношение человека к этой войне, человек на фоне войны, жизнедеятельность в тылу, основанная на принципах права, морали и этнических традиций.

В повести Ч. Айтматова «Лицом к лицу» на фоне сельских будней показан небольшой эпизод из жизни Сейде и её мужа-дезертира Исмаила. Он говорит: «Каждому своя жизнь дорога, а в эту войну только тот и уцелеет, кто сам позаботится о своей голове. Будь что будет, но под пулю не пойду» [4, с. 179]. Исмаил считает, что у него нет никакой нужды идти на фронт, там и без него обойдутся, а от его присутствия всё равно ничего не изменится. Такова гражданская позиция Исмаила. В Исмаиле, с одной стороны, воплощён образ приспособленца, труса, осуждаемый советской идеологией, который думает только о собственном благе, а с другой – показан человек, лишенный этнической памяти. Здесь можно провести параллели с другим образом в творчестве Ч. Айтматова – манкуртом.

Чингизом Айтматовым показана эволюция отрицательного героя. Лишившись исторических, культурных корней своего народа, Исмаил деградирует как личность, воспринимая свою безнравственность через призму самосохранения, не осознавая, что как индивид он стал бесполезным для своего народа. Окончательно муж Сейде опускается, посягая на самое святое для всех людей в айле, воруя корову со двора сиротской семьи Байдалы, который, в отличие от Исмаила, погибает, чтобы спасти жизни других.

Таким образом, герои Ч.Т. Айтматова через человеческие взаимоотношения иллюстрируют исторические изменения мировоззрения кыргызского этноса в эпоху общенациональной трагедии во время Великой Отечественной Войны вместе со всем советским народом. Эволюционируя от кочевника, сосуществующего с окружающим пространством, до человека, преобразующего материальный и духовный мир, воплощающего желания общества через непрерывную связь с мифопоэтическим наследием кыргызского народа, во благо большой многонациональной страны.

При рассмотрении нарратива в духовной культуре в историческом аспекте, мы должны определиться с пространственно – временными характеристиками этнических образов – маркеров, составляющих основу мировоззрения этногруппы. Первоначально события, которые впоследствии войдут в литературные фор-

мы, должно оцениваться двумя временными категориями: первая категория – «здесь и сейчас». При выводе характеристики героев в этих временных рамках сторонний наблюдатель видит только конфликт, в котором нет четкого разграничения на положительный и отрицательный образ. При этом каждый из героев уверен в своей правоте и, исходя из своего мировоззрения, логически обосновывает свою точку зрения.

Вторая временная категория – «прошлое». В этой временной характеристике герои уже приобретают положительные и отрицательные черты. Причем, чтобы усилить эти антагонистические характеристики, в духовной культуре эти черты мотивируются и обосновываются прошлым существованием героев. Мотивация может также касаться и ближайших родственников героев и их предков. Следовательно, мы можем сделать краткие выводы. Литературное наследие этногруппы, во-первых, в основном выстраивается на антагонизме «своего» и «чужого»; во-вторых, «свое» и «чужое» определяется только с течением времени; в-третьих, зачастую «свое» – это прямое следование традиции, то есть следование заветам архаических образов, а «чужое» – это попытки разрушить эти заветы; и наконец, этническая нарративность заключается в простой формуле – победитель всегда прав, и он же является основным демиургом дальнейшего движения духовных концепций этноса.

Как мы полагаем, когда происходит столкновение по первой временной категории, обе стороны усиливают воздействие на окружение, обращаясь к заветам предков. Причем, проигравшая сторона – антигерой, впоследствии будет выставлен как нарушивший табу, разрушитель «центральной культурной» зоны (ЦКЗ) [5, с. 183–192]. Но все это будет во второй временной категории. При этом необходимо отметить, что, ставя во главу угла анализ изменений духовной культуры кыргызов по произведениям Ч. Айтматова, мы исследуем не только внутриэтнические конфликты, но и их влияние на духовную составляющую межэтнического пространства. Так как любая мифологизация выстраивается на столкновении «своего» и «чужого», где «чужое» зачастую выступает в роли инноваций, навязываемой другими этносами.

В связи с этим, хотелось бы остановиться на гипотетической градации «чужого» во внутри этническом сознании:

а) «чужой», но понятный – обычно это соседи и социальные категории, задействованные в межэтнической коммуникации (купцы, религиозные деятели, ремесленники и т. п.);

б) «чужой», но близкий – обычно в эту категорию входят этнические маргинальные элементы, отвергнутые этносообществом, но обратно введенные в него после определенных условий инициации (это может быть все что угодно – от выполнения ряда обрядов до смерти). К этой же группе можно отнести соседние этнические группы, схожие по обычаям, ритуалам и объектом социальной занятости (например, коллеги по работе);

в) «чужой» и далекий – в эту категорию внутриэтнического сознания попадают гости, представители иной культуры, практически не соответствующей внутриэтническим культурным ценностям;

г) «чужой» и враждебный, характеристика практически такая же, как и у предыдущей группы, но в отличие от нее здесь идет прямое навязывание материальных и духовных ценностей этногруппе. Вариативность отношений к данным категориям у этноса может быть различной, но, тем не менее, все определяется теми духовными ценностями, которые возникли в начале этногенеза.

Вводя в этнический нарратив не только пространственные категории, но и временные характеристики, мы тем самым создаем этноисторический нарратив. Когда внутриэтнический конфликт отражается в межэтническом пространстве, срабатывает основной исторический закон причинно-следственной связи. Другими словами, в сознании этногруппы положительный герой со временем определяет дальнейший путь развития, и в какой-то степени является демиургом следующего героя.

Литература

1. *Рахманалиев Р.* Гений места: Эссе // Реквием улетающей стаи: Статьи и эссе (1998–2003 гг.) / сост. Л. Балиет. М., 2003.

2. *Урманбетова Ж.К.* Культура кыргызов в проекции философии истории. Бишкек, 1997.

3. *Каниметов А., Шерстюк И.Н.* История Киргизской ССР. Фрунзе, 1974.

4. *Айтматов Ч.* Лицом к лицу // Повести и рассказы. Фрунзе, 1985.

РАЗДЕЛ 2

А.Т. Алиева

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Одним из актуальных явлений человеческого общества всех времен является образ власти. В данной статье будет рассмотрен феномен политического образа власти в массовом сознании граждан Кыргызской Республики. Известно, что сознание граждан любого современного общества базируется на обобщенно-абстрактном уровне, на которое, в свою очередь, оказывают влияние стереотипы, коллективные образы, архетипы и национальная персонификация власти. Все эти факторы напрямую влияют на обобщенное представление, социальное поведение, а также на массовую политическую активность граждан. Поэтому важно осуществить всесторонний анализ предметности образа власти в массовом сознании граждан кыргызского общества.

В ходе данного анализа, необходимо учитывать две противоречивые тенденции, предложенные специалистами. С одной стороны, нечеткость политической структуры, неразвитость политической культуры и слабая информированность граждан предопределяет высокую значимость мифологических образов при формировании политического сознания и электоральных предпочтений граждан переходного общества. С другой стороны, в этом обществе социальные институты находятся в ослабленном, анемическом состоянии, что ослабляет традиционный процесс официального мифотворчества в системах образования и пропаганды [1].

Также будут предоставлены итоги опроса у граждан Кыргызской республики, а именно, проведен анализ формирования восприятия образа власти, образа политика и образ государства в массовом сознании населения Бишкека.

В обыденном сознании населения, как и в большинстве философских учениях, образ власти ассоциируется с уже существующим политическим режимом и с персонификацией правителя.

При изучении феномена восприятия образа власти нельзя обойтись без анализа восприятия политических лидеров, которые эту власть олицетворяют. Таким образом Е.В. Егорова-Гантман выделяет три составляющие характеристики:

1. Персональные характеристики включают в себя физические особенности – внешность пол, возраст, психологические особенности (характер, личностные черты), чисто политические профессиональные и деловые качества (политические ориентации, организаторские способности, лидерский потенциал) и речь [2, с. 118–135].

2. К социальным характеристикам образа лидера относятся статус, принадлежность к определенной социальной группе, материальное положение, происхождение и биография, характер взаимодействия с различными социальными группами, сторонниками и оппонентами [2, с. 118–135].

3. Символические характеристики, которыми нагружен образ политика, также являются его неотъемлемым компонентом. Это наиболее устойчивые и неизменные компоненты, связанные с социокультурными архетипами и прототипами политических лидеров [3, с. 448]. Символические характеристики имиджа политика значительно усиливаются в переломные моменты истории. В подобное время «лидер персонифицирует сферу страхов и надежд», но в мирное время символическая нагрузка имиджа лидера становится менее всеобъемлющей и носит не такой драматический характер [3, с. 448].

Важными аспектами, влияющими на формирование образа власти в массовом сознании народа, стали революции, произошедшие за последние десятилетия на территории Кыргызской республики. Это вспыхнувшая в марте 2005 г. «Тюльпановая революция», начавшаяся в апреле 2010 г. «Апрельская революция», а также противостояние между политическими партиями в октябре 2020 года, которое привело к народному недовольству, отнимающие все политические, военные и экономические усилия страны, требующие общенационального сплочения и изменение существующего политического строя.

Также, рассматривая проблему восприятия власти в Кыргызской республике с исторической точки зрения, необходимо под-

черкнуть, что в период Советского Союза, значительное влияние на данный процесс оказала тоталитарная система правления. Последняя не предполагала конкурентной борьбы за власть и голоса граждан, а предусматривала иной тип поведения политической элиты, что непосредственно оставило отпечаток на образ политика и власти в целом. Современная ситуация политической среды Кыргызской республики сгенерировала иную структуру политических отношений, подразумевающую жестокую конкурентную борьбу, которая приводит к резкому обострению положения в стране и необходимости действий со стороны народа.

Еще одним важным фактором специфики образа кыргызской власти является взаимоотношение между народом и ветвями власти. В частности, согласно Конституции Кыргызской Республики, Кыргызстан является суверенным, демократическим, правовым, социальным государством [5, ст. 1], в котором существует верховенство закона, предусматривается так же разделение полномочий между различными ветвями власти [5, ст. 3]. Однако, даже после согласования законодательства Республики Кыргызстан с конституционными нормами, наибольшее влияние на политическую и социальную жизнь страны продолжало оказывать правительство и институт президентства.

Указанные выше факторы оказали значительное влияние не только на общественно-политическую и экономическую жизнь страны, но и на процесс формирования и восприятие образа политической власти, политического лидера и государства в целом.

Результаты проведенного опроса показали, что в массовом восприятии сограждан, политическая власть не имеет четкого образа, а носит более абстрактный, размытый и неопределенный характер. Также в ходе работы было выявлено, недоверие населения к политической элите и затрудненность взаимодействий общества с органами исполнительной власти. Анализ исследования установил, что у большинства респондентов отношение к власти носит более эмоциональный, чем рациональный характер. Образ власти в массовом сознании сограждан нельзя назвать до конца сформированным или устойчивым, что побуждает говорить о парадоксальности массового сознания как такого и сознании граждан Кыргызской Республики в частности.

Литература

1. Зуева Т.М. Образы политической власти в массовом сознании россиян. URL: <https://www.dissercat.com/content/obrazy-politicheskoi-vlasti-v-massovom-soznanii-rossiyan>.
2. Имидж лидера / под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1994.
3. Шестопап Е.Б. Политическая психология: учебник для студентов вузов. М., 2007.
4. Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопап. М., 2009.
5. Конституция Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru>.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА КЫРГЫЗСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Составным компонентом политической системы общества являются политические партии. Сегодня, партийная система в Кыргызстане является гарантом демократического устройства, возможности свободного волеизъявления граждан. Современный Кыргызстан переживает период перехода к демократии, к верховенству права, ответственному государственному управлению, к развитой и эффективной партийной системе, рыночной экономике, защите прав личности и т. д. Реализовать эти демократические ценности можно посредством участия граждан, политических партий в выборных кампаниях на должность главы государства, в законодательные и представительные органы власти, органы местного самоуправления, участвуя в деятельности политических партий и различных секторов гражданского общества, выражая и отстаивая свою гражданскую позицию. Поэтому на сегодняшний день политические партии должны стать одним из важных элементов развития кыргызской политической системы и конституционного строя.

Реализация идеи демократии на практике зачастую натывается на различные преграды. При этом одним из важнейших инструментов решения этих задач являются партии, которые призваны провозглашать и реализовывать политические нормы, идеи и программы, моделирующие развитие Кыргызстана. Поэтому исследование проблем и недостатков партийного строительства и путей ее решения в современном Кыргызстане представляется весьма важным. В преддверии парламентских выборов VII созыва, которые состоятся 4 октября 2020 года, данная тема приобретает большую актуальность.

В современной мировой политической науке существует огромное количество определений понятия «политическая партия». Общепринятым в политической науке считается, что партия – это определенная организованная группа людей, выражающая интересы общественного класса или его слоя, целью которо-

го является завоевание политической власти. Что касается определения партийной системы, то классик политической социологии, французский исследователь партий и партийных систем М. Дюверже определяет партийную систему следующим образом: «В каждой стране в течение более или менее длительного периода число партий, их внутренняя структура, их идеология, их относительные размеры, их альянсы, их типы оппозиции приобретают определенную стабильность. Этот стабильный ансамбль и образует систему партий» [1, с. 112]. Таким образом, партийная система – это совокупность существующих в рамках политической системы партий, которые взаимодействуют между собой, а также с государством и обществом.

Статус и деятельность политической партии в нашей стране закреплён Законом Кыргызской Республики о политических партиях от 12 июня 1999 года. В нем дается следующее определение политической партии: «Под политической партией подразумевается добровольное объединение граждан Кыргызской Республики, которые имеют общие политические цели и задачи, способствующие осуществлению политической воли определенной части населения, и принимают участие через своих представителей в управлении делами государства» [2]. А также в соответствии с принятой Конституцией Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года с изменениями от 28 декабря 2016 года № 218 Статья 4. П. 1. гласит: «В Кыргызской Республике признается политическое многообразие и многопартийность» [3].

Аналитик Нурсултан Акылбек в своей статье «Кыргызстан: Партийное строительство», говоря о партийном строительстве в Кыргызстане, отмечает слабое функционирование многопартийной системы, где существует слишком много партий, но нет партийной конкуренции. Для наших партий свойственен вождистский, феодальный характер формирования и функционирования партий. Например, отсутствие лидеров политических партий СДПК, «Республика» ставит под сомнение существование самой партии и что эти партии без своих лидеров-основателей дальше смогут быть конкурентоспособны. Партии создаются сверху, а не снизу, как естественное продолжение политической

активности социальных групп для продвижения и защиты своих интересов. Он пишет о слабой связи между политическими партиями и гражданским обществом, когда электорат не ассоциирует себя с какой-либо партией, и из-за этого в Кыргызстане в настоящее время жизнеспособны идеологические и клановые (региональные) партии.

Он предлагает на законодательном уровне двигаться в сторону двухпартийной системы, так как последняя считается самой стабильной. Постоянная работа политических партий с электоратом позволит развивать их партийную идентичность. По мнению Нурсултан Акылбека, переход к двухпартийной системе создаст условия для их решения проблем партийного строительства. Для достижения зрелой и эффективной партийной системы потребуется много времени. Необходимо повышение политической культуры не только у электората, но и политической элиты [8].

По мнению другого отечественного аналитика Ж.А. Шабданова, институт политических партий по-прежнему находится в стадии своего начального развития, прогрессируя лишь только в количественном отношении [13, с. 160]. С этим нельзя не согласиться, ведь, по данным Министерства юстиции, в Кыргызстане по состоянию на февраль 2018 года официально зарегистрированы 229 политических партий [11].

Специалист отмечает недостатки партийного строительства, аргументируя тем, что слабой власти выгодно иметь слабые партии, и видит необходимость во внесении кардинальных правовых изменений и дополнений в существующий закон о партиях. Он упоминает об идеологической направленности партий, говоря, что уровень развития кыргызской многопартийности в идеологическом и организационном планах далек от уровня международных демократических стандартов, о неумении многих политических партий и движений сформулировать собственную идеологическую программу.

Анализируя выборы депутатов в Жогоку Кенеш КР, Ж.А. Шабданов пришел к выводу, что названия многих политических партий не дают ориентира их политической направленности: «...как и ранее, выборы характеризовались не борьбой партий, а борьбой лидеров, причем с учетом их предыдущего вклада, а не партийной принадлежности» [13, с. 164].

Другой исследователь Б.М. Кыдыралиев выделяет следующие факторы, которые тормозят процесс партогенеза: сильное влияние клановых и региональных группировок; формирование партий вокруг отдельных личностей (вождистские); слабая поддержка политических партий, выдвигаемых ими лозунгов и программ в обществе; малочисленность и узкая социальная база партий; доминирование пропрезидентских партий; низкий уровень политической культуры населения и др. Он отмечает, что «...партийная система Кыргызстана слаба, неэффективна и находится в крайне фрагментированном состоянии» [7, с. 108].

Как и другие авторы, Б.М. Кыдыралиев указывает о необходимости политическим партиям уделить большое внимание разработке социально-ориентированной концепции, конкретных принципов политической борьбы и ясных конечных целей деятельности партий, отражаемых в их уставах и программах. По его мнению, лидеры политических партий должны всемерно работать над формированием имиджа партии. Также он отмечает о необходимости активизировать деятельность по совершенствованию правовой базы института партийной системы. Например, в законе «О политических партиях» предлагает ужесточить процедуру регистрации политических партий, а лидерам политических партий и руководителям структурных подразделений гражданского общества (НПО, политические клубы, молодежные организации и др.) – тесно сотрудничать между собой с целью совершенствования института политических партий, системы выборов, в частности, и для углубления демократии в стране, вообще [2, с. 110].

По мнению политолога Сейит Али Авджу, число партий в партийной системе определяет уровень ее фрагментации: чем больше партий в системе, тем сильнее та фрагментирована. То есть, фрагментация наблюдается в том случае, когда в системе больше двух партий и ни одна из них не получает большинства мест в законодательном органе, так что партии вынуждены вступать в коалицию между собой. Он считает, что фрагментация и поляризация – два измерения, которые определяют тип партийной системы. Под поляризацией понимается идеологическая дистанция между партиями. Политологи выделяют четыре типа партийных систем:

- первая – группа с низким уровнем фрагментации и низким уровнем поляризации;
- вторая группа – системы с высоким уровнем фрагментации и высоким уровнем поляризации – такой тип систем называют поляризованным плюрализмом;
- третья группа – системы с высоким уровнем фрагментации и низким уровнем поляризации – этот тип называют сегментированным плюрализмом;
- четвертая группа – системы с низким уровнем фрагментации и высоким уровнем поляризации.

Согласно данной концепции, Сейит Али классифицирует партийную систему Кыргызстана как систему с высоким уровнем фрагментации или сегментированный плюрализм. Он полагает, что при наличии пяти и более партий трудно добиться консенсуса. Отсюда можно заключить, что наличие фрагментации партийной системы в какой-то стране может служить показателем или признаком демократического режима или, по крайней мере, усилий по демократизации страны [10, с. 91].

Эксперт в области общественной безопасности ОФ «Эгали-те» И. Каменко, давая интервью новостному сайту StanRadar, отметил, что «партия – элита общества, определенного социального слоя людей, которая пытается отстаивать свои интересы на высшем политическом уровне благодаря вхождению во власть и политику» [5]. Он считает, что существующие партии создаются вокруг определенных политических лидеров, а партийная система атомизирована. Эксперт добавляет, что все партии характеризуются отсутствием идеологической направленности, общереспубликанские и всенародные, представляющие весь Кыргызстан: «...нельзя сказать, что в Кыргызстане есть левые, правые, центристские партии. Они у нас все левоцентристские на уровне социал-демократии, исповедуют социальные лозунги бывшей КПСС плюс кое-какие общечеловеческие, демократические ценности» [5]. Негативно отзывается он и о политических программах партий, поскольку они ничем не отличаются друг от друга. Исследователь говорит, что партии на сегодняшний день превратились во что-то вроде лифта для продвижения отдельных лично-

стей и интересов, а также то, что большинство партий скрывают свои истинные источники финансирования.

Для укрепления партийного института в Кыргызстане эксперт предлагает усилить кадровый потенциал, внедрить проведение мастер-классов по основам партийного строительства для партийных функционеров. В заключение, он полагает, что необходимо развивать уровень сознания как партийных функционеров-депутатов, так и общества [5].

Центрально-азиатский портал Са-portal в своем аналитическом портале выделил несколько проблем, почему партийная система в нашей стране развивается столь медленно. В нем отмечается, что, во-первых, это связано с политической психологией, так как на данный момент большинство живущих в Кыргызстане – бывшие советские люди, имеющие представление о партиях только в виде КПСС: «Люди представляли себе КПСС как некоего вечного, жесткого руководителя и кормильца» [8]. Это очень сильно повлияло вообще на восприятие политических партий как в Кыргызстане, так и в других постсоветских странах. Вторая проблема заключается в том, что у партийных функционеров, общественных лидеров абсолютно отсутствует опыт в построении политических партий как таковых. И поэтому партии в Кыргызстане созданы с элементами традиционализма, в виде политических объединений. Вследствие этих причин политические партии и являются не столько политическими партиями, сколько политическими клубами [8].

Научный сотрудник НИСИ КР Б. Иманалиева при проведении полевого исследования (опрос и интервью экспертов) выявила следующие противоречия и недостатки процесса партийного строительства в КР:

- многие региональные лидеры политических партий не знают точного количества членов партий;
- не все партии ввели среди своих членов партийные билеты;
- несколько региональных лидеров отметили факт того, что член какой-либо партии может состоять в нескольких партиях. Поднимался вопрос проведения ревизий среди членов партий;

- несколько региональных лидеров отметили факт того, что член какой-либо партии может состоять в нескольких партиях. Поднимался вопрос проведения ревизий среди членов партий;
- несколько региональных лидеров отметили факт того, что член какой-либо партии может состоять в нескольких партиях. Поднимался вопрос проведения ревизий среди членов партий;
- население становится членом той или иной партии, в основном исходя из сиюминутных интересов и лидеров партий. Идеологическая, программная основа партий для населения не существенна;
- многие региональные лидеры политических партий не знакомы основательно с уставом, программой и структурой своей партии [4].

Ученый считает, что особенностью развития парламентаризма в Кыргызстане является то, что партийная система развивается на основе патронажных сетей, характеризующиеся бизнес-интересами и «региональными идентичностями». «Патронажные сети – сообщество людей, основой отношений которых является материальный интерес. Акторы подобных сетей обеспечивают друг другу безопасность в осуществлении внеправовых политических, финансовых действий» [4]. И поэтому основной целью политических партий Кыргызстана являются борьба и доступ к ресурсам при помощи патронажных сетей.

Заслуженный юрист КР М. Укушов в интервью порталу Elgezit.kg предлагает разработать реформы партийной системы и принять основополагающие Законы «О политических партиях» (действующий Закон был принят в июне 1999 года и на сегодняшний день морально устарел) и «О гарантиях оппозиционной деятельности в Кыргызской Республике». Также, с его точки зрения, необходимо введение фиксированного членства в политической партии и установление нижнего порога численности членов партий для государственной регистрации, с обязательным введением механизма контроля со стороны уполномоченного государственного органа.

Он отмечает необходимость вопроса обеспечения прозрачности при финансировании политических партий: конкретизация источников финансирования партий, то есть законность, открытость, гласность доступность сведений о финансировании членам партии, общественности и компетентным государственным органам, а также введение ежегодной финансовой отчетности политических партий [12].

С точки зрения политолога З. Курманова, отсутствие идеологии у партий сказывается на том, что у них одинаковое отношение к налоговой системе, внешнеполитическим вопросам, и таким образом все партии без труда могут объединиться в одну большую коалицию: «...поэтому они [партии] могут объединяться с кем угодно, и как угодно <... > Даже все партии могут войти в коалицию, создав тем самым большую коалицию, и оставить Кыргызстан без оппозиции. Однако в оппозиции могут оказаться любые, у кого не сложились хорошие отношения с президентом или с кем-то еще из власти. Все зависит от личных отношений – симпатий и антипатий» [Цит. по: 6, с. 67]. Как следствие, вместо многопартийной системы установилась система, все чаще называемая критиками «псевдопартийной», в которой любая из партий может оказаться в оппозиции, которая спорит между собой, соглашается, но по большому счету вступают в сговор, реализуя, тем самым, свои интересы. В итоге, система сама себе обеспечивает самосохранение и поддерживает свою жизнеспособность.

Таким образом, развитие партийной системы, как и политической системы в Кыргызстане, наталкивается на целый ряд объективных трудностей и противоречий, во многом обусловленных советским прошлым (отсутствие демократических традиций, авторитарное мышление на уровне политических элит, отсутствие опыта партийного строительства), а также негативными явлениями, которые сопровождают модернизационные процессы (коррупция, клановая борьба политических элит, трайбализм, слабость государственных институтов).

Будущее Кыргызской Республики как демократического стабильного государства зависит от успехов в процессе развития партийной системы, политических партий. Партийная система в Кыргызстане пока еще не сложилась как система представи-

тельств интересов широких социальных групп граждан. Этот факт объясняется тем, что становление парламентаризма в Кыргызстане происходит в исторически сжатые сроки в условиях слабого развития гражданского общества, низкой политической культуры населения.

Необходимо учитывать, что партии, также как и партийная система, – прежде всего важнейший инструмент политической конкуренции идей и существуют для поиска наиболее эффективных путей развития страны.

Литература

1. *Дюверже М.* Политические партии / пер. с франц. М., 2000.
2. Закон Кыргызской Республики о политических партиях. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/215>.
3. Конституция Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru>.
4. *Иманалиева Б.* Политические партии Кыргызстана: генезис, база, перспектива. URL: <http://www.bicis.kg/events/view/10>.
5. *Каменко И.* Партийная система в Кыргызстане атомизирована и неразвита. URL: <https://stanradar.com/news/full/1933-ekspert-partijnaja-sistema-v-kyrgyzstane-atomizirovana-i-nerazvita.html>.
6. *Кулалиева Г.Т.* Становление многопартийной системы Кыргызстана: проблемы и перспективы // Известия вузов Кыргызстана. 2018. С. 65–68.
7. *Кыдыралиев Б.М.* Формирование и развитие политических партий в Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 3. С. 107–110.
8. *Нурсултан А.* Кыргызстан: партийное строительство. URL: http://mnenie.akipress.org/unews/un_post:11797.
9. Роль политических партий Кыргызстана в контексте построения парламентской демократии. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:27926>.
10. *Сейит А.А.* Фрагментация системы политических партий в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. Выпуск 2. С. 84–100.

11. Список политических партий. URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/81>.

12. *Укушев М.* В Кыргызстане жизнеспособность парламентской формы правления будет зависеть от модернизации политической системы // URL: <https://elgezit.kg/2019/06/17/v-kyrgyzstane-zhiznesposobnost-parlamentskoj-formy-pravleniya-budet-zaviset-ot-modernizatsii-politicheskij-sistemy>.

13. *Шабданов Ж.А.* Политические партии Кыргызстана на парламентских выборах // Вестник АГУПКР. 2008. № 7. С. 160–166.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Одной из центральных проблем развития гражданского общества в Кыргызстане, как отмечалось нами ранее, является его устойчивое взаимодействие с государством, партнерство в различных сферах общественной жизни. Причем, если западноевропейская модель предусматривает сокращение функций государства и расширение функций гражданского общества, то евразийская модель ориентирует на одновременное усиление роли государства и общества, поскольку и первое, и второе – это коллективные инструменты реализации как публичных, так и частных интересов граждан.

«Государство, игнорирующее частные интересы, не может рассматриваться как социальное, а гражданское общество, отстраняющееся от непосредственного участия в реализации публичных интересов, обречено на вырождение и распад, – справедливо утверждает У.К. Чиналиев. Естественно, что способы и формы воздействия на граждан у государственных структур и институтов гражданского общества различны. Государство в большей степени использует властные, принудительные средства, а общество на первый план выдвигает меры морального и духовно-идеологического плана» [1]. Соединение этих способов должно происходить на основе конструктивного диалога между государственными и общественными структурами.

В период существования Советского Союза результаты подобного диалога зависели от позиции КПСС, которая была одновременно руководителем государства и политическим авангардом общества. В плюралистическом обществе только народ вправе определять аутентичность того или иного решения (действия) государственных и общественных структур. Правда, и здесь необходима формально-юридическая институционализация взаимоотношений между гражданским обществом и государством. По мнению ряда исследователей, в Кыргызстане такого рода формализация еще не осуществлена. «Сотрудничество государ-

ства с неправительственными организациями в стране, – как отмечает У.К. Чиналиев, – носит характер, все еще неустойчивого равновесия между гражданским обществом и государством...» [1, с. 81]. По сути, такой же позиции придерживается А. Чолпонкулова, по мнению которой сотрудничество государства с неправительственными организациями «носит нерегулярный, спорадический характер и может рассматриваться только как поиск эффективных форм взаимодействия, но еще не система» [2, с. 92].

Одной из первых попыток придания такому сотрудничеству планомерного, устойчивого характера стало создание в 2000 г. центра «Инициатива» при Ассоциации независимых ученых-юристов Кыргызстана. Центр разработал альтернативные законопроекты о регулировании лоббистской деятельности и народной инициативе в КР. Цель данных документов – предоставить правовые возможности участия общественности в принятии решений органов власти, в том числе законодательных, ограничить давление на властные структуры со стороны влиятельных финансово-промышленных групп, добивающихся реализации своих интересов с помощью средств, противоречащих не только нормам общественной морали, но и закону.

Важной в этом плане является институционализация диалога государственных структур с политическими партиями, в первую очередь с теми, которые пользуются влиянием в представительных органах власти. Процесс формирования и развития политических партий в республике носит интенсивный характер, и он продолжается до сих пор. В настоящее время реальной общественной силой обладают не более пяти-шести партий, способных стать ядром устойчивой партийной системы в стране. Как известно, в 2010 году по результатам выборов в Жогорку Кенеш прошли представители пяти партий: «СДПК», «Ата-Журт», «Республика», «Ата-Мекен» и «Ар-Намыс». В 2015 году политическая конфигурация немного изменилась и количество партий, представленных в парламенте страны, увеличилось до шести: «СДПК», «Республика – Ата-Журт», «Кыргызстан», «Онугуу-Прогресс», «Бир Бол», «Ата-Мекен». В перспективе количество парламентских партий может уменьшиться до трех-четырех. Пока же такое распределение депутатских мандатов отражает реальное соотношение политических

сил общества и требует учета в государственной деятельности их гражданских, а не идеологических, популистских или, что еще хуже, узко-клановых интересов.

В дальнейшем, в Кыргызстане политический плюрализм, гарантируемый Конституцией, не исключает возможности объединения всех политических партий и движений, их диалог с правовым демократическим государством, действующим в интересах народа. Ведь одна из задач гражданского общества – быть связующим звеном между таким государством и гражданами, которые не всегда могут напрямую воздействовать на органы, формирующие государственную политику и обеспечивающие ее реализацию [3, с. 132–150].

Парламентские и президентские выборы, многопартийная система – все это может показаться достаточным основанием для того, чтобы предположить, что политические отношения в Кыргызстане будут напоминать подобные отношения в западноевропейском демократическом обществе. Но здесь не все так однозначно. Политические партии в Кыргызстане есть, но партийного разнообразия в точном смысле этого слова еще нет. Еще встречаются проявления имитации демократических институтов и подмены понятий парламентаризма, электората, гражданского общества. «Здесь, как в театре, декорации создают лишь иллюзию реальности, и вся эта игра в "многопартийность" представляет интерес только для местных кланов, стремящихся заполнить вакуум власти».

В настоящее время, на сайте Министерства юстиции КР упоминаются 203 зарегистрированные в Кыргызстане политические партии. Реально их, конечно, меньше. Так, перед выборами в Жогорку Кенеш 4 октября 2015 в ЦИК страны было подано 34 заявки, а зарегистрировано и допущено к выборам – всего 14 политических партий. Но даже при таком количестве претендентов на политический Олимп общество просто не в состоянии придумать столько принципиально не сходных моделей политического устройства и средств достижения социальных благ. Поэтому, «забалтывая» электорат многочисленными «программами» и обещаниями, которые беззастенчиво дублируют друг друга, почти все партии перечисляют пакет социальных реформ, выставляя их как первостепенные и главные.

Несмотря на изобилие партий, политическая палитра в Кыргызстане довольно проста. Не случайно многие политологи, анализируя политическую систему Кыргызстана, увлекаются ее описанием, которое часто приобретает статистический характер. Указываются зарегистрированные Министерством юстиции партии, их лидеры, программные документы и т. д. Дать качественный анализ их содержания весьма трудно, поскольку найти какие-то существенные различия между многочисленными политическими партиями в Кыргызстане и их программными документами довольно сложно, если вообще возможно. «Партии нужно следовать идеологической ориентации, но именно этого, – свидетельствует Э. Ногойбаева, – сейчас в Кыргызстане и нет» [4].

В перспективе это может мешать созданию консолидированной демократии, в которой так заинтересовано гражданское общество. Особенно тревожит разобщенность, неясность программных установок, а в ряде случаев – и непредсказуемость действий таких политических партий. Чтобы быть реальной силой в гражданском обществе, фактором его политической и идеологической социализации, партии в своих программных документах должны ориентироваться на все социальные слои, учитывать интересы и агрегировать общественное мнение не только своих ближайших сторонников, но и всего населения.

Система народного представительства в парламенте и других высших и региональных органах власти является важным звеном, соединяющим гражданское общество с государством. Альтернативные выборы позволяют усилить воздействие электората на их состав и работу. Институты прямой и представительной демократии активизируют гражданскую жизнь общества, позволяют каждому кыргызстанцу чувствовать свою ответственность за настоящее и будущее страны. К сожалению, еще недостаточна активность граждан в осуществлении своего права участвовать в управлении государственными и общественными делами. Многие люди не верят, что их голос будет услышан и позволит что-либо решить.

Сегодня еще сложно сказать, что в современном кыргызском обществе сложилось четкое представление о дальнейшей перспективе своего развития, как дальше будут складываться взаимоотношения между институтами гражданского общества и государства.

Кыргызстан все еще стоит перед выбором ориентиров своего дальнейшего социально-политического и экономического развития.

В Кыргызстане трудно найти политика, который бы не пытался дать свой рецепт успешного и эффективного развития страны. Суждения по данному вопросу высказываются самые разные. Сугубо «практические», как, скажем, мнение З. Осорова, который предлагает дистанцироваться от своих «назойливых соседей, не имеющих ни денег, ни идей, ни желания строить демократию». Вследствие чего, по мнению автора, можно «выверить для себя наиболее выгодный курс и стратегию, которые позволили бы нам не только поднять свое производство, туризм, энергетику, но и сделать это наилучшим и наиболее быстрым образом. Так, как это удалось Южной Корее, Тайваню, Сингапуру, послевоенной Западной Германии» [5].

Другой автор, К. Байбосунов, напротив, не видит будущего Кыргызстана без его интеграции в единый рынок с соседями. При таком «правильном выборе ориентиров развития, – считает автор, – к середине века Кыргызстан может стать среднеразвитым государством с довольно сильными позициями на центрально-азиатском пространстве» [6].

Встречаются и философские предположения о движущих силах кыргызского общества: «Я убежден, – пишет, например, Т. Сариев, – что есть одна сила, и если она присутствует, то тогда можно предполагать о переменах, которые неизбежны и должны привести к выходу из тупика и кризиса. Это политическая воля... народа, или... просвещенного лидера нации, облаченного властью. При проявлении этой воли возможны позитивные сдвиги в общественном сознании и некие коренные изменения, в том числе, и построение новой формации без значительных духовных и материальных потерь». У Кыргызстана, считает политик, «есть ее *движущая вера*, которая по определению имеет метафизическое происхождение и не нуждается в подтверждающих фактах» [7, с. 193].

В нашем понимании, в данных рассуждениях вызывает озабоченность даже не «абстрактный» или слабо аргументированный их характер, а то, что такого рода разно направленные точки зрения свидетельствуют не столько о плюрализме мнений, сколько о сте-

пени социально-политической дезинтеграции кыргызского общества. Об отсутствии в его сознании созидających, общенациональных ценностей, которые обуславливали бы характер жизнедеятельности людей, их стремление к совместному будущему.

Тем не менее, если попытаться реально посмотреть на вещи, избегая популистских заявлений и политической риторики, можем ли мы сказать, что в Кыргызстане существуют некие общие основания, которые могут способствовать модернизации его экономических и социально-политических отношений? Представляется, что ответ может быть только положительным. Такие основания есть, проблема заключается в том, что многие из них, по разным причинам, оказались исключены из активной политической жизни общества. Выражаясь современным языком, их необходимо «восстановить», т. е. активизировать применительно к текущей политической ситуации.

Мы надеемся, что конкретные пути совершенствования элементов гражданского общества в Кыргызстане будут определены и в новой, формирующейся стратегии развития КР «Газа Коом». В программе, на наш взгляд, должна быть сформулирована стратегия дальнейшего взаимодействия государства с гражданским обществом. Хотя основными задачами гражданского общества по-прежнему является активное и конструктивное социальное партнерство с органами государственной власти, частным сектором и международными организациями.

Непременным условием развития гражданского общества любого типа является наличие в нем системы не зависимых от властных структур СМИ. В евразийском гражданском обществе СМИ – это трибуна общественного мнения, эффективное средство воздействия народных масс на формирование и осуществление политики государства. К сожалению, и в Кыргызстане, и в России многие СМИ чувствуют себя независимыми не только от административно-государственных структур, но и от самого гражданского общества. Они ориентированы на интересы частного бизнеса, в котором господствуют рыночные отношения. Наиболее заметно эта тенденция проявляется в электронных средствах массовой информации, являющихся основным источником информации для большинства населения страны.

Между тем в современном информационном обществе именно телевидение, а также быстро развивающаяся система Интернета могут быть мощным фактором формирования подлинно гражданской политической культуры, без высокого уровня которой немислимо гражданское общество любого типа. В Кыргызстане, как, впрочем, и в других странах, телевидение воздействует на население ежедневно. Наиболее влиятельные газеты и журналы в республике выходят не менее двух-трех раз в неделю. Поэтому усиление государственного и общественного влияния на СМИ, особенно электронные – важная политическая задача, стоящая перед правительственными структурами, региональными властями и гражданскими объединениями.

В заключение можно сказать, что пока в Кыргызстане не преодолено самое сложное препятствие на пути строительства гражданского общества – бедность и нищета населения. Принимаемые меры по ликвидации этой социальной проблемы, обрекающей население на пассивное отношение к гражданским интересам, позволят превратить Кыргызстан в динамично развивающуюся страну с высоким уровнем жизни подавляющего большинства его граждан. Для этого в республике есть предпосылки, в том числе и самая главная из них – готовый к созидательному труду высокообразованный и организованный народ.

Говоря о сценариях возможного развития ситуации в Кыргызстане, можно выделить два пути:

Первый – позитивный, под воздействием рыночных отношений, растущей экономической и социокультурной глобализации в стране постепенно, будет происходить ассимиляция патерналистских отношений, трансформация традиционного общества в гражданское

Второй – пессимистический. Данный сценарий развития событий предполагает сращивание рыночных отношений с патерналистскими, усиление традиционалистских взглядов в политико-правовой сфере.

Литература

1. *Чиналиев У.К.* Особенности формирования гражданского общества в Кыргызской Республике. М., 2001.

2. *Чолпонкулова А.* Общественно-государственный диалог в Кыргызстане: поиск эффективных форм взаимодействия. URL: http://politanaliz.ru/articles_535.html.

3. *Бугазов А.Х.* Взаимодействие культур как фактор формирования гражданского общества в Кыргызстане // Социальная память: сущность, место и роль в обществе. Бишкек, 2004.

4. *Ногойбаева Э.* Самый сложный этап политической борьбы предстоит после выборов и формирования правительства. URL: <http://analitika.akipress.org/news:1041>.

5. *Осоров З.* Высокая цена достоинства и свободы // МСН. Моя столица. 2005. 2 августа.

6. *Байбосунов К.* Только после тяжелейших испытаний люди возьмутся за ум // Вечерний Бишкек. 2005. 2 августа.

7. *Сариев Т.* Шах кыргызской демократии. Бишкек, 2008.

ПОНЯТИЕ НЕНАСИЛИЯ: СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ

Ненасилие как феномен имеет большую историю. С древних времен люди мечтали о мирной жизни, основанной на принципе ненасилия, любви и партнерстве. И сегодня, в связи с межрелигиозными, межэтническими, экологическими конфликтами, перед человечеством возникает выбор: путь ненасилия или уничтожения.

Исходя из вышесказанного, прежде всего, следует разобраться в понятиях: «насилие» и «ненасилие». Насилие, как видно уже из этимологии слова, есть применение силы, опора на силу, действие с помощью силы. Термин насилие был известен еще в давние времена, и до сегодняшнего дня мы не перестаем слышать это распространенное слово. Насилие – это, прежде всего, применение физической силы к кому-нибудь, притеснение и незаконие. Как социальное явление эта проблема остается наиболее острой и распространенной.

Насилие имеет место только во взаимоотношениях между людьми, поскольку только они обладают свободной волей; в этом смысле оно есть общественное отношение. Насилие представляет такой тип человеческих отношений, в котором одни индивиды подчиняют себе других, ущемляют и овладевают их свободной волей. Но возможно ли такое? В свое время Г.В.Ф. Гегель говорил, что «свободная воля в себе и для себя принуждена быть не может» [1, с. 141].

Навязывание воли одним другим, насилие могут быть изложены как разновидность господства, власти. Власть есть господство одной воли над другой. Она может базироваться на различии волей. В роли насилия власть выступает тогда, когда базируется на физическом принуждении. Рассмотрение насилия как разновидности властных отношений позволяет отличать его от других форм принуждения – патерналистского и правового. Суть данных принуждений состоит в том, что было получено согласие со стороны того, на кого это насилие было направлено. Насилие в собственном смысле слова есть действие, которое не может быть одобрено, если же оно получает одобрение, то можно смело сказать – это абсурд.

Насилие является промежуточным звеном между природностью человеческого существования и культурно осмысленными формами, в которых протекает данное существование. Таким образом, две природы человека связываются воедино. Этим определяется как фундаментальное значение насилия в структуре человеческого бытия, так и его амбивалентный характер.

Ненасилие в свою очередь является отрицанием насилия. С древних времен ненасилие известно как нравственная идея. Порой ненасилие принимается как предмет личного выбора. Некоторые сторонники ненасилия говорят, что их решение действовать ненасильственно, не должно влиять на выбор других людей [2].

В свою очередь ненасилие определяется моральными и неморальными мотивами. Первую позицию можно именовать как принципиальную, а вторую – как прагматическую. Прагматическое ненасилие прежде всего касается следствий в сфере практики. Можно отметить, что в прагматическом ненасилии, в отличие от принципиального, во внимание принимается эффективность достижения политических и социальных целей. Если думать об эффективности – начинаешь думать и о цели, и о задачах. Любая из целей прагматического ненасилия может стать, будучи морально обоснованной, целью принципиального ненасилия. Таковы были наиболее известные случаи использования принципа ненасилия Махатмой Ганди [3] и Мартином Л. Кингом [4, с. 168–181].

Ненасилие исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. Одно из часто повторяемых возражений против ненасилия как исторической программы состоит в том, что оно исходит из слишком благостного, и потому реалистического представления о человеке. В действительности это не так. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является ареной борьбы добра и зла, как писал Мартин Лютер Кинг, «даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла» [4, с. 168–181].

Считать человека радикально злым – значит незаслуженно клеветать на него. Считать человека бесконечно добрым – значит откровенно льстить ему. Когда признается моральная амбивалентность человека, ему воздается должное. Человек – существо

свободное, из этого можно вывести как минимум два этических вывода. Люди открыты добру и злу – это первое. Умным утверждением является доказательство в пользу существования свободы воли и утверждения, что без нее грешить просто было бы нельзя. Вторым этическим выводом является то, что невозможно ответить на вопрос, кто есть человек, прежде чем не ответить на вопрос, что же он делает для того, чтобы быть человеком. Не фактом будет добро, как и зло. Это выбор уже самого человека. Человек в этом мире не зверь, не Бог, он просто путник. Важным является не то, где человек находится, а то, что он делает на своем пути и идет до конца [5, с. 119–123]. Как нормативная программа ненасилия делает акцент на светлое начало в человеке, на то, чтобы это начало усиливалось и развивалось. Собственно, этим оно и отличается от насилия, которое, в свою очередь, оперирует разрушительными, деструктивными методами, блокирующими всякие проявления человеческой свободы.

Сторонники ненасилия сознательно ориентируются на добро и исходят из убеждения, что неустранимой основой человеческого бытия является моральная амбивалентность – он не отрывает оппонента от добра, во имя которого ведется эта борьба, и не исключает себя из того зла, против которого он ведет борьбу. Принципы его поведения на этом и построены:

а) анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью;

б) отказ от монополии на истину, готовность к изменениям, диалогу и компромиссу;

в) критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента;

г) полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента, какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей;

д) бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним.

Ненасилие – это усилие, которое состоит в том, чтобы перепрыгнуть заколдованный круг насилия, сменить основания выбора, превратить врагов в друзей и сделать так, чтобы последую-

шему сотрудничеству не мешало предшествующее зло [6]. Общеизвестно, что сама идея ненасилия родилась в религиозных древневосточных культурах. Она представляла собой общемировоззренческую парадигму, которая составила основу индуизма, буддизма и конфуцианства.

Этическая сущность индуизма наиболее ярко выражена в тексте Бхагавадгиты, точнее в сцене разговора Арджуны с Кришной. Арджуна будучи в колеснице ожидает начала битвы. В рядах противника находятся его друзья, родственники, все те, кого он знал и любил всю жизнь. И хотя он готов к битве, начинает падать духом, потому что чувствует, что не сможет причинить боль и страдания тем, кто ему дорог. За советом он решает обратиться к Кришне, который выполняет роль колесничего. Кришна, объясняет ему: «Нет ничего в трех мирах, Что Я должен сделать, Партха, Нет цели, которой бы Я не достиг, И все же Я дела совершаю. Если бы Я не совершал Непрестанно действий, Моим бы путем Пошли все люди, Партха. Исчезли бы эти миры, Если бы дел не совершал Я: Я стал бы причиной смещения, Все существа погубил бы. Как поступают невежды, Привязавшись к делу, Так, непривязанное, знающий Путь совершает дела Для целокупности мира. Мне все дела посвятив, Будь высшему Атману предан от самости, от вожделений свободный, Сражайся, отбросив сомнения. Свой долг, хоть и несовершенный, Лучше хорошо исполненного, но чужого. Лучше смерть в соей дхарме: Чужая дхарма опасна» [7, с. 9–12]. Кришна советует Арджуне не искать ответ на моральный вопрос, сражаться или нет, поскольку в действительности он не имеет выбора и тратит время попусту, ибо природа все равно подчинит его волю себе, будет он мыслить или нет [7, с. 9–12].

Главным лейтмотивом Бхагавадгиты является безусловная подчиненность власти природы. Эта власть настолько велика, что даже мудрецы поступают в соответствии с ней. Все существа ответственны их собственной природе. Истинное бытие не противостоит ложному бытию, так как любое из них включает в себя добро и зло, импульсы пракрити находятся превыше всего и являются имманентными Высшему существу, то есть частью пракрити является любое высшее существо, и его внутренний им-

пульс обозначается как свабхава. Важнейший аргумент, который приписывал Кришна Арджуне, заключается в том, что «враги убиты Богом, еще до сражения», следовательно, Арджуна не должен нести моральной ответственности за смерти. Ибо он – есть инструмент Бога. «Существа возникают из непроявленного, затем проявляются и опять уходят в непроявленное. Так зачем же беспокоиться?» [8].

Для человека главное – действовать, а не получить результат; следовать своей дхарме, но не размышлениям. «Этика ненасилия» часто воспринимается как тавтология, как следствие порождается такой вопрос: «А разве возможна этика насилия?». На самом деле, этика, итак совпадает с ненасилием. Кроме этики нет какой-либо другой формы культуры, религии, специфика которой была бы ненасильственной установкой. Ненасилие можно считать синонимом самой этики, так как она является определенностью добра.

Идеал ненасилия был сформулирован в Нагорной проповеди Иисуса Христа. Содержащиеся в ней Заповеди, были настолько ясными, но в тот же момент и парадоксальными они настолько противоречили действительности, что сохраняли лишь свою отрицательную связь с действительностью. «Если бы общество в его нынешнем состоянии буквально последовало моральным заветам Евангелий, это привело бы к его немедленной гибели», – пишет А. Уайтхед [9]. Данная проповедь предназначена для святых людей и идеального мира. Только если человек святой, он может принять эту логику. «Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38–39). Если рассуждать о смысле заповеди, то она обращена и к тому, кто совершает этот поступок. Самое удивительное – это то, что способ поведения по заповеди не меняется из-за того, что приходится действовать в чужеродной среде, где принято бить по щекам. Аналогичную ситуацию можно проследить и с математиком, который не отстает от гармоничных линий и чарующих точек несмотря на то, что не находит их в эмпирическом мире.

В случае с христианством и его первыми носителями, приверженность к моральному Абсолюту имела разумное объяснение, так как они ждали скорого конца света. Непротивление злу, будучи свидетельством нравственного совершенства, индивиду-

альной победы над грехом, не рассматривалось в качестве пути преодоления самого зла или, если выразиться мягче, эта очищающая роль ненасилия была слабо акцентирована. В наше время существенные изменения в традиционное понимание ненасилия внесли великие люди с такими как Г. Торо, Л.Н. Толстой, в особенности М. Ганди и М.-Л. Кинг.

Для современной концепции ненасилия характерны, по крайней мере, два очень важных момента. В первом случае ненасилие связано с борьбой за справедливость, оно является наиболее действительным и адекватным средством борьбы. Борьба при помощи ненасилия – есть единственный и реальный путь к справедливости. Сегодня ненасильственная позиция, как и две тысячи лет назад, требует героизма. Но героизм этот требует ответственного поведения, а не конца этого ненавистного мира. В данном случае и евангельская заповедь непротивления злу понимается иначе, согласно Жану Госсю, она означает требования:

- а) не подчиняться несправедливости, сопротивляться;
- б) не прибегать к ответному насилию;
- в) подставляя левую щеку, обращаться к совести господина, принуждая его к изменению.

Во-вторых, ненасилие способно влиять не только на отдельного человека, но и на межличностные отношения, взаимоотношения огромных масс людей, государств, классов [10, с. 13].

Характеризуя ненасильственную философию Ганди и свое собственное духовное развитие, М.-Л. Кинг в статье «Паломничество к ненасилию» пишет: «Ганди, наверное, был первым в истории человечества, кто поднял мораль любви Иисуса над межличностными взаимодействиями до уровня мощной и эффективной силы большого размаха. Для Ганди любовь была сильнодействующим орудием для социальных коллективных преобразований. Именно в том, что Ганди придавал особое значение любви и ненасилию, я нашел метод для социальных преобразований, который искал много месяцев. То интеллектуальное и моральное удовлетворение, которое мне не удалось получить от утилитаризма Бентама и Милля, от революционных методов Маркса и Ленина, от теории общественного договора Гоббса, от оптимистического призыва Руссо "назад к природе", от философии

сверхчеловека Ницше, я нашел в философии ненасильственного сопротивления Ганди. Я начал чувствовать, что это был единственный моральный и практически справедливый метод, доступный угнетенным в их борьбе за свободу» [11]. Сам М. Ганди рост насилия в Индии отмечал так: «В первую очередь, я должен признаться в своем банкротстве, но не в банкротстве ненасилия. Я уже говорил, что ненасилие, которое осуществлялось в течении последних тридцати лет, было ненасилием слабого...» [3]. По мнению М. Ганди, высококультурное общество невозможно без дома, фундаментом которого являются истина и ненасилие, которые не могут существовать без живой веры в Бога.

В индийской и китайской философии отсутствуют такие персонажи, как Бог или Сатана, и наоборот, можно увидеть такие утверждения, что зло и добро присущи каждому человеку. В буддизме проблема ненасилия решается неоднозначно, так как проблема эта может рассматриваться в вертикальном плане, на уровне сознания, и в горизонтальном плане, на уровне политических и социальных явлений.

После рассмотрения вышеизложенного можно изучить буддийскую концепцию власти, которая бытует в странах, где доминирующим является южный буддизм в виде таких теорий, как теория «всемирного правителя», «бодхисатвы», «будды грядущего», «всемирного правителя» и т. д. Концепция власти в буддизме носит рациональный характер, несмотря на множество мифов и мистических элементов. По содержанию ее можно разделить на четыре части. В первой части речь идет о происхождении людей, во второй, благодаря метафизике, объясняется эволюционный ход человечества, третья часть раскрывает секрет о том, какая должна быть функция у «истинного правителя», который приведет общество к прогрессу и четвертая часть описывает то, каким должен быть этот «истинный правитель».

Правитель должен защищать своих подданных, творить суд над невежественными и недостойными, ну и поддерживать в обществе мир и порядок. Но, в свою очередь и люди не должны оставаться в стороне, их обязанностью является обеспечение государя рисом и остальными необходимыми вещами. Правитель, который не знает истинного учения «Дхаммы», не может создать процве-

тающего государства. Начинает появляться бедность, воровство и дела, несоответствующие закону. Правитель начинает принимать меры путем строительства тюрем. Развиваются такие асоциальные явления, как клевета, зловоние, и они ведут к моральной и физической деградации общества. Красивые люди начинают превращаться в людей уродливых, от уродливых убегают жены. Следовательно, прелюбодеяние становится обычным делом. Общество деградирует, появляются три недостойных качества:

- извращенные представления (мичадхамма);
- извращенные желания (зисаса-лобха);
- похоть (адхамма-рага).

Люди потеряли все религиозные чувства и уважение к старшим. О нравственности и морали можно было забыть. Среди этих существ враждебное отношение друг к другу начинает считаться правилом, злоба кишит везде, начиная от матери – к ребенку, от ребенка – к матери, от отца – к детям, от брата – к сестре и т. д. Они убивают друг друга. Но через некоторое время они начинают задаваться вопросами: «Зачем мы это делаем?», «Зачем убивают нас и убиваем мы?». Наступает время семи дней. Это время общения с природой, покидание своего места жительства. После прекращения данного таинства люди, встретившись, начинают восклицать: «Как прекрасно, что ты жив!»), затем этих существ осеняет, что нужно творить добро. Перестали они убивать и жить начали в два раза дольше [7, с. 20–22]. Вышеприведенный пример повествует о том, что понятие добра есть результат жизненного опыта и только путем страданий можно прийти к добру.

Согласно концепции власти у буддийцев, царь является не только правителем, но и регулятором социального порядка. И если он не справедлив, тот следует череда несчастий народу. Правитель, который не соответствует Дхамме, ведет к гибели свою страну. В данном случае народ имеет право свергнуть монарха или даже его убить. Концепция буддийцев не имеет завершенной формы, так как содержит ряд морально-нравственных поучений. Данная концепция ставит под сомнение законность власти, утверждая превосходство морально-нравственных законов, юридически она ставится под контроль сангхи как толкователя и хранителя нравственных законов.

Вопрос отношения христианства к теме ненасилия довольно сложен. В Ветхом и Новом заветах сформулировано основное положение о взаимоотношении религии и ненасилия. Данная проблема рассматривалась в трех аспектах.

Первый – это нанесение вреда всему живому в индуизме, джайнизме и буддизме.

Вторая форма связана с мирной жизнью и социальной гармонией, которая была воплощена в индуизме, древнегреческой традиции и исламе.

Третья форма – это ненасильственные действия. Именно к данной форме можно отнести христианскую концепцию, проповедывается в которой любовь к ближнему, самопожертвование.

Американский ученый М. Юргенсмайер пишет: «стержнем раннего христианства явилось мученичество, поскольку оно копирует самопожертвование Христа. Фома Аквинский утверждал, что "война и насилие – это всегда грех". Принципы ненасилия всегда оставались привлекательными, по крайней мере, они защищали интересы верующих» [12]. Наиболее интересную попытку разрешения моральной дилеммы выдвинул Августин Блаженный – в концепции христианской любви. Данная концепция проповедует миролюбие, добро, любовь к ближнему.

Казалось бы, в такой обстановке и речи быть не может о месте для насилия или войны. Но все это не так. Именно Августин является основоположником концепции «справедливых войн», причем концепция эта вытекает из концепции христианской любви. Христиане являются благочестивыми и праведными, у них нет возможности защищать себя насильственными средствами. В данном случае по примеру Христа, они должны приносить себя в жертву, ради сохранения чистоты своих помыслов и поступков. В период Возрождения произошла Реформация идей ненасилия. В новых сектах уже не отражались попытки вернуться к заповедям раннего христианства, а было стремление к новой перспективе человеческой нравственности, в которой ненасилие играет не только роль нравственного характера, но и практической установки.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
2. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3.
3. Ганди М.К. Моя жизнь. М., 1969.
4. Кинг М.-Л. Паломничество к ненасилию // Ненасилие: философия, этика, политика. М., 1993.
5. Цокуренко С.С. Теоретические подходы к определению насилия. Краснодар, 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-nasiliya>.
6. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6.
7. Принципы ненасилия: Классическое наследие / отв. ред. В.М. Иванов, ред. В.М. Леонтьев. М., 1991.
8. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977.
9. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
10. Госс Ж. Ключевые представления гуманистического и христианского ненасилия // Этика ненасилия. М., 1991.
11. Кинг М.Л. Паломничество к ненасилию. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/King_PalomNenasil.php.
12. Encyclopedia of Religions. Vol. 10. London: MacMillan Publishing Company, 1987.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ АНТИУТОПИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО

Для современного поколения, живущего на постсоветском пространстве, жанр антиутопии относительно новый. Только в конце прошлого столетия один за другим вышли блистательные романы-антиутопии, созданные в разные годы и разными писателями, открываемые нашими современниками заново.

Утопизм коренится в психологии человека, в самой его жизни. Мечта и фантазия, чаще всего несбыточные, во многом определяют поступки человека, деятельность огромной массы людей. И в этом смысл утопии, как и антиутопии – это ступени познания, познания общества, социальных и политических коллизий, кроющихся в сложной системе человеческих отношений. Источник всех этих проблем – сама жизнь, череда тех поступков и действий, которые наполняют ее содержание. Так обстоит дело в романе О. Хаксли «О дивный новый мир», антиутопии Дж. Оруэлла «1984» и других. Связь фантазий и жизни бывает так крепка и достоверна, что порой на фоне открывшихся некоторых фактов и событий, некогда нам неизвестных, реальность может быть похожа на утопическую фантазмагорию больше, чем плод фантазии художника.

Так, роман Дж. Оруэлла «1984» был создан в 1949 году, но рассуждения автора сейчас не менее актуальны, чем тогда. Как свидетельствует история, тоталитарная система может существовать довольно долго, и одна из причин ее существования заключается в умелом использовании знаний о природе человека. Знание это очень простое: живое хочет жить, и на этом сосредоточены, прежде всего, все силы человека. Подчиняясь закону выживания, человек может потерять себя, нивелируясь, мимикрируя под обстоятельства. Но всего ужаснее то, что сами по себе – абстрактно взятые – обстоятельства вовсе не бог весть что: утреная зарядка, проводимая под наблюдением телеэкрана, поминутная разграфленность работы, обязательная общественная нагрузка. Но это в государстве, где все отторгнуто друг от друга, где все

естественные связи нарушены и подменены новыми, искусственными; управляет государством некто, стоящий (стоящие) у кормила власти. Оруэлл открывает закон смысла, который для общества в конечном итоге оказывается важнее закона значения.

Значение утренней зарядки – здоровое тело, значение четкого плана работы – наибольший экономический результат. Но все имеет смысл лишь при принятии этого значения человеком. На самом деле разошлись бумага и событие, история и общественная жизнь, духовность и развитие. Остались страдания и вечный страх. Конфликт между личностью, которая разрушается, и государством, которое разрушает, – конфликт трагический.

Главный герой романа Уинстон Смит понял, что больше не может, физически не может мириться с законами среды. Да, пока его протест выразился в ведении дневника, куда он записывал крамольные мысли. Но это была самая сильная форма протеста – Уинстон, не подчиняющийся законам тотального универсума – все, как один, никто не есть кто-то – восстанавливая свое «я» как отдельное. Чтобы полностью завладеть человеком, надо завладеть его подсознанием. Не зря в романе появляется такое слово – «мыслепреступление». Однако Дж. Оруэлл подходит к проблеме подсознания изнутри, рассматривая взаимоотношения мужчины и женщины. Его герои Джулия и Смит имеют смелость любить друг друга. Это – любовь-протест, любовь-отчаянье и, конечно, любовь-любовь. Их заберут в тюрьму, и герои, не выдержав ужасных пыток, сломаются, Джулия после скажет: «Иногда тебе угрожают чем-то таким <...> таким, чего ты не можешь перенести, о чем не можешь даже подумать. И тогда ты говоришь “Не делайте этого со мной, сделай это с кем-нибудь другим”. А потом ты можешь притворяться перед собой, что это была только уловка. Неправда. Когда это происходит, желание у тебя именно такое. Ты хочешь, чтобы это сделали с другим человеком» [1].

Дж. Оруэлл подчеркивает (и в этом тоже мировоззрение художника антиутописта), что подсознание в человеке не всегда прекрасно, оно может быть уродливо и страшно. Однако, несмотря на это, человек не должен подчиняться своему подсознанию. Борьба трудна, потому что определить и обозначить неуловимую и расчлененную область подсознания нелегко. Но Дж. Оруэлл

понимал расчлененность более глобально. Расчлененность – главная черта художественной реальности романа. Она проявляется на самых разных уровнях: материальное благосостояние людей (превышение планов по всем показателям и элементарный голод), внешнее единство и сила, внутренняя надломленность личности, даже лозунги государства: свобода – это рабство, незнание – сила, война – это мир. И, конечно же, раздвоенность человека – сама по себе вечная, но здесь неоправданно осложненная государственной системой.

«В чем должен быть ориентир человека, который, зная собственное неединство, видит то же неединство в окружающем, отягощенном лицемерием и ложью». Уинстон Смит делает свою заявку: ориентир – это свобода, которая не решает проблему неединства, но которая приближает человека к истине. У. Смит утверждает: «свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре» [1]. Несколько парадоксальное и в то же время очень верное определение.

Один из путей приближения к свободе – знания. И в первую очередь, знание прошлого. Так прошлое состыковывается с истиной, близость к которой может дать человеку возможность осмысления себя, к чему он, сознательно или бессознательно, стремится всю жизнь. Но внутренней свободы никто из героев романа «1984» не получает.

Роман Дж. Оруэлла воссоздает беспощадный мир, который не спасает ни красота, ни самообман, ни любовь, потому что, по мысли писателя, всегда можно будет надавить на инстинкт самосохранения, когда во имя спасения себя каждый подставит под удар другого. Безнравственность государства, сделавшего ставку на инстинкт, а не на духовность и разум, очевидна, как очевидна и гибель такого государства. Ему скоро не останется материи на живых людей. Если в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» государство, управляя инстинктами удовольствия, дало жителям счастье, пусть и иллюзорное, то для Дж. Оруэлла главное подчеркнуть: «разъединяя людей, манипулируя страхом смерти, холода, одиночества, нельзя человека облагодетельствовать, можно лишь уничтожить» [2].

Известная пушкинская фраза: «Над вымыслом слезами обольюсь» как нельзя лучше отражает одну из видимых странностей

антиутопии. В этой жанровой разновидности вымысел предельно обнажается; условность, экспериментирование, доведение идеи до ее логического конца, т. е. до перехода в свою противоположность, – все это на поверхности повествования, не скрывается от читателя. Но именно это и создает эстетический и идеологический эффект антиутопии.

Предлагая поразмышлять логически, авторы заключают в эту логику живую человеческую судьбу, глубоко скрытые чувства, так что читатель постепенно начинает сам себя ощущать причастным к этим чувствам и к придуманной условности жизни. Неудивительно, что ситуации в произведениях А. Платонова, О. Хаксли, Дж. Оруэлла – ситуации вечные, хотя для каждого свои. Одни из персонажей живут в неосознаваемой, а потому будто и не существующей, гармонии общественного и личного, которая может разрушиться в любой момент (герои А. Платонова). Другие живут по принципу: «сому ам – и нету драм» («О дивный новый мир» О. Хаксли). Третьи начинают бороться за сохранение собственного «Я», но внутреннего запаса сил не хватает (это герои Дж. Оруэлла). И все вместе это мы – человечество – в своем непреходящем желании нового дивного счастливого мира.

Потому за каждой ситуацией антиутопии – реальный след эпохи. В этом смысле антиутопия как бы напрямую подключается к действительности, где есть зачатки всех возможностей. Автор антиутопии выбирает наиболее популярные и ставит эксперимент. Чуть раньше, чем это делает общество в целом. Потому антиутопия – всегда предостережение против универсализации одной из возможностей жизни, одной из воспринятых человечеством к действию идеи. В результате (так подсказывает исторический опыт и так учит антиутопия) – раскол мира на части и столкновение этих частей. Эта близость миров символична, спасение и гибель близки, ибо спасать надо гибнущих. Гибнущие – это мы. Спасатели – тоже мы сами. Потому что больше никому. Ведь антиутопии, самые талантливые, – не спасители, а лишь советчики. Их дело помочь увидеть себя и мир в тот момент, когда застит человечеству глаза его очередное увлечение. Все остальное – за нами [3].

Джордж Оруэлл, не без основания считавший себя преемником автора «Мы», точно обозначил основную черту замятинского

своеобразия в заключении своей краткой, но точной рецензии на этот роман. «Арестованный царским правительством в 1906 году, – писал Дж. Оруэлл, – он (Е. Замятин) в 1922-м, при большевиках, оказался в том же тюремном коридоре той же тюрьмы, поэтому у него не было оснований восхищаться современными ему политическими режимами, но его книга не просто результат озлобления. Это исследование сущности Машины – джина, которого человек бездумно выпустил из бутылки и не может загнать назад» [4]. Вряд ли под «Машиной» Дж. Оруэлл имел в виду лишь неконтролируемый рост техники. «Машинной», т. е. бездушной и безудержной, в XX веке стала сама человеческая цивилизация. Писатель, подводивший итоги антиутопии первой половины XX в. уже по окончании Второй мировой войны (рецензия на «Мы» написана в 1946, а роман «1984» – в 1948 г.), знал все о бесчеловечности «Машины», знал и об Освенциме, и о ГУЛАГе.

Е.И. Замятин был родоначальником антиутопии XX века. В современном литературоведении не вызывает сомнений тот факт, что появление его романа «Мы» ознаменовало окончательное оформление нового жанра – романа антиутопии. Е.И. Замятин, написавший «Мы» в 1920 г., еще не был свидетелем ни громких заявлений о том, что «мы не будем ждать милостей от природы», ни даже песен о том, как «мы покоряем пространство и время». Но уже работа «Машины», созидающей «дивный новый мир» (роман О. Хаксли был написан в 1932 году), откровенно начинается с покорения пространства и времени. «Первое, что бросается в глаза при чтении "Мы", – писал в 1946 году Дж. Оруэлл, – что роман Олдоса Хаксли "О дивный новый мир", видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге. Атмосфера обеих книг схожа, и изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества» [4]. Вероятно, Дж. Оруэлл прав, О. Хаксли несомненно читал роман Е.И. Замятина, первое издание которого было осуществлено именно в английском переводе в 1924 году.

На родине, при жизни автора роман «Мы» никогда не печатался, «но широкое распространение рукописи сделало возможным появление на него в советской печати критических откликов» – разумеется, «главным образом отрицательного характера. Позднее, уже в 1929 г., оценки романа приняли форму приговора,

«роман – злобный пасквиль на советскую действительность». Таким образом, не располагая точными данными о том, что А.П. Платонов читал «Мы» в рукописном самиздате, можно с большой долей вероятности предположить, что он, по крайней мере, наблюдал его разгром в советской критике. Как раз в 1929 г., когда он заканчивал работу над «Чевенгуром» [5].

Нельзя не согласиться с мнением современных литературоведов о том, что «при сравнении романа А. Платонова "Чевенгур" с такими произведениями, как "Мы" Е.И. Замятина и "1984" Дж. Оруэлла, жанровая структура платоновского романа кажется намного сложнее. "Чевенгур" гораздо труднее причислить к антиутопии, ибо в нем нет однозначного сатирического изображения утопического мира, характерного для Оруэлла и Замятина» [6]. Но именно отсутствие «однозначного сатирического изображения» у А.П. Платонова делает его роман особенно интересным для сравнения с антиутопией Е.И. Замятина и его английских последователей. Ведь в «Чевенгуре» мы можем наблюдать как бы естественное превращение русской утопии в антиутопию, прослеживаемое по всем основным параметрам антиутопического сознания и жанра.

Любая антиутопия разделена на два мира: мир, где создана «идеальная» жизнь, и остальной мир. Эти миры отделены друг от друга искусственным барьером, который невозможно преодолеть. У Е.И. Замятина это стеклянный город за Зеленой Стеной, противопоставленный дикой природе. У О. Хаксли – весь идеальный мир и резервация дикарей, оставленных в неисправленном состоянии. У Дж. Оруэлла – весь мир и группа рассеянных по нему несогласных. В «Чевенгуре» эти два мира – собственно Чевенгур и вся остальная Россия, где живут люди, в чьих головах рождаются утопические мысли, воплощенные в Чевенгуре.

Чевенгур отделен от остального мира степью и бурьяном: «Бурьян обложил весь Чевенгур тесной защитой от притаившихся пространств, в которых Чевенгур чувствовал залегшее бесчеловечие» [7]. Каждому из двух миров свойственно свое течение времени, так что человек, пересекающий границы «идеального мира», выходящий во «внешний мир», теряется в нем. Например, Дванов, живя в Чевенгуре, не заметил, что закончился военный

коммунизм и наступил НЭП. В некоторых романах есть еще и третье пространство: пространство, куда изгоняются несогласные. В «Дивном новом мире» они ссылаются на отдаленные острова, а в романе «1984» помещаются в огромную тюрьму, которая называется «министерством любви». В «Чевенгуре» и «Мы» несогласные уничтожаются.

Для антиутопии характерно столкновение официального движения – от периферии к центру, и неофициального – в противоположную сторону. На границе с идеальным миром – другой мир, в который вход позволен только по пропускам (О. Хаксли), вообще запрещен (Е.И. Замятин), невозможен (Дж. Оруэлл). Состояние мира антиутопии можно назвать динамическим равновесием: стихия в любой момент может прорвать границы идеального мира, как это случается у Е.И. Замятина. Прорвав, стихия тоже движется от периферии к центру. Главный герой движется в обратном направлении. Он уходит от ненавистного ему центра на окраины города (Дж. Оруэлл), к границе – Зеленой Стене (Е.И. Замятин), в резервацию дикарей (О. Хаксли). При этом законы жизни на периферии («Мефи», дикари, «пролы») не анализируются и не подвергаются изменениям, даже почти не наблюдаются. Также на периферию от центра, но по заданию центра, движется Дванов, но в какой-то момент центром вселенной делается Чевенгур, а вся Россия становится периферией.

Движения героев хаотичны из-за явного противоречия. Поскольку их личное, сокровенное желание – периферия, запретная граница, за которой – иной мир, а необходимость – центр, сознание героев не справляется с таким противоречием, и направление движения теряется. Таковы ощущения героя повествователя «Мы» Е.И. Замятина: «Не знаю, куда теперь, не знаю, зачем пришел сюда...»; «я потерял руль <...> и я не знаю, куда мчусь...» [8].

«Идеальный мир» антиутопии живет только настоящим. В «идеальном мире» антиутопии О. Хаксли это достигается с помощью наркотика – так называемой «сомы»: «Примет сому человек – время прекращает бег... Сладко человек забудет и что было, и что будет» [9]. Вспоминать прошлое в «дивном новом мире» О. Хаксли не то что запрещено, но не рекомендуется, считается неблагоприятным и просто неприличным. История уничтожа-

ются: «...Начат поход против Прошлого, закрыты музеи, взорваны исторические памятники... изъяты книги, выпущенные до ста пятидесятого года эры Форда» [9]. Сама история «господом их Фордом» называется «сплошной чушью». В «идеальном мире» Дж. Оруэлла нет пространственно-временных ориентиров: «Отрезанный от внешнего мира и от прошлого, гражданин Океании, подобно 54 человеку в межзвездном пространстве, не знает, где верх, где низ». Цель властей – «... остановить развитие и заморозить историю» [1].

Все население трех стран земли трудится над уничтожением и переделкой всех документов, свидетельствующих о прошлом, чтобы подогнать их под настоящее: «Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее». Эту же цель преследует введение «новояза». Реально меняющийся мир считается неизменным, а Старший Брат – вечным. Партийный лозунг: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» – стал продолжением той истории, которая, по А.П. Платонову, была начата «подлым неудачником», выдумавшим будущее для того, чтобы воспользоваться настоящим. У Е.И. Замятина можно найти прообразы всех этих противоборств с прошлым, описанных в последующих антиутопиях. В романе «Мы» прошлое человечества собрано в древнем доме, где можно узнать историю (это не предсудительно, как у О. Хаксли). Сама же история делится на «времена доисторические» и неизменную современность: города, окруженные Зеленой Стеною. Между ними прошла Двухсотлетняя война.

Примечательно во всех вышеназванных романах отношение к книгам как к хранилищам прошлого. У Е.И. Замятина гибнут исторические памятники и не читаются «древние» книги. У О. Хаксли подобные книги заперты в сейфе Главного управителя. У Дж. Оруэлла их переводят на «новояз», тем самым не просто изменяя, а намеренно разрушая их смысл.

К категории прошлого и потому уничтожаемого относятся такие понятия, как любовь, семья и родители. Любовь упраздняется во всех антиутопиях. Герои «Чевенгура» отказываются от любви, как от стихии, мешающей товарищескому соединению людей: «...Всегда бывала в прошлой жизни любовь к женщине

и размножение от нее, но это было чужое и природное дело, а не людское и коммунистическое...»; «...это буржуазия живет для природы: и размножается, а рабочий человек живет для товарищей: и делает революцию» [5]. Даже пролетариат рождается «не от любви, а от факта».

Ближе всего к идеологии советского общества – идеология мира Дж. Оруэлла. Что немудрено, поскольку к моменту публикации «1984» советское общество со своими идеями существовало уже 30 лет. Эти идеи являли собой идеи чевенгурцев, воплощенных в жизнь: семья нужна только для создания детей (зачатие – «наш партийный долг»); «половое сношение следовало рассматривать как маленькую противную процедуру, вроде клизмы»; отвращение к сексу культивировалось у молодежи (Молодежный антиполовой союз), даже в одежде нет половых различий [5]. Не случайно, в мире Дж. Оруэлла любовь, как душевные отношения между мужчиной и женщиной, вообще не существует. Поэтому партия и не борется с любовью, не усматривая в ней своего врага: «Главным врагом была не столько любовь, сколько эротика – и в браке, и вне его» [1].

Почему в описанном Дж. Оруэллом и А.П. Платоновым обществе любовь-эрос оказывается не востребованной? Ответ дает сам Дж. Оруэлл: «Когда спишь с человеком, тратишь энергию; а потом тебе хорошо и на все наплевать. Это им – поперек горла. Они хотят, чтобы энергия в тебе бурлила постоянно. Вся эта маршировка, крики, махание флагами – просто секс протухший. Если ты сам по себе счастлив, зачем тебе возбуждаться из-за Старшего Брата, трехлетних планов, «двухминуток» ненависти и прочей гнусной ахинеи. Между воздержанием и политической правоверностью есть прямая и тесная связь. Как еще разогреть до нужного градуса ненависть, страх и кретинскую доверчивость, если не закупорив наглухо какой-то могучий инстинкт, дабы он превратился в топливо? Половое влечение было опасно для партии, и партия поставила его себе на службу» [1].

Одна и та же идея – уничтожение любви как основы семьи и семьи как связи между детьми и родителями – преследует одну и ту же цель: разрыв между прошлым и будущим. Но достигается эта цель по-разному во всех упомянутых антиутопиях. Метод

внутренней партии Дж. Оруэлла, как уже было сказано, является естественным продолжением идей чевенгурцев, а методы героев Е.И. Замятина и О. Хаксли одинаковы: не сублимировать секс, а отделить его как физиологическую составляющую любви от ее душевной составляющей. Результат оказывается таким же: у обитателей «дивного нового мира» нет понятия «любовь»: «...Нет у них ни жен, ни детей, ни любовей – и, стало быть, нет треволнений...» [9]. Секс («взаимопользование») – это нормально и здорово. Слово «любовь» есть, но оно означает «секс». Если возникает потребность в душевных переживаниях, применяется заменитель бурной страсти (нечто вроде гормонов в таблетках). В стеклянном мире Е.И. Замятина любовь, как и в «дивном новом мире» О. Хаксли, подменяется сексом. Семьи как таковой не существует, только сексуальные партнеры.

Отношение общества к понятиям «родители» и «дети» – индикатор отношения к прошлому и будущему. Дети – это, с одной стороны, будущее, которое в «идеальном мире» не должно отличаться от настоящего, с другой стороны – связь с прошлым, которую надо разорвать. «В очерченных антиутопистами мирах, – утверждает И.Б. Роднянская, – родительский принцип исключен. ...Общий замысел – начать с нуля, разрывая с кровной традицией, обрывая органическую преемственность; ведь родители – это ближайшее звено прошлого, так сказать, его «родимые пятна» [10]. Разрыв между отцами и детьми происходит через разрушение семьи. В романе О. Хаксли, как и в романе Е.И. Замятина, дети рождаются искусственно и воспитываются вне семьи. В стеклянном мире Е.И. Замятина матерей, которые самовольно рожают детей, убивают, в «дивном новом мире» – высмеивают. Слова «мать» и «отец» в мире, созданном О. Хаксли, – грубые ругательства. В романе Дж. Оруэлла дети рождаются и растут в семьях, но воспитываются непосредственно обществом (воспитательными организациями): «Половое влечение было опасно для партии, и партия поставила его себе на службу. Такой же фокус проделали и с родительским инстинктом. Семью отменить нельзя; напротив, любовь к детям, сохранившуюся почти в прежнем виде, поощряют. Детей же систематически настраивают против родителей, учат шпионить за ними и доносить об их отклонениях.

По существу, семья стала придатком полиции мыслей. К каждому человеку круглые сутки приставлен осведомитель – его близкий» [1]. В недалеком будущем партия собиралась окончательно отделить детей от родителей: «Мы разорвали связи между родителем и ребенком, между мужчиной и женщиной, между одним человеком и другим. Никто уже не доверяет ни жене, ни ребенку, ни другу. А скоро и жен и друзей не будет. Новорожденных мы заберем у матери, как забираем яйца из-под несушки» [1].

В обществе Чевенгур наличие детей и их воспитание не предусмотрено. Товарищество чевенгурцев называется семейством, и для существования этого семейства не имеет значения, каков пол и возраст его членов: «...Что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями?». Чевенгур населяется «прочими», о которых Прокофий говорит, что они – «безотцовщина» [5]. Даже женщины, пришедшие в Чевенгур для создания семей, должны стать не женами, а сестрами и дочерьми «прочих». Но невозможно в человеке уничтожить тоску по родству, жажду душевной близости с матерью, отцом, сыном, дочерью или супругом. Эта тоска заставляет чевенгурцев искать жен, героев Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла – тосковать по матерям: «Если бы у меня была мать – как у древних: моя – вот именно – мать. И чтобы для нее я – не строитель «Интеграла», и не номер Д-503, и не молекула Единого Государства, а простой человеческий кусок – кусок ее же самой...», – мечтает герой романа Е.И. Замятина [8].

О телесной близости матери и младенца рассуждают и герои О. Хаксли: «Что за чудесная, тесная близость существ. И какую она должна порождать силу чувства! Я часто думаю: быть может, мы теряем что-то, не имея матери. И возможно, ты теряешь что-то, лишаясь материнства» [9]. Эта тоска по родству – часть той силы, которая размыкает замкнутые пространства и разрушает вечное настоящее антиутопий; той силы, благодаря которой в «идеальный» мир врывается прошлое и будущее. Эта сила – душа. Только ее обнаружение может разрушить стройную концепцию утопического мира и само утопическое сознание, которое наличие души не предполагает. Именно обнаружение и проявление души создает сюжетную динамику, отличающую антиутопию от утопии.

Душа – особый мир со своим пространством и временем (хронотопом). Обретая собственную душу, персонаж антиутопии становится способен подорвать устои и разрушить хронотоп «идеального мира» – замкнутость пространства и статичность времени. Во всяком случае, подорвать идейно. Душа может либо зародиться у члена «идеального общества», либо прийти в «идеальный мир» извне, как дикарь из резервации, но в любом случае появление души – это вторжение сложного внутреннего мира во внешний, «идеально» простой.

В «идеальном обществе» внутренний мир человека – это нечто лишнее, ненужное и вредное, несовместимое с этим обществом. В романе Е.И. Замятина душа – это «древнее, давно забытое слово». Душа – это когда «плоскость стала объемом, телом, миром». Таким образом, «плоскость» разума Е.И. Замятин противопоставляет «объему» души. А в романе О. Хаксли душа называется «фикцией», которую дикарь «упорно считает существующей реально и помимо вещественной среды...» [9].

Таким образом, мы приходим к выводу, что антиутопия XX века имеет предостерегающий характер для общества. Общество должно помнить о важности духовной составляющей как личности, так и общества в целом. И не терять основные человеческие ценности установленные веками. В антиутопиях описывается самое страшное, что может произойти с обществом. Исходя из этого, мы можем понять, чего делать не стоит в процессе прогресса.

Литература

1. Оруэлл Дж. 1984. М., 1990.
2. Джемилева Л.Л., Норец М.В. Жанр антиутопия. Основные черты в творчестве Джорджа Оруэлла // Аллея Науки. Научно-практический электронный журнал. 2018. Т. 2. № 6. С. 135–139.
3. Лазаренко О. Вперёд смотрящие (О романах-антиутопиях О. Хаксли, Дж. Оруэлла, А. Платонова). Международный культурный портал. URL: <http://mdeksperiment.org/post/20180218-vperyod-smotryashie>.
4. Оруэлл Дж. Рецензия на «МЫ» Е.И. Замятина. URL: <http://drampush.ru/news/3013>.

5. *Платонов А.П.* Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / под ред. Н.М. Малыгиной. М., 2011.

6. *Филенко О.Н.* Покоряя пространство и время... (Роман Е.И. Замятина «Мы» и его роль в становлении жанра антиутопии). URL: <https://md-eksperiment.org/post/20160424-pokoryaya-prostranstvo-i-vremya-roman-e-i-zamyatina-my-i-ego-rol-v-stanovlenii-zhanra-antiutopii>.

7. *Замятин Е.И.* Мы // Избранные произведения. М., 1989.

8. *Хаксли О.* О дивный новый мир: роман. М., 2017.

9. *Роднянская И.Б.* Движение литературы. Том II. URL: <https://lit.wikireading.ru/41123>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Актуальность темы обусловлена тем, что большую часть общества составляет молодежь, поэтому вопрос, связанный с ролью молодежи в общественной жизни, является очень актуальным.

Существует большое разнообразие определений понятия «политическая активность». Российский политолог Д. Ольшанский предоставляет такое определение официальной деятельности: это деятельность официальных групп или индивидов. Его стремление к активному участию в защите своих прав и интересов [1].

Причины, определяющие специфику политической активности молодого поколения, можно объединить в две группы. Первую группу представляют объективные факторы. К ним относятся возрастные особенности:

- подвижность сознания;
- подверженность манипулированию вследствие отсутствия необходимого опыта;
- нестабильное материальное положение;
- сложность трудоустройства;
- низкие доходы;
- уровень социально-экономического развития государства.

Вторая группа объединяет в себе субъективные факторы, в частности:

- степень доверия к институту государственной власти;
- уверенность в завтрашнем дне;
- степень интереса к политическим событиям и т. д.

Молодые люди часто исключаются или игнорируются как политические кандидаты. Политику обычно рассматривают как пространство для политически опытных мужчин, и, хотя женщины часто оказываются в невыгодном положении при накоплении опыта для избрания на должность, молодые люди систематически подвергаются маргинализации из-за своего молодого возраста, ограниченных возможностей и предполагаемого отсутствия опыта. Поскольку расширение политического участия женщин при-

носит пользу обществу в целом, присутствие молодежи на руководящих должностях приносит пользу всем гражданам, а не только молодежи.

Низкая заинтересованность молодежи в социальной сфере жизни общества обусловлена рядом причин. Во-первых, жизненные интересы: особенно подростки акцентированы на появление во взрослой жизни, и их социальный опыт достаточно низок и ограничен до межличностных и внутрисемейных коммуникаций. Тем не менее, социальные связи расширяются. Например, в младшей возрастной группе молодежи 17–20 лет – 41 %, в средней (21–23 года) – 48 %, в старшей (24–26 лет) – 57 %. Причем, в старшей группе доля интересующихся политикой превосходит число тех, кто ею не интересуется (57 % против 42 %). Сейчас молодежь больше озабочена проблемой самореализации; получить образование и достойной профессии [2].

Помимо всего этого, многие молодые люди с детства не уверены, останется ли Земля пригодной для жизни к моменту выхода на пенсию. Мрачный прогноз об одном только изменении климата оправдал бы некоторый нигилизм. Более чем апатия нигилизм или размежевание, безнадежность преследует молодежь. И чтобы преодолеть эту безнадежность, нужно проявить сочувствие и прояснить, что наши кризисы несут союзники всех возрастов. Кроме того, старшему поколению необходимо, наконец, прекратить зажигать молодых людей рассказами о несчастьях предыдущих поколений и о том, как они их преодолевали.

Участие в политике сложно и часто страшно. Большинство из политиков не просыпаются и вдруг становятся политическими организаторами. На самом деле, даже после того, как вы стали политически осведомленными, не сразу понятно, как на самом деле участвовать в нашей сложной политической системе.

Нужно, чтобы люди старшего поколения были наставниками, помогали политическим новичкам в процессе вовлечения. Наставничество – это большой шаг, который каждый может предпринять немедленно, чтобы раз и навсегда покончить с критическими барьерами на пути участия молодежи.

Политики должны признать эту ситуацию и поддержать участие молодежи в политической жизни, принимая во внимание ис-

пользование новых технологий и социальных сетей. В противном случае они рискуют потерять связь с большей частью общества.

Возможны следующие действия, результаты, которых благоприятно отразятся на данной проблеме:

1. Выравнивание минимального возраста для голосования и минимального возраста для участия в выборах;

2. Введение квот для молодежи и женщин в избирательное законодательство;

3. Выявление и устранение конкретных правовых барьеров для участия молодежи, таких как облегчить регистрацию молодежных организаций [3].

Активное участие молодежи в демократии имеет важное значение, если мы хотим построить более демократичные, инклюзивные и процветающие общества. Однако участие в демократии – это больше, чем голосование или выдвижение на выборах. Участие подразумевает право, возможность и поддержку участвовать в принятии решений и влиять на них, а также вовлекать их в действия и действия, направленные на построение лучшего общества.

В наши дни молодежь скорее критична, чем апатична. Неверно, потому что молодежь не интересуется политикой. Однако они считают, что политическое «предложение» не соответствует их заботам, идеям и идеалу демократической политики. Они считают, что их приоритеты недооцениваются в политических дебатах.

Голосование среди молодежи может быть ниже, чем у взрослых. Однако есть и другие способы участия молодежи в демократической жизни. Молодые люди расширили свое участие до различных видов, в том числе нетрадиционных. Например, путем волонтерства, участия в демонстрациях и выражения своих политических взглядов в онлайн-СМИ. Они считают это эффективным способом сделать свой голос услышанным.

Даже если люди младше 25 лет составляют более половины населения, во многих развивающихся странах молодые люди участвуют меньше, чем пожилые граждане, в большинстве формальных политических процессов, таких, как выборы [4]. Это ставит под сомнение репрезентативность политической системы и ведет к лишению гражданских прав молодых граждан. Он может также укрепить стереотипы, которым подвержены молодые

люди, не заинтересованные в политических вопросах, как объекты социальной политики или как нарушители спокойствия [5].

В конце можно сказать, что молодые люди также разнообразны, как и взрослые. У них есть политический интерес, а также представление о том, как наилучшим образом повлиять на жизнь их политической системы. Они формируют участников демократии. Но они часто чувствуют, что их приоритеты недооцениваются в политических дебатах. Кроме того, молодые люди полны хороших идей о том, как улучшить свое представительство и демократическую систему в целом.

Литература

1. *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.

2. *Дзялошинский И.М.* Медиа и социальная активность молодежи. URL: <http://mic.org.ru/2012g/3-nomer-2012/134-media-i-sotsialnaya-aktivnost-molodezhi>.

3. *Буш К.А.* Анализ активности молодежи в политической жизни страны: Украина, Россия, Польша. URL: <https://moluch.ru/archive/103/23323>.

4. NDI supports young people to channel their energy, creativity and aspirations to become political leaders and activists. URL: <https://www.ndi.org/what-we-do/youth-political-participation>.

5. Revisiting youth political participation, Strasbourg Cede. URL: https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261662/Revisiting_youth_politica.pdf/5476c081-1a5d-4139-96f7-2ada7bcc2766.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Политический процесс, на который влияют различные социальные и экономические факторы, и средства массовой информации играют важную роль в формировании социального контекста, в котором разрабатывается политика. Через средства массовой информации граждане узнают, как государственная политика повлияет на них, а правительства получают отзывы о своей политике и программах. Средства массовой информации выступают в качестве основного канала между теми, кто хочет влиять на политику, и политиками, контролирующими масштабы политического дискурса и регулирующими поток информации. При разработке политических процессов следует упорядоченная последовательность, в которой выявляются проблемы, разрабатываются решения, принимаются, реализуются и, наконец, оцениваются проблемы. На самом деле, политический процесс становится более плавным там, где политика формируется за счет борьбы идей различных правозащитных коалиций. Политика, на которой сосредоточены средства массовой информации, может и часто играет важную роль в определении основных вопросов для политиков [1].

В прошлом считалось, что влияние СМИ на политику происходило прямым образом, а журналисты были четко отделены от процессов управления. Расследования в средствах массовой информации (инициированные общественным мнением) вызывают широкие изменения в общественном мнении, затем граждане организуют и коллективно оказывают давление на правительство, которое капитулирует перед народным давлением и проводит соответствующие реформы государственной политики. Эта простая линейная модель была недавно описана как «Модель мобилизации», в то время как в прошлом ее называли «Народная мобилизация» или «Общественная пропаганда». Эта модель предполагает сильную демократическую роль граждан в процессах формирования политики, роль, которая была оспорена рядом политологов, предполагающих, что группы с особыми интересами

и другие политические элиты доминируют в процессах формирования политики, а не в обществе [2]. Изменения в выработке политики часто происходят независимо от реакции общественности на активную отчетность. Подготовка к публикации двух групп (журналистов и политиков) может быть реальной движущей силой политических программ, а не общественного мнения. Предварительные знания о предстоящем внимании средств массовой информации часто позволяли политикам использовать негативное внимание средств массовой информации в качестве политических возможностей. Таким образом, политики могут управлять своим освещением в СМИ, чтобы максимизировать позитивную рекламу своей политики.

СМИ влияют на государственную политику:

1. Особое внимание уделяя вопросам.
2. Формируя общественное мнение путем воздействия на взгляды и убеждения.

3. Предоставляя информацию лицам, определяющим политику.

Средства массовой информации стали жизненно важной силой для легитимации государственных учреждений и свободного предпринимательства. Обе стороны выигрывают, участвуя в коалиционной журналистике. Журналисты получают проверенную информацию и признание, предоставляя важную легитимную историю, в то время как политики получают гласность для своих политических программ. Возможно, единственным проигравшим является публика, которая в конечном итоге теряет сложные формы журналистики [3].

Таким образом, по мере того, как журналистика коалиции становится все более институционализированной, широкая общественность все больше продвигается к краям процессов разработки политики, оставляя все больше и больше склонных к манипуляциям со стороны как СМИ, так и политиков. Средства массовой информации могут легко ввести в заблуждение зрителей относительно успеха или провала, скажем, природоохранной политики: создавая необоснованное давление для политиков, которые могут чувствовать необходимость изменить эффективную политику для защиты своего общественного положения, или мешать другим политикам искать решения для неэффективной политики.

Это влияние средств массовой информации на политиков усиливается, если оно запланировано накануне выборов, особенно если данный политик не имеет явной общественной поддержки.

Интернет медленно трансформирует средства массовой информации, потому что все больше людей полагаются на онлайн-источники новостей вместо традиционных печатных и вещательных СМИ. Люди во всем мире, особенно молодежь, в настоящее время пользуются знакомыми традиционными средствами массовой информации, но также обращаются к уникальным источникам новостей в интернете, таким как блоги. Веб-сайты могут предоставлять текстовую, аудио- и видеoinформацию – все способы передачи традиционных средств массовой информации. Интернет также обеспечивает более интерактивный подход, позволяя людям индивидуально адаптировать новости, которые они получают через персонализированные веб-порталы, группы новостей, подкасты и RSS-каналы¹.

Ведущие блоггеры пишут свое мнение по различным вопросам, и тысячи людей отвечают на форумах. Хотя многие блоги очень пристрастны и неточны, некоторые из них сыграли важную роль в создании больших историй. В последние несколько лет социальные сети, вызванные Интернетом, испытали экспоненциальный рост популярности. Хотя во многих развивающихся странах он до сих пор широко не признается в качестве средства массовой информации, использование интернета значительно возросло за последние десять лет после увеличения проникновения среди населения мира [4].

Хотя интернет также может использоваться в качестве способа личного общения, сегодня он является важным средством массовой информации, поскольку предоставляет широкий спектр информационных ресурсов и услуг. Сайты социальных сетей,

---

¹ RSS – семейство определенных форматов, предназначенных для описания лент новостей, анонсов статей, изменений в блогах и т. п. Информация из различных источников, представленная в формате RSS, может быть собрана, обработана и представлена пользователю в удобном для него виде специальными программами-агрегаторами или онлайн-сервисами.

блоги и личные / частные / публичные веб-сайты предоставляют средства для общения, передавая информацию остальному миру простым и эффективным способом. Социальные медиа-платформы, такие как Twitter, YouTube, Facebook, Whatsapp, Instagram и тому подобное, быстро становятся основным источником информации для общественности. Благодаря своему глобальному охвату и неограниченному доступу, в наши дни это популярный выбор в качестве средства массовой информации.

В течение большей части времени вне предвыборных кампаний роль СМИ в формировании политики больше связана с производством элиты, чем с массовыми формами согласия. Основной целью освещения в СМИ является элитная аудитория, которая может напрямую влиять на политику. Второй целью является общественное мнение. Получение согласия элиты также, по видимому, является основной целью коалиционной журналистики, которая, прежде всего, служит политическим деятелям и интересам СМИ перед обществом.

Медийные корпорации, выступающие в качестве мощных корпоративных органов, взаимодействуют с политическими деятелями, имеющими полномочия для определения как политических программ, так и законных условий обсуждения. Если есть достаточные разногласия в отношении условий дебатов между основными политическими партиями, то в таких ограниченных условиях могут начаться ожесточенные публичные дебаты (ограниченные общепринятыми истинами). Однако, когда официальные оппозиционные голоса объединены, маловероятно, что средства массовой информации будут оспаривать их, а политические вопросы будут решительно поддерживаться официальными политическими позициями

Основанные на принципах свободы слова и частной собственности, средства массовой информации широко рассматриваются как «Fourth Estate» («четвертое сословие», в данном случае понимается как «четвертая власть») правительства, ответственного за исполнительную, законодательную и судебную ответственность в рамках демократического процесса.

Литература

1. Стрёмберг Д., Снайдер Дж. Влияние СМИ на государственную политику. URL: https://www.marketing.spb.ru/mr/media/public_choice.htm.
2. Роль СМИ в политике. URL: <https://foxford.ru/wiki/obshchestvoznaniye/rol-smi-v-politike>.
3. Влияние СМИ на политическую жизнь. URL: https://studbooks.net/706301/zhurnalistika/vliyanie_politicheskuyu_zhizn.
4. How Social Media Has Changed Politics, Tom Murse. URL: <https://www.thoughtco.com/how-social-media-has-changed-politics-3367534>.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО И ИНДИВИДА

Современный мир перешел на уровень глобального информационного общества, где происходит формирование новых ценностей, приоритетов, стремительно меняются стандарты культурных взаимоотношений. К сожалению, этот процесс не всегда имеет позитивное содержание. Сегодня можно наблюдать как неконтролируемый поток информации, направленный на сознание общества, приводит к деформации морально-нравственных ценностей и духовных ориентаций.

Как известно, массовая коммуникация – это исторически сложившийся и развивающийся во времени технически опосредованный процесс создания, хранения, распределения, распространения, восприятия информации и обмена ею между социальным субъектом и объектом. На современном этапе СМК превратились из простых средств поиска, переработки и передачи информации в механизм контроля и трансформации духовного мира человека. Вместо того, чтобы расширять горизонты развития человеческого сознания, давать ему суверенность и независимость в суждениях, современные СМИ все жестче манипулируют массами с помощью растиражированных стандартов поведения. Стараясь донести до потребителя информацию, СМИ выполняют свою важнейшую задачу – сделать так, чтобы в массовом сознании эта информация вызвала реакции, соответствующие требованиям заказчика, в лице которого могут выступать как частные лица, так и государственные институты.

Широкое разнообразие СМК, казалось бы, должно вести к индивидуализации характера, деятельности и сознания человека, давать ему возможность выбора, но, на наш взгляд, это только иллюзия, у человека нет выбора. Подавляющее число людей смотрит телевизионные программы в том порядке, который утвержден регламентом телекомпаний. Они читают статьи в журналах и газетах, которые читает большинство других людей, слушают те же радиопередачи и информационные выпуски.

Сложившаяся ситуация порождает неоднозначность оценки СМК. С одной стороны, развитие массовой коммуникации и СМИ положительно влияет на осведомленность индивидов об окружающем мире, но в тоже время за их работой стоит фактор манипуляции сознанием масс. Именно СМИ и массовая коммуникация провоцируют массовизацию личности, стандартизируют взгляды, поведение людей, вырабатывают единообразие их реакций. Однажды Уинстон Черчилль сказал, что тот, кто владеет информацией, владеет миром. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что тот, кто контролирует СМИ, способен активно влиять на воззрения людей, их поведение и в целом на массовое сознание в обществе.

Благодаря Интернету, охват аудитории возрастает в несколько раз, в первую очередь благодаря различным гаджетам. Можно сказать, что на смену компьютерной революции пришла «гаджетовая» революция. Сегодня наличие гаджета и возможность выхода в Интернет-пространство является частью массовой культуры и важным фактором формирования духовных ценностей молодежи [1, с. 35]. Один из теоретиков сетевого общества Мануэль Кастельс описывает сетевое общество как «общество, в котором ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [2]. Сетевое общество неотделимо от информационного. Отличительной особенностью первого от второго является не просто примат информации, но и возможность ее обмена. Таким образом, на первый план выходят средства массовой коммуникации, которые наряду со способами передачи информации входят в понятие «медиа».

Свободный доступ в интернет-источники может иметь разные последствия. Например, суицидальные действия, совершаемые молодежью. Конечно, увеличение количества самоубийств, на наш взгляд, не стоит связывать исключительно с влиянием средств массовой коммуникации. Здесь оказывают влияние также особенности социализации, уровень аналитических способностей, эрудиции. Воздействие на общество проявляется в определенных условиях, а зрители могут по-разному реагировать на одно и то же сообщение.

Подробно об этом пишет Роберт Чалдини в книге «Психология влияния». Он приводит в качестве примера исследование Дэ-

вида Филлипса, который заметил связь между освещением в СМИ информации о самоубийствах и увеличением числа самоубийств, а также крушениями транспорта, ссылаясь на «феномен Вертера» (после выхода книги «Страдания юного Вертера» по Европе прокатилась волна самоубийств). Проведенное им исследование показало, что сразу после публикации на первых страницах газет рассказа о самоубийстве, число совершаемых самоубийств резко увеличивается в тех районах, где данный случай получил массовую огласку. Автор считает, что некоторые неуравновешенные люди, прочитав о самоубийстве какого-либо человека, убивают себя в подражание ему. «Это еще одна иллюстрация принципа социального доказательства – люди решают, как им следует поступать в сложных обстоятельствах на основании того, как действовали некоторые другие люди, испытывавшие трудности» [3, с. 163].

Можно предположить, что благодаря СМК молодежь пытается копировать не только положительные формы поведения в обществе, но и отрицательные. К примеру, в 2018 году в Кыргызстане, по данным МВД, покончили жизнь самоубийством 88 детей. Попыток же суицида было еще больше. Пик суицидов среди несовершеннолетних пришелся на 2013 год, когда счеты с жизнью свели 125 человек. После этого статистика пошла на убыль – до 95 случаев в 2016-м. В прошлом году ушли из жизни 54 юноши и 34 девушки. Из них 83 учились в общеобразовательных школах, трое – в лицеях и колледжах, двое нигде не учились и не работали. Больше всего случаев зарегистрировано в Чуйской (19), Ошской (19) и Джалал-Абадской (15) областях.

В ходе расследований установлены причины самоубийств. Лишь один случай был из-за проблем с учебой, шесть – из-за неразделенной любви, восемь – из-за болезни (психические расстройства, слышали голоса). Большая часть детских самоубийств (70 случаев) произошла из-за ссоры с родителями. По двум фактам (оба в Ошской области) возбуждено уголовное дело по статье «Доведение до самоубийства». Одно дело направлено в суд, по второму идет расследование [4].

Одно из объяснений необходимости подражать кому-либо, – считает Р. Чалдини, – связано с теорией социальных доказа-

тельств, «которая утверждает, что многие люди, особенно неуверенные в себе, склонны подражать поведению других» [3, с. 66]. «Когда люди не уверены, – продолжает исследователь, – они обращают особое внимание на действия других, чтобы руководствоваться ими в своих собственных действиях» [3]. Наиболее внушаемы и не уверены в себе молодые люди. Данный феномен происходит из-за того, что молодежь активно использует различные социальные сети и мессенджеры. Многие молодые люди уже не смотрят телевизор, так как через социальные сети можно получить любую информацию. Приведем данные отчета, опубликованного общественным фондом «Институт Медиа Полиси» в рамках проекта «Исследование по оценке уровня медиаграмотности населения Кыргызстана». В отношении социальных сетей наиболее популярным источником является:

- Youtube – 77,1 % ответов;
- «Одноклассники» – 64,5 %;
- Instagram – 39,6 %;
- Facebook – 22,6 %;
- Twitter – 2,3 %;
- VKontakte – 1,2 %.

Использование социальных сетей и мессенджеров в возрастном разрезе выглядит следующим образом:

- максимальное использования мессенджера WhatsApp приходится на возрастную категорию от 16 до 42 лет;
- социальные сети Youtube и Facebook с одинаковой частотой используют во всех возрастных категориях;
- социальную сеть «Одноклассники» используют в возрастной категории от 19 до 42 лет;
- Instagram – от 16 до 33 лет;
- мессенджер Facebook – от 19 до 42 лет;
- Twitter – от 19 до 24 лет;
- VKontakte – от 16 до 18 лет [5].

Таким образом, благодаря расширению возможностей СМИ, а также появлению новых средств коммуникации, каждый человек через социальные сети и мессенджеры интегрирован в информационные процессы. В отличие от общества индустриально-

го общества, где информация и знания генерируются ограниченным кругом лиц, в современном обществе каждый индивид может создавать знания и передавать информацию с помощью технических средств коммуникации.

Другая особенность информационного общества заключается в том, что преобладающие в нём ценности потребления способствуют инфантилизации молодежи. Молодые люди, инфантильные и неуверенные в себе, склонные к внешнему влиянию, получая доступ к виртуальной реальности становятся зависимыми от мнения Интернет-сообщества. Поколение современных молодых людей – это поколение Z или iGen, социализация которого с раннего возраста происходит среди современных средств массовой коммуникации. Большую часть времени пребывания в Интернете молодые люди тратят на общение со сверстниками. Однако, несмотря на это, они чувствуют себя более одинокими по сравнению с предыдущими поколениями молодых людей.

Опасность, на наш взгляд, представляют не технические средства коммуникации или сеть Интернет, а «нежелательная» информация, транслируемая СМК, так как молодые люди, особенно неуверенные в себе, склонны к внушению и подражанию. При этом они пытаются быть похожими на наиболее растиражированные образы. Поэтому широкое освещение жестокости, насилия, убийств и самоубийств в СМК способствует увеличению числа подобных действий со стороны зрителей. Данный факт наиболее проявлен в голливудских фильмах, которые широко демонстрируются и на территории Кыргызстана. Поскольку хорошее профессиональное кино не приносит большой прибыли, в массовом прокате лидируют кассовые фильмы, в сюжете которых много насилия, жесткости и других негативных факторов.

По мере развития информационных технологий возникают специфические свойства информационно-технологической парадигмы (сетевая логика, гибкость, проницаемость коммуникации и т. п.), которые требуют от человека новых психоэмоциональных качеств: информационной толерантности и информационной активности. Как показывают социологические и психологические исследования, лишь относительно небольшая часть общества

успешно адаптируется к изменениям, обусловленным сетевой логикой информационного общества. Уделом других становится психосоматическая дезадаптация личности, зачастую выражающаяся в невротизации и депрессии.

Закономерно возникает вопрос о трансформируемости сознания личности. Под воздействием СМК ценности и культурные ориентации меняются с поразительной быстротой. Стандартизированная, информационно-зависимая личность не свободна в выборе информации и тех продуктов культуры, которые ей предлагаются, а по сути навязываются. Безусловно, массовый индивид обладает достаточным количеством прав и свобод, однако стандартизированность, запрограммированность его мотивации исключает чувство осознания собственной значимости, самооценности. Все это связано с функционированием современной массовой коммуникации, которая и формирует базу для так называемого эклектично-нетеоретического мышления [6].

В этой связи, хотелось бы обратить внимание на такой исторический факт, как работа советских СМИ во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Советская пресса призывала людей на подвиг, на самопожертвование, на преодоление невероятных трудностей. К выполнению этого идеологического задания были привлечены лучшие журналисты и писатели, которые талантливо, горячо и искренне писали о подвигах и героизме солдат, о трудностях и мужестве людей, об их стойкости и любви к Родине. И сами журналисты (особенно фотокорреспонденты и кинооператоры) часто рисковали жизнью, чтобы выполнить задание редакции, нередко случалось, что они погибали.

С момента начала и до окончания войны каждый день для миллионов советских граждан начинался и заканчивался сообщениями «Совинформбюро». Всего в годы войны прозвучало более двух тыс. ежедневных сводок и 122 сообщения «В последний час». Перестраивалась на военный лад и работа всех СМИ. В газетах и на Всесоюзном радио появились военные отделы. Их главная задача заключалась в том, чтобы показать коварные замыслы врага, раскрыть его захватнические планы по отношению к народам СССР, а также разъяснить населению и армии, что

война для нашего народа является справедливой, ибо призвана защищать Отечество от захватчиков.

В годы войны была создана сеть новых изданий, прежде всего фронтовых газет. Это были газеты военных подразделений всех уровней – армейские, бригадные, стрелковых, танковых, общевойсковых и специальных армий, войск противовоздушной обороны. Главной из них была «Красная звезда». В ней с началом войны начали печататься такие известные писатели и поэты, как А. Сурков, В. Гроссман, К. Симонов, А. Толстой, И. Эренбург и др. Главной целью этого мощного информационного воздействия было не только информирование населения о положении дел на фронте, о героизме солдат, но и призыв к оставшимся в тылу делать все возможное и невозможное для того, чтобы обеспечить армию всем необходимым. «Все для фронта, все для победы!» – этот лозунг определял главный смысл всех публикаций этого времени.

Необходимо подчеркнуть, что формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне во многом обеспечивается средствами массовой информации. Именно СМИ являются одним из обязательных условий того, чтобы новые поколения не забыли давно прошедшие события, детали которых постепенно стираются из памяти. Благодаря материализации носителей информации можно сохранить бесценные воспоминания ветеранов в культурной памяти общества. Сберечь фотографии, репортажи, мемуары и документальные свидетельства героизма наших предков в «информационном банке» данных СМИ.

Подводя итоги, можно сказать, что существует как негативное влияние медиа-культуры, так и позитивное, но чаще рассматривается негативное воздействие, которое провоцирует неправильные формы поведения в процессе социальной адаптации в обществе. Посредством СМК пропагандируются и закладываются определённые ценности, которые, в свою очередь, формируют соответствующие установки. Данная проблема должна быть предметом внимания ученых, педагогов для уменьшения вредоносного воздействия СМК. Эти проблемы необходимо решать ради блага нашего общества, несмотря на возможное противо-

действие. Реализованный интеллектуальный потенциал, здоровый образ жизни, высокий уровень моральных ценностей, должны быть приоритетным направлением в деятельности СМК.

Литература

1. *Карпова Е.Н.* Популярные СМИ и СМК в подростково-молодёжной среде и их влияние: кросс-культурный анализ // Социодинамика. 2018. № 6. С. 35–42.

2. Manuel Castells Interview. URL: <http://globetrotter.berkeley.edu/people/Castells/castells-con5.html>.

3. *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 2017.

4. В Кыргызстане совершено за год 522 самоубийства. URL: <https://rus.azattyk.org/a/29788875.html>.

5. Исследование по оценке уровня медиаграмотности населения Кыргызстана / Фонд «Сорос-Кыргызстан». Общественный фонд «Институт Медиа Полиси». Бишкек, 2018. URL: <https://studfile.net/preview/2425140/page:9>.

6. *Кузнецов Д.В.* Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания // Философия и общество. 2004. № 3.

СОВРЕМЕННЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЕГО ОСНОВАНИЯ

Понятие «Евразия» в социальной философии относительно новое, возникшее на рубеже XIX–XX веков. Географическое пространство, которое именуется сегодня Евразией, раньше называли просто Азией. Первый, кто назвал его Евразией, был австрийский геолог Эдуард Зюсс. Но это были чисто географические аспекты, и никакого социокультурного содержания он в данное понятие не вкладывал.

В этом плане примечательны идеи русского Евразийства, которые, напротив, под данным понятием имели в виду философский, социокультурный смысл. Русские евразийцы, оказавшись после революции 1917 года в чужеродной культуре, стремились к сохранению своей культурной идентичности. Это послужило толчком к осмыслению русскими эмигрантами того, что мы называем национальным характером или менталитетом, что объединяет разные народы евразийского пространства в одно целое.

Это «одно целое» один из представителей евразийства Н.Я. Данилевский называет культурно-историческим типом. Первый из пяти выводимых им законов исторического развития гласит: «Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества» [1, с. 113].

На основании сказанного возникает мысль о том, что эту идею можно распространить на большинство стран бывшего Советского Союза. Население бывшего СССР разговаривало на русском языке, и за 70 лет существования единого государства он стал неотъемлемой частью жизни людей, вжился в сознании.

Если обратить внимание на следующие законы исторического развития Данилевского то можно заметить еще несколько ин-

тересных моментов. Так второй закон гласит: «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [1, с. 113]. Распад СССР ознаменовал возникновение независимых, суверенных политических образований. Независимые республики стали объединяться в международные организации, такие как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. При этом целью этих интеграционных объединений является взаимная поддержка и развитие при условии политической независимости.

В этом смысле, следующие законы исторического развития являются еще более примечательными. Так, закон третий утверждает: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций». В законе четвертом говорится: «Цивилизация, свойственная каждому культурно историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств». Весьма интересная проекция на современную ситуацию.

Дополняет и переплетается с этими мыслями и идея «русско-тюрко-монгольского братства» «последнего евразийца» Льва Гумилева. Если Н.Я. Данилевский отвечает на вопрос «Что?» и «Как?» дается начало цивилизации, то Л.Н. Гумилев, применительно к евразийству отвечает на вопрос «Когда?» она возникает. Пересматривая историю взаимоотношений русского народа с кочевыми народами, конкретнее с татаро-монголами Л.Н. Гумилев пишет о сращении этих двух типов культур, кочевого и оседлого. В результате этой интеграции формируется «суперэтнос» выработавший евразийский дух [2]. Так исследователь указывает время, и пространство где возник народ, который является носителем евразийского духа. Или иначе, национальный характер, менталитет русского народа и был сформирован как евразийский. Хронологически это занимает примерно XIII–XV вв.

В данном классическом евразийстве кроется и отрицательный посыл, а именно понимание христианского православия как средоточия евразийской культуры, отводя туранскому элементу второстепенную роль. Такой подход основан на приоритете Русского мира как цивилизационной парадигме, возлагающей на Россию политическую объединительную функцию. Несомненно, Российская культура обладает высоким интеграционным потенциалом, но в то же время она сама является составной частью евразийской культурно-исторической общности. Евразия, – как справедливо утверждают А.Н. Насынбаев и Е.К. Курманбаев, – не синоним России, такое сужение панорамы было бы обидной участью великой идеи [3, с. 26]. Напротив, если понимать Россию как часть евразийского сообщества наряду с другими его членами, то допускается наличие некоей общей идентичности. В этой связи Н.С. Трубецкой говорил о «евразийском национализме», призывая к активному пробуждению национального самосознания с «установкой на симфоническое единство многонародной нации Евразии» [4, с. 98]. Эта идея евразийского национализма в противовес европейскому, претендующую на универсальность и отрицающую национальности, позволяет каждому члену этой нации оставаться самим собой. Кратко это можно высказать следующим выражением: «Единство в многообразии».

В принципе, многие исследователи связывают возникновение евразийской общности с расширением Российской империи на юго-восток евразийского континента, встречей русского народа с монголами и дельнейшим диалектическим развитием этого процесса, выраженным в виде строительства единого советского государства. Советский союз разлитую культурную смесь по всей своей территории привел в единую форму, сильно укрепил и развил, хотя и не без урона традиционной культуре.

Одним из основных стержней этого объединения явился русский язык, который в качестве нитки вдевался в рассеянные этнические камушки и собирал ожерелье вокруг азиатских гор, великих степей и северного леса. Как известно, мировосприятие осуществляется с помощью языковых конструкций. Благодаря единой лингвистической системе понятий окружающий мир соответствующим образом собирается в некое целое видение, и об-

ратно это видение транслируется через язык. Значимым результатом советского периода истории было формирование новой исторической общности людей – «советский народ», носитель «новой интернациональной культуры», «научной идеологии», сохранивший свои этнические корни [5].

Одним из самых сложных вопросов остается характеристика современного евразийского менталитета. Если в трудах классических евразийцев он понимался по своему, то в современной литературе мы имеем дело с другой интерпретацией. Это связано не только с ходом времени, но и тем, какое содержание вкладывают в это понятие представители разных государств.

Известно, что впервые идею евразийской интеграции предложил еще в 1990-е годы первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев, который и сегодня занимается продвижением своей идеи. Не случайно в этой стране активно ведутся научные исследования по различным аспектам данной проблемы. Так, казахский литературовед С.А. Каскабасов пишет: «На нынешнем этапе государствами чисто евразийского типа являются Республика Казахстан, Российская Федерация и Турецкая Республика» [6, 186]. Мы видим, что в этот перечень не включаются другие государства Центральноазиатского региона, например, Кыргызстан. Это, на наш взгляд, неверно. Другие исследователи ставят акцент на географическом аспекте рассматриваемой проблемы и включают в евразийское объединение Китай, Индию, Японию, Северную и Южную Корею и другие. Мы же под Евразией, прежде всего, понимаем социокультурное пространство, под которым подразумевается территория постсоветских стран, входящих в СНГ, и некоторых других, не входящих в эту организацию, но в культурном плане примыкающих к ним.

Для обоснования самобытности евразийского менталитета ведутся поиски духовной основы этого явления. Чтобы говорить об особенностях и самостоятельности евразийского менталитета, требуется указать специфику и обосновать ее. Одним из таких шагов является концепция В.И. Зорина и Т.К. Бурбаева о «мудрости» как духовной основы евразийского менталитета» [7, с. 49].

Исследователями противопоставляется культуре знания Мудрость, которая доминирует на западе с начала нового времени.

Речь идет о той мудрости, которая есть по сей день у восточных народов, а также утраченная на западе еще в древности, когда Пифагор сказал: «Я не мудрец, а всего лишь философ». Евразийская мудрость, по мнению вышесказанных авторов, включает в себя восточную мудрость и западное «рациональное знание» ибо это дух Евразии, вбирать в себя все самое лучшее [7, с. 49].

Насколько правильно «мудрость» выдавать как духовную основу евразийского менталитета? Во-первых, мудрость – это феномен, подобный общественному сознанию, имеющий некую систему, зачастую выступающий в качестве некоего учения, философской школы. Например, конфуцианство, джайнизм или другие.

Во-вторых, если это вполне допустимо, то чем тогда евразийский менталитет отличается от менталитета всего восточного мира, где мудрость, как ее понимают сами авторы, также является духовным основанием и лежит в основе человеческого бытия. Принять убедительным аргумент о заключении в себе Евразией восточного и западного типа мышления тоже не можем.

В этом плане показательны Китай и Индия, также вбирающие в себя элементы западного рационализма, что дает им бурное развитие. И их с таким же успехом можно будет назвать евразийскими цивилизациями. Таким образом, вопрос о различии Евразии от Азии остается открытым. Идея мудрости является общей для тех и других, но возможно есть специфические различия. Скорее всего, идея «мудрости» как духовной основы евразийского менталитета еще не развита достаточно убедительно, чтобы об этом заявлять. Элемент восточной мудрости, безусловно, есть в евразийской идее, но пока этот вопрос требует тщательного изучения.

Следует обратить внимание также на этническую составляющую понятия Евразия. Множество этносов, проживающих на континенте, делают культурную карту евразийского пространства очень пестрой. Кроме того, здесь кочевники и оседлые народы, кочевники вертикального типа и горизонтального, разного вероисповедания, от монотеизма до пантеизма и язычества.

Важно отметить, что у всех этих народов свой язык, который выражает их менталитет. И здесь правильно говорить о множестве менталитетов, закрепленных во множестве языков. Потаен-

ные элементы сознания народов Евразии (как, впрочем, и везде) всегда выражаются в родном языке, поскольку он отражает структуру мышления. Весь духовный мир раскрывается через родной язык. Специфические понятия в одном языке могут отсутствовать в языке даже родственных народов, а если и будут, то с иным значением.

В данном случае, даже русский язык не может служить универсальной формой выражения евразийской ментальности. Русский, как и любой другой язык, не будучи родным не может проникнуть в глубины сознания других народов. Менталитет же, как правило, может выражаться посредством своего «родного» языка, как связь архетипичного пласта и общественного сознания.

Русский язык выражает ментальность русского народа. Любой аспект языка – семантический, лексический, синтаксический, морфологический может стать источником информации о национальной ментальности. Так, А. Вежбицкая предлагает модель синтаксической типологии языков. По ее мнению, существуют два основных типа предложений о людях – номинативный тип, опирающийся на агентивную модель, и дативный, в соответствии с которым люди представлены как лица, не контролируемые события. Активная модель: я думаю, я хочу, я боюсь. Пассивная модель: мне думается, мне хочется, мне страшно [8, с. 96].

Русский язык, согласно этой типологии, тяготеет к пассивным безличным конструкциям. Активные конструкции в нем тоже имеются, но в повседневном общении употребляются реже. Таким образом, в языке фиксируются два разных подхода к жизни, один из них выразить фразой «я делаю», другой – «со мной происходит». Таким образом, в языке выражаются, фиксируются и передаются другим поколениям мировоззренческие ориентации, т. е. ментальность [9]. В этом плане, в казахском и кыргызском языках отсутствует пассивный залог, что косвенно может говорить о разных типах ментальности.

Но это не значит, что русский язык не может выражать ментальные особенности других народов. Наоборот, русский язык дополняет отсутствующие элементы духовного мира других культур. Например, современная наука, классическое искусство пришли к кыргызам с русским языком. Это способствовало раз-

витию самостоятельной рефлексии, хотя и на другом языке. Что интересно, русский язык способствовал появлению возможности изучать не только кыргызам, но и многим другим народам собственную традиционную культуру, историю на теоретико-методологическом уровне.

Русский язык играет важную роль на уровне общественного сознания. Он может объединять народы Евразии на уровне идеи, в том числе евразийской, давая возможность коммуникации, общения, взаимопонимания. На основе русского языка строятся политические диалоги между странами, экономические взаимодействия, культурный обмен, интеллектуальное обогащение. С помощью русского языка у центральноазиатских народов появилась возможность открыть для себя иные цивилизации, познать их культуру.

В этом смысле, евразийские народы объединяет многое в истории, культуре, но не менталитет. Менталитет в рамках евразийского пространства может объединять, например, кыргызов и казахов, потому что языки этих народов близки, чтобы понимать друг друга на уровне ментальности.

Евразия, таким образом, имеет политическую, экономическую общности, но на уровне ментальности она слишком многообразна. Однако, несомненно одно – евразийство является той политической идеей, которая может и должна послужить основой для дальнейшей интеграции народов Евразии. Это особенно важно, в современных условиях социального и экономического кризиса и необходимости сохранения основ духовной культуры.

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Благословение Институт Русской Цивилизации, 767 стр. 2011. URL: <http://www.klex.ru/h0p>.

2. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М., 2016.

3. *Насынбаев А.Н., Курманбаев Е.К.* Истоки евразийства в духовном наследии Чокана Валиханова // Идеи и реальность евразийства: материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социально-политического феномена». 11 декабря 1998 г. Астана; Алматы, 1999.

4. *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993.

5. Советский образ жизни. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

6. *Каскабасов С.А.* Евразийство в современном понимании // Идеи и реальность евразийства: материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена». 11 декабря 1998. Астана; Алматы, 1999.

7. *Зорин В.И., Бурбаев Т.К.* Мудрость как духовная основа евразийского менталитета // Идеи и реальность евразийства: материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена». 11 декабря 1998. Астана; Алматы, 1999.

8. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

9. *Стрельник О.Н.* Ментальность как проблема философии и науки // Вестник РУДН, серия Философия. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnost-kak-problema-filosofii-i-nauki>.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ»

В современном мире понятие политического имиджа играет значительную роль и является неотъемлемой частью политической коммуникации. Формирование положительного политического имиджа является одной из главных задач PR-служб. Имидж политического деятеля в настоящее время становится предметом пристального внимания и изучения зарубежных и отечественных ученых и политиков. Это подтверждается большим количеством публикаций о политическом имидже. К их числу можно отнести работы таких авторов, как: С. Голдмен, В.Г. Зазыкин, Е.В. Егорова-Гантман, С.М. Невзоров, О.А. Феофанов, А.А. Гостев, А.А. Деркач, А.Ю. Панасюк, Е.В. Селезнева, Н.П. Попов, П.С. Гуревич, И.Г. Дубов, С.Р. Пантелеев, Г.Г. Почепцов и др.

Как самостоятельное понятие «политический имидж» возникло в связи с демократизацией политических процессов в мире. Именно организация демократических выборов и накопившийся в этой сфере опыт способствовали появлению большого количества изданий, посвященных проведению избирательных кампаний [1, с. 84–92].

Вместе с тем, в большинстве существующих определений данного понятия рассматриваются только те характеристики, которые описывают эмоционально окрашенный образ объекта. Обратимся к словарю по политологии В.Н. Коновалова, где политический имидж представляется «как образ политического лидера, который складывается в общественном мнении и сознании, оказывая воздействие на авторитет и рейтинг его обладателя. Он может возникать стихийно, без усилий со стороны личности либо при помощи особых средств силами PR-специалистов». Согласно В.Н. Коновалову, «политический имидж может существовать в общественном мнении на трех уровнях: рациональном (при воздействии программы, выступления), эмоциональном (насколько можно влиять на психоэмоциональное состояние общества), чувственном (внешний облик, поведение, манеры)» [2].

В большом толковом словаре имидж – это «образ, мнение, представление, сложившиеся в обществе о каком-либо человеке, организации, товаре» [3].

В словаре иностранных слов имидж – это «определенный образ известной личности или вещи, создаваемый средствами массовой информации, литературы или самим индивидом» [4].

Определения в обоих словарях отличаются. Во втором примере составитель подчеркивает искусственный характер имиджа.

Термин «имидж» вошел в активный словарь в 1990-е гг. Это понятие использовалось, прежде всего, для описания политиков. На данный момент имидж расширил рамки своего применения. Он подходит для одушевленных и неодушевленных субъектов: личностей, компаний, государств, регионов.

Российский исследователь Н.В. Трошина подчеркивает «актуальность темы построения имиджа в политической жизни. И политические деятели заинтересованы в подогревании интереса избирателей. Кандидаты нанимают политтехнологов для ведения избирательных кампаний. И ключевая роль в кампаниях отводится созданию выигрышного образа политика» [5].

Ее коллега А.Ю. Панасюк солидарен со словарем иностранных слов в вопросе возникновения имиджа. «Образ индивида или группы целенаправленно конструируется профессионалами. Они используют рекламные, информационные, психологические технологии для создания нужных реакций, мнений в сознании общества. Заданные ярлыки "отпечатываются" в психике индивидов через восприятие ими характеристик объекта» [6].

Известный политолог Е.Б. Шестопал разбирает структуру образа политика. «Авторы чаще всего фокусируются на рациональном уровне восприятия и игнорируют эмоциональную сторону. Когнитивные установки избирателей дают информацию о политических предпочтениях. Однако эти данные поверхностны. Вербализованные составляющие образа делают общую картину плоской. Восприятие индивидов комплексно. Особо ценный пласт информации кроется в иррациональных мотивах населения отдать голос тому или иному кандидату. Исследователь на основе проведенных эмпирических исследований приходит к выводу, что политические предпочтения на рациональном и эмоциональ-

ном уровнях могут не совпадать. Граждане выбирают социально одобряемые ответы на вопросы. Истинные симпатии они скрывают» [7, с. 137–151].

Существуют три группы характеристик, которые составляют имидж политического деятеля:

1) Персональные характеристики, к которым относятся физические и внешние данные, особенности характера, тип личности, стиль руководства и принятия решений и т. д.

2) Социальные характеристики, а именно социальный статус, модели ролевого поведения, связь с различными социальными группами, профессиональный авторитет и т. п.

3) Символические характеристики, т. е. приверженность определённой идеологии, биография, мировоззрение, политическая программа и т. д. [8, 51–67].

В связи с тем, что взаимодействие политика и целевых групп общественности зачастую опосредуется СМИ, появляется возможность избегать трансляции негативных или нежелательных персональных черт и характеристик. Таким образом, большое значение приобретает внешний облик политического лидера, его обаяние и харизма.

Политический деятель должен демонстрировать общественности чёткие, ярко выраженные и постоянные черты и качества своей личности и характера.

Имидж политического лидера включает в себя три важных составляющих: внешнюю, внутреннюю и процессуальную.

Внешняя часть состоит из непосредственно внешности, особенности вербального и невербального общения, стиля в одежде, манеры держаться и говорить и т. п.

Внутренняя составляющая – это профессиональные качества, политические идеи, интеллектуальные способности, образ мыслей, ценности и интересы.

Наконец, процессуальная составляющая подразумевает под собой то, как политик отстаивает и защищает свои политические идеи и установки. Она включает в себя эмоциональную выразительность, скорость реакции и т. д.

Важно отметить, что весь объём этих черт может усваиваться целевыми группами общественности как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

Ф.Н. Ильясов разделяет «имидж на три типа: объективный, субъективный и моделируемый. Объективный имидж – это фактический образ политика в глазах выборщиков. Субъективный имидж – это мнение самого кандидата о производимом впечатлении на население. Создаваемый специалистами имидж для повышения популярности политического лидера является моделируемым» [9, с. 99–106].

Автор книги «Профессия: имиджмейкер» Г.Г. Почепцов особенностью политического имиджа называет «отсутствие прямых контактов избирателя с кандидатом. Электорат вынужден считать посылаемые лидером искусственные знаки и символы... классифицирует имидж на четыре типа: зеркальный, текущий, желаемый, корпоративный и множественный» [10].

Моделируемый имидж можно рассматривать с позиции рынка. Цель производителя в рыночной экономике – продать товар или услугу с целью получения максимальной прибыли. В политическом маркетинге товаром становится имидж лидера. Деньги преобразуются в голоса электората. На рынке продавец изучает потребительские желания и возможности конкурентов. На политическом поле эксперты анализируют ожидания избирателей о личностных качествах лидерах и его поведении. Как писал, уже упомянутый нами Г.Г. Почепцов, «имидж является отражением требований массового сознания» [10].

Производитель четко обозначает свою целевую аудиторию. Погремушки не нужны неженатым мужчинам без детей. Политический лидер также очерчивает свой сегмент выборщиков. Общество неомогенно. Личность не может нравиться абсолютно всем. Определенные качества лидера и его политические взгляды некоторые группы ценят меньше, чем другие.

Маркетинговый подход раскрывает главные особенности имиджа: символичность, информативность, активность. Жан Бодрийяр рассуждал об обществе массового потребления: «С помощью приобретения вещей индивиды обмениваются знаками. Потребление стало особым языком общения. Имидж также можно разбить на знаки. На невербальном уровне цвет галстука, жесты, мимика, походка – это информация. У посылаемых знаков есть значение. Задача лидера – собрать актуальный для аудито-

рии набор знаков, который сможет задеть эмоции и сознание реципиентов» [11].

На ряду с маркетинговым подходом к имиджу существуют и другие: философско-культурологический, психологический, социологический. По мнению Е.Г. Калужной, «имидж – это способ коммуникации в контексте культуры. Субъекты выстраивают свой имидж с ориентацией на культуру. Взятые для имиджа черты связаны с моралью, нравственностью и эстетикой. Категории культуры по своему содержанию изменчивы. Поэтому и имидж динамичен. Он зависит от требований времени и места» [12, с. 45–52].

Другой исследователь И.К. Черемушников описывает так современную культуру: «Она характеризуется отсутствием единства, плюрализмом моделей и неприязнью к жестким нормам. Копирование элитарных образцов ушло в прошлое. Сейчас каждая социальная группа или класс способны производить свои культурные модели и вкладывать в них различные смыслы. В компьютеризированной среде имидж превращается в одностороннюю коммуникацию. Опосредованное взаимодействие замещает непосредственное. Индивиды оценивают других без личного контакта. Они конструируют свой имидж и посылают его «всем и никому» [13].

Представители психологических концепций указывают на двойственную направленность имиджа. Он оказывает влияние и на реципиент, и на носителя. Индивид подстраивает свой образ под социальную группу. В то же время социальная группа не игнорирует отправляемые индивидами знаки. Е.Б. Перелыгина определяет имидж как «символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия» [14].

Социологи изучают сформировавшиеся в общественном сознании стереотипы и их отражение в имидже индивидов. О.Н. Козлова использует понятие социального статуса для определения имиджа. Человек повышает свое положение в стратификационной структуре социума через «самопиар». Представители социологического подхода видят в имидже инструмент идентификации и социального контроля.

Имидж – это многосоставный конструкт. Так, И.Ф. Симонова раскладывает «имидж на четыре группы компонентов: ядро, ин-

дивидуально-личностный, социальный и профессиональный комплексы» [15].

М.В. Шепель ядром называет «наиболее устойчивые социальные и ценностные установки, природные качества личности. Индивидуально-личностный комплекс объединяет особенности внешности, возраста, пола, темперамента. Социальный капитал человека, его положение в обществе и выполняемые роли, стиль общения образуют социальную группу компонентов. Профессиональный элемент имиджа связан с профессиональной идентичностью и компетентностью индивида» [16].

В.Г. Горчакова описывает уровни имиджа: внутренний и внешний. «Внутренний имидж связан с Я – концепцией личности. Внешний имидж направлен на окружающих. В.Г. Горчакова, в отличие от И.Ф. Симоновой, структуру имиджа делит на пять компонентов: габитарный, вербальный, средовой, кинетический и овеществленный» [17].

Повышение значимости политического маркетинга отмечает С.Н. Пшизова. «Избиратели уделяют меньше внимания политическим программам партий и лидеров. На первый план выходит репрезентация политических акторов. Политический маркетинг интересуют технологии, с помощью которых внутренний имидж можно использовать для конструирования внешнего» [18, с. 30–40].

Нами были рассмотрены различные точки зрения о сущности, характеристиках и структуре имиджа. Теоретическим фундаментом данного исследования является маркетинговый и социологический подходы к определению имиджа. Цель политического лидера – изучить стереотипы, идеалы общества и с их помощью «продать» себя. В работе политический имидж – это образ политического лидера, партии, движения или другой политической организации, целенаправленно моделируемый с учетом общественных настроений для реализации политических целей.

Литература

1. *Шашлов М.Н.* Политический имидж как актуальный предмет исследования // Актуальные проблемы политологии: сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / отв. ред. д-р филос. наук, проф. В.Д. Зотов. М., 2011.

2. Политология. Словарь. М., 2010.
3. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
4. Большой словарь иностранных слов. URL:https://gufo.me/dict/foreign_words/%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B4%D0%B6.
5. Трошина Н.В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Н.В. Трошина. Саратов, 2001.
6. Панасюк А.Ю. Имидж: Энциклопедический словарь. М., 2007.
7. Шестопал Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // Полис. Политические исследования. 2005. № 3.
8. Баранов Д.Е. PR: теория и практика: учебное пособие / Д.Е. Баранов, Е.В. Демко, М.А. Лукашенко. М., 2013.
9. Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг, или Как «продать» вождя // Полис. Политические исследования. 1997. № 5.
10. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.
11. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
12. Калюжная Е.Г. Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2006. № 47.
13. Черемушников И.К. Имидж как смысловая реальность культуры. Волгоград, 2010.
14. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М., 2002.
15. Симонова И.Ф. Педагогика имиджа. СПб., 2012.
16. Шепель В.М. Имиджелогия: Секрет личного обаяния. М., 1993.
17. Горчакова В.Г. Прикладная имиджелогия: учебное пособие. М., 2007.
18. Пишцова С.И. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2000. № 2.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Еще в древности мыслителей интересовали все те процессы (биологические, химические, физические), которые связаны с человеком, но еще большей загадкой для них были человеческие чувства, такие как любовь. Что из себя представляет любовь? Любовь – это химический процесс, протекающий в организме человека. Любовь – это эмоция. Любовь – это секс.

На сегодняшний день современное общество дает любви различные характеристики и определения, например:

Любовь – это совокупность эмоций, поступков и убеждений, объединенных сильным чувством привязанности, защищенности, тепла и уважения к другому человеку. Из характеристик в основном преобладают: забота, ответственность, уважение, понимание. Но возвращаясь к древности мы видим, что любовь рассматривалась гораздо шире, нежели просто забота или секс.

Древние греки, например, делили любовь на несколько совершенно разных частей:

- любовь как дружба – филия;
- любовь как романтика – эрос;
- любовь как нежность – сторге;
- любовь как жертва – агапэ;
- любовь как игра – людус;
- любовь как одержимость – мания;
- любовь как рассудок – прагма.

И если в древности любовь носила более возвышенный характер (эрос), то в наши дни она стала более «рассудительна» и расчетлива (прагма).

В своей работе «Генезис философии любви» кандидат философских наук Ольга Анатольевна Отраднава, рассмотрев вышеперечисленные виды любви, классифицирует их по-новому, говоря, что «подобная классификация возможна на основании специфики отношений двух личностей»:

1. Эгоистическая любовь – когда одна личность не воспринимает ценности другой и живет лишь собственными потребностями.

2. Альтруистическая любовь – отрицание себя во благо другого.
3. Эгоальтруистическая любовь – объединение ценности обоих партнеров (образование «сверхценности») и жизнь во благо друг друга» [1].

4. Любовь в постмодерн. Термин «постмодерн» появляется в 70-е годы XX века, от латинского *post* – «после» и *modernus* – «современный», является одним из основных понятий современной социологической теории, обозначающим отрезок исторического времени, хронологически начинающийся с периода подрыва основ индустриального строя и простирающийся в будущее.

Считается, что понятие постмодерн является разновидностью термина «модернити». Модернити (от англ. *Modernity* – современность) понятие, означающее общество, изменённое в результате индустриализации, урбанизации, секуляризации, а также развития институтов государства и гражданского общества. Такой тип общества обычно противопоставляется традиционному обществу и обществу постмодерна которым в свою очередь обозначали различные этапы истории. Так, например, данный термин был использован в V веке нашей эры христианами теологами в противовес язычеству (то есть определенный отрезок времени, где один этап заменяется следующим – новым).

Соответственно, и понятие постмодерн применяется для подчеркивания разрыва человечества со ставшей традиционной эпохой; в силу этого оно не обладает внутренней хронологической определенностью и может использоваться исключительно широко.

Как в эпоху античности и средневековья, так и период постмодерна тема любви вызывает большое количество вопросов и споров.

Постмодерн определяют как эпоху, характеризующуюся резким ростом культурного и социального многообразия, отходом от ранее господствовавшей унификации и от принципов чистой экономической целесообразности, возрастанием вариантов прогресса, отказом от принципов массового социального действия, формированием новой системы стимулов и мотивов деятельности человека, замещением материальных ориентиров культурными.

Что касается непосредственно культуры постмодерна, то на этот вопрос попыталась ответить российский психолог О.В. Лаврова в работе «Любовь в эпоху постмодерна». В ней она утвер-

ждает, что «культура постмодерна может быть описана как совокупность нескольких субкультур, каждая из которых может включать в себя довольно разнородные группы, объединенные в одну на основании ценностной позиции по отношению к Миру, к Другому, к Себе и к Трансцендентному» [2].

Таковыми субкультурами могут быть депрессивная и нарциссическая. По мнению О.В. Лавровой, «депрессивная субкультура в своей массе отрекается от себя самих, хотя парадоксальным образом только на себе и сосредоточена, боязливо удерживая себя в Небытии. Подлинное сознание по определению есть проявляющееся бессознательное, возникающее Бытие из Небытия. Бессознательное в течение жизни упорно превращает Бытие в Небытие, присвоенное себе существование – в «ничье», например, в депрессию, в которой нет Кого-то, а есть Что-то» [2].

Что же касается нарциссической субкультуры, «то это, – пишет О.В. Лаврова, – другая крайность современности – нарциссизм, не позволяющий Миру иметь хоть какое-нибудь место, уничтожающий право на существование любого иного, кроме себя самого. Грандиозное "Я" нарцисса надежно защищено от переживания боли, потерь, грусти, и, тем более, депрессии. Вместо этого нарциссическое Эго производит обиды и гнев. Несмотря не все внешнее великолепие, за совершенной Персоной нарцисса скрывается голодная, завистливая, яростная и опустошенная Самость, пытающаяся замаскировать недостаточность избыточностью» [2].

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие характеристики приведенных субкультур. Так, характеристики депрессивной субкультуры:

- мир – это источник страданий;
- значимый Другой – это тот, кто должен быть обязательно утрачен;
- Я – одинокий и никудашный раб, который не может ничего изменить.

Характеристики нарциссической субкультуры:

- мир – это Я;
- значимый Другой – это тот, кто меня любит;
- Я – совершенная личность, достойная восхищения» [2].

Проблему любви в эпоху постмодерна также рассматривал знаменитый английский социолог Энтони Гидденс в работе «Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах», где он рассматривает различия между предмодернистской Европой и Европой постмодерна. К таким различиям относится:

- отношение к браку (от выгодной сделки до «союза сердец»);
- появление романтической любви (конец XVIII века).

При этом социолог отмечает: во-первых, идеалы романтической любви внедряются в общество самостоятельно; во-вторых, а это самое главное, любовь, включающая в себя сексуальность, разрушается ею же.

«Комплекс романтической любви, – утверждает Э. Гидденс, – носил внутренне разрушительный характер в течение долгого времени, пока находился под контролем ассоциации любви с браком и материнством и под влиянием идеи. Что подлинная любовь, будучи однажды найденной, остается навеки, когда брак для большинства населения действительно был навсегда, структуральное равенство между романтической любовью и сексуальным партнерством было четко очерчено» [3]. На основании этого Э. Гидденс делает вывод о том, что брак как особая форма контроля выступает неплохим регулятором интимных сфер жизни, прибегающим к поддержанию разделения труда между полами (у каждого из супругов свои, строго регламентированные обязанности).

С целью изучения особенностей феномена любви в современном обществе, мы провели пилотажное социологическое исследование среди молодежи г. Бишкека.

Задачей нашего исследования было с помощью метода семантического дифференциала выявить преобладающие характеристики феномена любви среди старшеклассников, а также с помощью метода свободных ассоциаций изучить образ любви в представлениях молодежи Бишкека.

В процессе исследования мы исходили из того, что большинство опрошенных респондентов будут рассматривать любовь в положительном аспекте, что обусловлено склонностью молодого

го поколения к романтике. Более того, мы полагали, что такие характеристиками феномена любви, как «романтичная», «счастливая» в ответах респондентов будут преобладающими.

Кроме того, мы предполагали, что школьники как отрицательное качество любви выберут «зависимость», что в целом связано с распространяющимися в современном обществе инфантильными установками.

На основе проведённого исследования мы получили следующие результаты:

1. Гипотеза о том, что большинство опрошенных старшеклассников будут рассматривать любовь в положительном аспекте, подтвердилась на 99,9 %.

2. Гипотеза о том, что преобладающими характеристиками феномена любви в ответах респондентов выступят такие ее особенности, как «романтичная», «счастливая» – подтвердилась на 50 %, так как преобладают варианты «счастливая» и «заботливая», что соответствует гипотезе лишь наполовину.

3. Также подтвердилась гипотеза о том, что школьники как отрицательное качество любви выберут «зависимость», так как данное прилагательное имеет самый низкий показатель в ответах респондентов.

Литература

1. *Отраднава О.А.* Генезис философии любви // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 1 (9).

2. *Лаврова О.В.* Любовь в эпоху постмодерна. Ad hoc коучинг о людях «До востребования». М., 2010.

3. *Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.

К ВОПРОСУ ОБ ОРИЕНТАЦИИ РОССИИ НА ВОСТОК

В условиях поляризованного мира для каждого государства актуализируется проблема выбора пути развития. Каждое международно значимое действие и решение любого из существующих государств, формирует группы «сторонников» и «противников». Ряд политических решений Российской Федерации, принятых за последние годы, существенно отдалил Россию от западных партнеров. При этом в современных условиях глобализации невозможно эффективное развитие государства в изоляции от мирового сообщества.

Как отмечают российские исследователи П.В. Гриценко и К.В. Хараишвили, «Российская Федерация находится на своеобразном перепутье, основные альтернативы для России в этих условиях таковы:

- 1) отвержение американизированного мифа и выбор особого пути,
- 2) полное принятие американской модели,
- 3) стремление к интеграции в мировое сообщество на основе многополярности» [1, с. 36].

Если придерживаться «непопулярной» на Западе политики и не направлять усилия к установлению тесных межгосударственных взаимодействий со странами Востока и Азии, то неизбежно наступает утрата позиций в международных рейтингах государства, подрыв его экономического благополучия.

В современных условиях России приходится отстаивать свою цивилизационную продуктивность в сложной международной обстановке. Как известно, эта страна по занимаемой площади является самым крупным государством в мире. Уже только это обстоятельство вызывает интерес и пристальное внимание международного сообщества к действиям и решениям России. При этом не утихают дискуссии о социокультурной принадлежности российского государства к восточному или западному типу. «Географическая граница делит Россию на Европу и Азию, а герб России –

двуглавый орел – обращен и к Западу, и к Востоку. Многие русские философы спорили о западной или восточной сущности России. Славянофилы отстаивали ее самобытность по отношению к Западу, а западники – единство с Европой» [2, с. 22].

Представляется, что правильнее говорить о России как о крупнейшей Евразийской державе. Немаловажную роль в этом играют ее глубокие исторические традиции политического, экономического, культурного и цивилизационного обмена, как со странами Запада, так и Востока. В настоящее время представляется наиболее целесообразным для Российской Федерации осуществлять развитие геополитической программы на восточном направлении. «Мир Востока, – считают российские эксперты, – представляет для России сферу ее жизненно важных национальных интересов. Отношения России с Востоком имеют для нее приоритетный характер в силу исторического опыта и традиций, накопленного багажа экономических и культурных связей» [3, с. 7].

Приоритет Востока объясняется рядом причин. В первую очередь, это бурный рост экономики стран региона, повышение привлекательности их международного бренда. Кроме того, если все население Земли сегодня приближается к 7 млрд человек, то практически 60 % от этого числа приходится на страны Востока. По численности населения лидируют такие государства, как Китай, Индия и Индонезия. «Восток, а в его рамках – регион Восточной Азии в силу имеющегося у него колоссального ресурсного и демографического потенциала постепенно становится локомотивом мирового экономического развития» [3, с. 6].

Успех в развитии стран Востока, по мнению А.В. Опошнянского, обусловлен именно «благоприятными демографическими предпосылками: в регионе фиксируется большой удельный вес молодого поколения, которое не обязано заботиться об иждивенцах. Однако это лишь одна из слагаемых успеха. В этих странах сформированы эффективная система образования, привлекательная среда для бизнеса, вложены средства в научно-исследовательские разработки и инновации, созданы преграды для коррупционных проявлений» [2, с. 19].

Хотя, конечно, не все восточноазиатские страны демонстрируют прогресс в своем социально-экономическом и политиче-

ском развитии. Однако, несмотря на неравномерное развитие стран Востока и Азии, России необходимо приложить значительные усилия для утверждения собственного положительного имиджа в данном геополитическом пространстве. Определенные шаги в этом направлении уже предприняты: помимо установления добрососедских отношений с приграничными азиатскими государствами, успешно функционируют такие межгосударственные организации как ОДКБ и ШОС. Расширяется число стран, активно сотрудничающих с Евразийским экономическим союзом.

По нашему мнению, России необходимо и дальше придерживаться курса интеграции с государствами Азии и Востока. «Азиатский поворот» российской дипломатической стратегии связан и с тем обстоятельством, что для России сейчас как никогда остро стоит задача приоритетного развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые со странами Восточноазиатского региона экономически связаны теснее, чем с остальной территорией страны.

В условиях современной действительности обнаруживается тенденция личного участия глав государств в установлении и развитии тесных отношений между своими странами. Примером могут служить российско-китайские отношения. Остающийся нерешенным вопрос о территориальной принадлежности ряда приграничных территорий Дальнего Востока негативно сказывается на российско-японских отношениях, но и здесь можно надеяться на их постепенное развитие.

При этом в выстраивании межгосударственных отношений перспективным представляется использование средств публичной дипломатии и стратегических коммуникаций. Как отмечал Я. Мелиссен, «В ряде двусторонних отношений публичная дипломатия уже стала хлебом и маслом многих дипломатов» [4, с. 11]. Публичная дипломатия может достичь значительных результатов в преодолении мостов между разными культурами. При правильно проводимой публичной дипломатии не должно возникать сложностей в правильности передачи информации адресату и легкости ее восприятия. Публичная дипломатия не должна разрабатываться в отрыве от внешней политики страны, и она должна соответствовать среднесрочным и долгосрочным

целям. Однако цели публичной дипломатии не должны смешиваться с целями международного лоббирования.

При последующем развитии геополитических программ, направленных на поддержание благоприятного имиджа России, установлении тесных экономических и межкультурных связей, Россия сможет значительно повысить собственный международный авторитет и существенно укрепить свои позиции на международном уровне.

Литература

1. *Гриценко В.П.* Взаимодействие тенденций регионализации и глобализации на Юге России // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2 (61).

2. *Опошнянский А.В.* «Восток – Запад – Россия»: о месте России в проекте глобализации // Общество: философия, история, культура. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostok-zapad-rossiya-o-meste-rossii-v-proekte-globalizatsii>.

3. Россия и страны Востока в постбиполярный период: учеб. пособ. / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2014.

4. *Robert Cooper.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. London: Atlantic Books, 2003.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Понятие гражданского общества, появившись еще в античности, прошло длительную эволюцию. В истории социально-политической мысли существовали различные подходы к определению сущности гражданского общества. Так, например, известный канадский философ Ч. Тейлор выделяет L- и M-традиции в понимании гражданского общества. Англо-американская L-традиция (Дж. Локк, А. Фергюсон, А. Смит, Т. Пейн и др.), берущая начало от Дж. Локка, трактует гражданское общество как этическое сообщество, возникшее до государства и, следовательно, живущее по естественным законам. Ядром гражданского общества, согласно указанной традиции, является гражданин, а главная задача заключается в защите либеральных ценностей.

Согласно франко-итальянской M-традиции (Ш. Монтескье, Б. Констан, А. де Токвиль, А. Грамши и др.), гражданское общество – «набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида от посягательств власти» [10, с. 79]. Другими словами, сторонники данной традиции под гражданским обществом имеют в виду, прежде всего, отношения и институты, автономные от государства.

Концепции Ч. Тейлора созвучен подход, разделяющий концепции гражданского общества на либеральные (Дж. Локк, Геллнер, Дж. Холл, Ф. фон Хайек, М. Фридман и др.) и коммунитарные (Г. Гегель, А. Грамши, М. Вальцер, Б. Барбер и др.). Либералисты опираются в своих воззрениях на философию либерализма Дж. Локка, провозглашающего приоритет свободы и прав личности. Идеино-теоретическим источником коммунитаристов были политико-философские воззрения Г.В.Ф. Гегеля. Приверженцы данной парадигмы, подвергнув критике взгляды своих оппонентов, приоритет отдавали сообществам [4, с. 55–56].

Известный российский политолог П.П. Баранов классические воззрения на гражданское общество разделил на холистский, тео-

центристский, конвенциональный, либеральный, этатистский подходы [3, с. 12]:

1) Холлистский подход возник еще в Античности. Тогда еще не было разделения политической и социальной сферы общества. Под гражданским обществом понималось политическое общество, то есть государство. Предметное выражение гражданское общество приобретает в образе человека-гражданина. Основоположник холлистского подхода Аристотель выдвинул тезис о том, что вне государства (в его случае – полиса) человек не является человеком. Ведь по природе своей он «есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [2, с. 387].

Идеи Аристотеля развил римский мыслитель Цицерон. С его подачи греческое «*politike koinonia*» на латинском стало звучать как «*societas civilis*» – гражданское общество. Следуя Аристотелю, римский философ считает, что первой причиной возникновения «*societas civilis*», или гражданского общества, является «врожденная потребность жить вместе» [11, с. 20].

2) Согласно теоцентристскому подходу (Августин, Ф. Аквинский), гражданское общество – это творение Божье, и людей в нем объединяет вера в Бога.

3) Представителями конвенционального подхода были Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и Ш.Л. Монтескье. В его основе лежит теория общественного договора и естественных прав человека. На первый план в этой концепции выдвигается требование неотъемлемых прав и свобод человека, присущих его естественной природе.

По мнению английского философа Т. Гоббса, равенство и эгоизм людей в «естественном», природном состоянии обрекает их на «войну всех против всех», «бедность, мерзость, одиночество, варварство, невежество, дикость» [6, с. 373]. Но инстинкт самосохранения подталкивает их к заключению общественного договора и переходу из «естественного состояния» (*status naturalis*) к «состоянию гражданскому» (*status civilis*). «Созданное таким образом единение называется государством или гражданским обществом (*societas civilis*)», – пишет Т. Гоббс в своей работе «О гражданине» [6, с. 373].

Французский просветитель Ж.-Ж. Руссо концепцию общественного договора излагает следующим образом: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого. <...> Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти, и подданными как подчиняющиеся законам Государства» [9, с. 208, 209]. Причем философ замечает, что раньше это новое состояние называли «гражданскою общиной, ныне же именуется Республикою, или Политическим организмом» [9, с. 209]. Ж.-Ж. Руссо подчёркивает, что существование развитого гражданского общества невозможно без государства: «Лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам» [9, с. 209].

4) Основы либерального подхода к гражданскому обществу были заложены Дж. Локком, который разработал идеологические основы гражданского общества западноевропейского типа, декларирующего самоценность человека, основанную на разуме и его возможностях.

Как отмечают А.В. Петров и С.Е. Жичкина, «в рамках либерального подхода на первый план выдвигается проблема взаимодействия гражданского общества и государства. Если прежние теории выделяли неотчуждаемые права человека и акцентировали внимание на его экономической свободе, то новые либеральные концепции значительно расширяют и закрепляют требования свободы, независимости граждан и их объединений от возмозжно-го произвола государства» [8, с. 21].

Дж. Локк, в отличие от Т. Гоббса, считал, что гражданское общество вырастает из естественного состояния, являясь его логическим и органическим следствием. У Локка государство образуется на основе существующих в естественном состоянии общественных отношений. Народ – суверен, главная цель государства состоит в защите общества. Государство, согласно либеральной концепции, должно лишь обеспечивать безопасность личности, частной собственности, охранять общество, основанное на гражданской свободе. Важным аспектом либерализма являлось невмешательство государства в экономическую жизнь.

5) Этактистский подход к пониманию гражданского общества представлен классиком немецкой философии Г.В.Ф. Гегелем. Если до Гегеля большинство мыслителей отождествляли государство и гражданское общество, то он уже четко различает эти два феномена: «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством» [5, с. 227]. Философ уверен, что возникновение гражданского общества связано с рыночными капиталистическими отношениями, и оно создано «лишь в современном мире» [5, с. 227].

Гегель считает, что гражданское общество базируется на двух основополагающих принципах: 1) «конкретное лицо, которое есть для себя как особенная цель», обладающая своими потребностями и интересами; 2) взаимосвязь, взаимозависимость индивидов. «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного», – писал классик [5, с. 227].

Г.В.Ф. Гегель выделяет три основных момента гражданского общества:

1) систему потребностей как отдельной личности, так и всех членов общества, удовлетворяемую посредством труда;

2) правосудие, направленное на защиту частной собственности индивидов;

3) полицию и корпорации, призванную отстаивать интересы индивидов [5, с. 233].

Философ убежден, что «в действительности государство есть вообще первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента» [5, с. 278]. Государство – олицетворение всеобщего, царство разума, в то время как гражданское общество – это особенная форма всеобщего, отождествляемая им с рассудком.

Государство, согласно Г.В.Ф. Гегелю, является внешней необходимостью семьи и гражданского общества, властью, стоящей над ними и подчиняющей их себе, и в то же время оно есть их внутренняя цель, то, к чему их ведет высший разум [4, с. 43].

В современной социально-политической мысли нет общепринятого однозначного понимания гражданского общества. Проблема гражданского общества до сих пор дискутируется как в западной социогуманитарной науке, так и в постсоветской. Российский политолог М.Ю. Зеленков считает, что все они базируются на трех основных подходах:

1) «либерально-демократический подход – связывает гражданское общество с рыночной экономикой, разнообразием форм частной собственности, развитием демократии (максимальная свобода и независимость индивидов и институтов этого общества являются высшим идеалом);

2) социал-демократический подход, утверждающий, что гражданское общество – сердцевина всей общественной и политической жизни, отмечая при этом, что общество может быть демократическим, если у него есть реальная возможность формировать структуры власти, которые, в свою очередь, определяют контуры гражданского общества;

3) ортодоксальный (марксистский) подход – рассматривает разделение гражданского общества и государства негативно, полагая, что это затушевывает основополагающий вопрос о частной собственности и классовых противоречиях, что, естественно, не дает прояснения подлинного существа этой проблемы» [7, с. 113].

Полагаем, что в современной политологии в основном преобладает два первых подхода. Так, например, С.С. Алексеев рассматривает «гражданское общество как свободное демократическое правовое общество, ориентированное на конкретного человека, создающее атмосферу уважения к правовым традициям и законам, общегуманистическим идеалам, обеспечивающее свободу творческой и предпринимательской деятельности, создающее возможность достижения благополучия и реализации прав человека и гражданина, органично вырабатывающее механизмы ограничения и контроля за деятельностью государства» [Цит. по: 8, с. 22].

Другой исследователь М.И. Абдулаев указывает на «три фактора, способствующих становлению и развитию гражданского общества: правовой характер государства; культурное состояние общества; превращение подданных государства в свободных граждан» [1, с.168]. Позицию М.И. Абдулаева поддерживает

В.К. Бабаев, который отмечает, что «гражданское общество – это такое социальное пространство, в котором люди взаимодействуют относительно свободно, без непосредственного вмешательства государства» [Цит. по: 8, с. 23]. По мнению А.В. Петрова, С.Е. Жичкиной, «гражданское общество как социальное пространство, независимое от государства и призванное контролировать его деятельность при помощи общественных организаций, учреждений, объединений, направленное на реализацию и обеспечение всей совокупности прав и свобод человека и гражданина» [8, с. 24].

С точки зрения отечественного философа А.К. Бектановой, «целесообразно дескриптивно-прескриптивное понимание гражданского общества, то есть его осмысление, как, с одной стороны, некой идеальной модели, проекта, который стремятся осуществить демократически ориентированные страны. С другой стороны, как реального конкретно-исторического феномена, присущего им (странам – Б. А.) на данном этапе их исторического развития» [4, с. 94]. В контексте первого, прескриптивного подхода она предлагает следующую его дефиницию: «гражданское общество – это особое социокультурное пространство, представляющее собой систему независимых от государства и в то же время так или иначе взаимодействующих с ним самоорганизующихся социальных институтов, общественных взаимосвязей и взаимоотношений (семейных, религиозных, морально-нравственных, политических, экономических, этнических, культурных, правовых и др.), носящих преимущественно «горизонтальный» характер и основанных на партнерстве, солидарности и здоровой конкуренции, обеспечивающих реализацию индивидуальных и коллективных потребностей своих членов и направленных на достижение общественного блага, социального порядка и согласия. Такое общество предполагает высокий уровень гражданской культуры, сознания и самосознания, реальную личностную свободу и высокую гражданскую ответственность своих членов» [4, с. 94].

В контексте второго подхода, гражданское общество, по мнению А.К. Бектановой, «включает в себя реально существующую на данный момент систему автономных от государства социальных институтов, горизонтальных взаимосвязей и отношений, служащих удовлетворению разнообразных потребностей индивидов» [4, с. 94].

Таким образом, анализируя различные подходы и определения гражданского общества, можно сделать вывод о том, что под гражданским обществом понимается автономная и непосредственно не зависящая от государства сфера общественных отношений и взаимосвязей индивидов и социальных групп, носящих экономический, правовой, духовный, культурный и т. д. характер, и направленных на удовлетворение многообразных потребностей и интересов граждан. В то же время важно отметить, что гражданское общество тесно взаимосвязано с государством. Только сильное демократическое государство может формировать и поддерживать политический, экономический и духовно-идеологический фундамент гражданского общества.

Литература

1. *Абдулаев М.И.* Проблемы теории государства и права. СПб., 2012.
2. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1986.
3. *Баранов П.П.* Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: дис. ... канд. юрид. наук / П.П. Баранов. Ростов н/Д, 2003.
4. *Бектанова А.К.* Социокультурные условия становления гражданского общества: философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук / А.К. Бектанова. Бишкек, 2019.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М., 1990.
6. *Гоббс Т.* О гражданине // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1989.
7. *Зеленков М.Ю.* Политология: учебник. М., 2012.
8. *Петров А.В., Жичкина С.Е.* От понятия к сущности гражданского общества // Проблемы и вопросы теории государства и права. 2014. Т. 14. № 4.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938.
10. *Хархордин О.В.* Проект Достоевского // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4.
11. *Цицерон М.Т.* Диалоги. М., 1994.

Коллектив авторов

Раздел 1

Азимжанова А.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Бектанова А.К. – доктор философских наук, и.о. профессора кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Бугазов А.Х. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Кыргызско-Кыргызско-Российского Славянского университета.

Джанибеков Б.Т. – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Ли Ю.В. – кандидат политических наук, и.о. доцента кафедры философии Кыргызско- Кыргызско-Российского Славянского университета.

Лукьященко И.Е. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Сорочайкина Е.В. – кандидат философских наук, и.о. доцента кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Попов Е.А. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Алтайский государственный университет.

Туглис В.П. – кандидат исторических наук, профессор кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Устименко М.А. – сотрудник Кыргызской Ассоциации разработчиков Программного Обеспечения и Услуг (КАРПОУ).

Хайбулина Ф.Д. – кандидат философских наук, и.о. доцента кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Эшимбекова Н.Э. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Раздел 2

Алиева А.Т. – магистрантка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Бактыбеков Э. – студент гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Болотканова Э. – магистрантка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Будильская А.А. – магистрантка отделения социологии Уральского Федерального университета

Ельшина Л.М. – студентка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Иванов Н.А. – магистрант гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Исмаилова А.С. – студентка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Козукеева Н.Н. – студентка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Мамбетайсаева К.Ж. – студентка экономического факультета Кыргызского экономического университета.

Маратов Б. – магистрант философского факультета Московского государственного университета.

Мусаева Э. – студентка экономического факультета Кыргызского экономического университета.

Савченко А.А. – магистрантка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Сталбекова Б. – магистрантка гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

Токтоналиев К. – студент экономического факультета Кыргызского экономического университета.

Шевченко Т. – магистрант гуманитарного факультета Кыргызско-Российского Славянского университета.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1	3
Азимжанова А.А. «Социальная память» как предмет социальной философии	3
Бектанова А.К. Историко-философское развитие идеи гражданского общества.....	11
Бектанова А.К. Проблема гражданского общества от античности до эпохи модерна	24
Бугазов А.Х. Идея демократического социализма в евразийском сообществе	34
Бугазов А.Х., Устименко М.А. Предпосылки формирования идеи «перенаселенности планеты»	47
Хайбулина Ф.Д. Определение и формирование политического имиджа в современной политологии	51
Джанибеков Б.Т. Социальные детерминанты, факторы и перспективы научно-технического прогресса в рамках ЕАЭС	61
Ли Ю.В. Изменения в культуре кыргызского этноса в советский период	69
Лукьященко И.Е. Общественное сознание и феномен конформизма	76
Сорочайкина Е.В., Козукеева Н.Н. Проблема трансформации политической элиты Кыргызстана	87
Попов Е.А. Право и современная социология	96
Тутлис В.П. Ф.М. Достоевский и философия экзистенциализма	105
Эшимбекова Н.С. Великая Отечественная война и ценностные миры литературных образов Ч. Айтматова	116
РАЗДЕЛ 2	123
Алиева А.Т. Образ политической власти в массовом сознании граждан Кыргызской Республики	123
Бактыбеков Э. Партийная система Кыргызстана: проблемы и пути решения	127

Иванов Н.А. Гражданское общество и формирование личности в Кыргызстане	137
Будильская А.А. Понятие ненасилия: сущность и формы	145
Ельшина Л.М. Характерные черты антиутопического общества будущего	155
Сталбекова Б. Политическая активность молодежи	168
Сталбекова Б. Влияние СМИ на политическую жизнь общества	172
Мамбетайсаева К.Ж. Средства массовой коммуникации и их влияние на общество и индивида	177
Маратов Б. Современный евразийский менталитет и его основания	185
Исмаилова А.С. Теоретические аспекты понятия «политический имидж».....	193
Савченко А.А. Некоторые особенности восприятия феномена любви в сознании молодежи	200
Токтоналиев К. К вопросу об ориентации России на Восток	205
Шевченко Т.А. Гражданское общество: сущностные характеристики.....	209
Коллектив авторов	216
Раздел 1	216
Раздел 2	217

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей
Выпуск VIII

Редактор *К. Тимофеева*
Компьютерная верстка *Д.Ю. Иванова*

Подписано в печать 21.05.2021
Печать офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Объем 13,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 32

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2а